

ТАМАРА Т.РАЙС

СКИФЫ

СТРОИТЕЛИ СТЕПНЫХ ПИРАМИД

ТЛ

Содержание:

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. Происхождение скифов

Глава 2. Народ

Одежда

Искусство верховой езды

Конская сбруя и снаряжение

Внешний вид

Поселения городского типа

Интеллектуальный кругозор и художественный вкус

Колдовство

Религия скифов

Погребальные церемонии

Глава 3. Захоронения

Глава 4. Имущество скифов

Инструменты

Топоры

Оружие

Ременная упряжь

Домашняя утварь

Мебель

Ковры

Зеркала

Ювелирные украшения

Глава 5. Искусство скифов

Глава 6. Наследие скифов

Приложения

Главные захоронения скифов и родственных им племён

Скифские цари

Фотографии

(всего в книге более 50 черно-белых фотографий)

Введение

Счастливые стечения обстоятельств, как любил называть это Конрад, удача или даже рок, как предпочитают думать другие, во многом определяют судьбы народов и индивидуумов, распределяя превратности жизни либо благодеяния в равной степени и на отдельные личности, и на смешанные группы людей. Одним из самых печальных превратностей судьбы является, несомненно, предание мертвых забвению. Возможно, именно подсознательное чувство предстоящей опасности быть забытым после смерти заставляет праздного зеваку повернуть к старому церковному кладбищу, остановиться у разрушившейся могильной плиты и поразмышлять о том, взглядываясь в стершуюся и неразборчивую надпись, что за человек был похоронен под этой таинственной плитой, как он жил. Это чувство заставляет его сожалеть, что все следы этого когда-то полного жизни человека — даже запись его имени и продолжительности жизни — уже навсегда исчезли из памяти человечества.

Собираателей древностей часто посещают в какой-то степени похожие мысли, особенно тех из них, кого влечет к наименее документально подтвержденным страницам древней истории. К самым скудным из них, но и самым увлекательным, относятся страницы истории, связанные со скифскими кочевниками, которые в последнем тысячелетии дохристианской эры скитались по обширной, полумесяцем изогнутой степи, простирающейся от границ Китая до берегов Дуная. В далекие доисторические времена многочисленные племена сменяли друг друга на этой бескрайней равнине. В северо-восточной ее части многие народы часто проявляли тенденцию — которая с каждым веком становилась все более явной — к миграции из исходной точки на запад или юго-запад. Несомненно, стимулом к этому служило существование естественных географических преград на других направлениях, которые мешали им вырваться за их пределы. Следы их передвижений время от времени можно кое-где найти благодаря предметам, которые они оставляли после себя, но их история практически потеряна для нас, хотя исследователи доисторических времен и могут иногда собрать кое-какие туманные факты тех древних, давным-давно забытых времен, о которых не осталось никаких письменных источников. Немного больше сведений имеется о европейской части степных просторов в последнем тысячелетии дохристианской эры. Тогда на этой территории на смену последним жителям бронзового века пришли племена, с которыми они ассимилировались и происхождение которых остается невыясненным. Однако они, сплотившись вокруг племени царских скифов, обитавших в южной части России, тем не менее оставили нам на память многочисленные вещественные доказательства своего существования. За исключением их керамики все принадлежавшие им вещи, дошедшие до нас, в том числе и самые утилитарные предметы, привлекают к себе внимание и мастерством, с которым они созданы, и исключительно оригинальным стилем изображения животных, которыми украшено по-дипломатичнее большинство изделий. Их фигурки обнажают интерес к животному миру и умение выражать неотъемлемые черты этого мира с такой прямоотой, убежденностью и великолепием, каких еще не было обнаружено в искусстве кочевых племен. Действительно, фигурки животных, которые скифы создали для собственного развлечения, полны такой жизненной силы и очарования, что они со временем стали оказывать влияние на искусство Западной Европы, привнося в него свой собственный неповторимый отпечаток.

Очень жаль, что скифы не имели алфавита и не чеканили монеты, так как, хотя поразительное разнообразие предметов, найденных в их захоронениях, свидетельствует о неожиданно сложном образе их жизни и о почти универсальных способностях к дизайну,

наши знания о них должны в значительной степени опираться на второстепенные источники. Первоначальная информация о них ограничена выводами, которые можно сделать при раскопках их могил, а за основными историческими фактами нам приходится обращаться к немногочисленным случайным упоминаниям о них в письменных исторических документах их более цивилизованных современников, будь то китайцы, ассирийцы, иудеи или греки, а также к более подробным, пусть и беспорядочным, сообщениям, составленным греческими историками античности.

Многие древнегреческие ученые ошибочно считали скифов самым древним народом в мире. Делая свои записи в I в. до н. э., Трог Помпей¹ подтвердил, что таковым их всегда считали все, кроме египтян, которые в течение долгого времени оспаривали это утверждение. В этом случае египтяне были на самом деле правы, так как опровержением ошибочного мнения о происхождении скифов служит тот факт, что они не создали признанное государственное образование ранее VIII в. до н. э. Поэтому они и не могли соперничать с египтянами в древности происхождения. Тем не менее скифы были в свое время важной политической силой, и хотя сейчас их история занимает всего лишь несколько строк в наших наиболее полных справочниках, они продолжают оставаться удивительно живыми для нас, став источником некоторых из наших любимых легенд. Так, согласно этим легендам, страна Одиссея, Страна восходящего солнца, загробный мир якобы находятся в Скифии, на восточном побережье Черного моря, на полуострове, который сейчас называется Таманским. Там же Ясон и его аргонавты искали золотое руно, а Одиссей нашел свои дальнейшие приключения. Именно там Ифигения служила Диане; оттуда Магог, охваченный яростью, отправился сеять опустошение среди иудеев.

В добавление к этим легендам много необычных преданий о почти сказочном богатстве скифов смешались с правдоподобными фактами, собранными греческими историками. В результате получилась такая запутанная картина, что до конца XIX в. многие ученые были склонны даже не принимать в расчет многое из того, что написал о скифах Геродот. Затем постепенно высокая истинная ценность предметов, которые регулярно появлялись из скифских курганов на юге России, заставили археологов снова обратиться к этим ранним историческим источникам. К их удивлению, они обнаружили много такого, что, перемешанное с нелепицами, оказалось бесценным для восстановления целостной картины жизни скифов. Современные раскопки неизменно продолжают приносить все новые доказательства в поддержку некоторых из этих древних утверждений. Лишь внимательное прочтение старинных текстов в сочетании с результатами, полученными в ходе поле-Ш. IX изыскательских работ, выявило столько нового об обычаях степных кочевников в эпоху скифов, что появилась неожиданная возможность воссоздать их образ жизни и дать до некоторой степени точную оценку их вкладу в искусство Западной Европы в Средние века.

Собственно скифы в действительности образовывали главный клан большой группы кочевников, которую не представляется возможным четко разделить на племена, опираясь на упоминания о них древних писателей. К VII в. до н. э. они прочно обосновались в южной части современной России, а схожие с ними племена, возможно, даже родственные кланы, хотя и политически совершенно обособленные и независимые, также сгруппировались на Алтае. Некоторые из них, возможно, даже проникли в район Енисея. Происхождение этих азиатских племен не может в настоящее время быть установлено достаточно определенно, но некоторые из них внесли такой большой вклад в искусство скифов, что все они заслуживают того, чтобы, по крайней мере в области искусства и культуры, их считали единым целым. Хотя встречающиеся различия часто являются достаточно заметными, чтобы служить основанием для дифференциации. Поэтому в этой книге термин «скифы» будет обозначать именно скифские племена, которые жили на Кубани, в Крыму, вдоль крупных рек южной части России и несколько позже проникли в

Румынию, Болгарию, Миссию и Пруссию. Термин «родственные скифским племена» будет относиться к кочевникам Алтая, особенно к тем из них, чьи захоронения были раскопаны в Пазырыке и на близлежащих местах стоянок древнего человека в этом же районе. Преимущество такого определения состоит в том, что оно не противоречит определению древних. Таким образом, в соответствии с употреблением этого слова в конце XIX в., термин «скифы» сохранился за племенами, которые господствовали на территории, простирающейся от Карпат до Дона. Страбон фактически выделил район Добруджи в «Малую Скифию», в то время как все степные районы, лежащие к северу и северо-востоку от Черного моря, он определил как «Восточную Скифию».

На всей этой территории, которая нас интересует, скифы и родственные скифам племена были в основном кочевниками, но их пастушеская жизнь зависела в определенной степени и от земледельческих общин. И совсем не представляется невероятным то, что по крайней мере к V в. до н. э. какая-то часть каждого племени жила в постоянных или полупостоянных поселениях, которые служили базой для кочевой части племени. Оказалось, что у кочевников европейской и азиатской частей равнины выработался очень схожий режим жизни и развились схожие занятия. И в результате этого не наблюдается сильно выраженных различий во вкусах и интересах, в одежде и вооружении этих двух групп. Ввиду дальности этих времен невозможно определить, насколько сходство было следствием существования неких расовых связей между этими группами, насколько оно зависело от схожести окружающей среды и образа жизни. Искусство и тех и других, хоть и похожее в своей основе, тем не менее имеет свои отличительные черты благодаря некоторым местным особенностям, отчасти являющимся следствием того географического положения, которое занимала азиатская и европейская части равнины. Евразийская степь, простирающаяся от восточных стран до Центральной Европы, настолько огромна, что неизбежно народы, живущие на той или иной ее окраине, должны были больше сблизиться со своими непосредственными соседями, даже если они оказывались чужаками, нежели со своими сородичами, но живущими далеко. Таким образом, на Востоке в первую очередь Китай часто оказывал на культуру кочевников этого региона заметное влияние; в центральных районах были более очевидны персидские элементы, а на Западе — греческие. И все же, несмотря на эти чужеродные влияния, культура кочевников главенствовала на всем протяжении этого огромного пространства, проявляясь в более грубой форме на Алтае и с большей утонченностью — у царских скифов на юге Руси. И это влияние не происходило исключительно в одном направлении, так как самобытная культура жителей степи, в свою очередь, чувствовалась, пусть и в меньшей степени, и в культуре Востока, и в культуре Запада.

Скифы образовывали хорошо организованные общины, с дисциплинированной готовностью подчинявшиеся своим вождям. Но это был необузданный народ, получавший удовольствие от войны, грабежей и снятия скальпов со своих врагов. Не раз их отвага в бою вызвала настоящую озабоченность гораздо более могущественных царств: Ассирии, Мидии, Парфии и Греции. В VII в. до н. э. скифов боялись по всей Малой Азии, но в то же самое время их богатство и страсть к пышным украшениям снискали им благосклонность крупных греческих купцов, обосновавшихся на берегах Черного моря, а также греческих мастеров и ремесленников, поселившихся в Боспорском царстве, особенно в Пантикапее. Даже на таком раннем этапе своей истории скифы уже проявляли чрезвычайную способность к пониманию и усвоению всего самого лучшего в современном им искусстве независимо от его происхождения и не замедлили обратиться за высококачественными изделиями к искуснейшим греческим мастерам, которые работали в понтийских городах, возникших на их южных границах в VII в. до н. э. Греки же со своей стороны не отказывались работать для богатых кочевников, от которых они зависели в получении многих основных продуктов питания. Купля-продажа, вероятно, носила бартерный

характер, и начиная с VI в. до н. э. греки этого региона изготавливали изделия, которые, совершенно очевидно, были сделаны для скифской знати. Были найдены предметы, украшенные сценами из жизни кочевников, которые могли представлять интерес только для вождей племен, обитавших в глубинных районах степи; они, вероятно, были созданы по специальному заказу. Мы можем заметить, что то же самое происходит на юго-востоке, в Сакизе, где, как пишет Гиршман, среди сокровищ, принадлежавших скифскому царю Партакату или его сыну Мадии, были найдены великолепные образцы ассирийско-скифского ювелирного искусства.

Действительно, скифы так же активно участвовали в торговле, как и в войне, и представляли собой настолько важный элемент жизни своей эпохи, что Геродот счел необходимым посвятить им целую книгу в написанной им великой «Истории». Для получения всей возможной информации он лично отправился в утомительное путешествие в Ольвию, греческое дальнее поселение, которое было основано в 645 г. до н. э. у места слияния Буга и Днестра. Чтобы существовать, Ольвия должна была пользоваться защитой скифов и зависела от торговли со скифскими племенами. За первое она платила своего рода дань. Геродот обнаружил, что Ольвия — приятный и процветающий город, и посвятил свое пребывание там благой цели: он выучил название племени и узнал об индивидуальных особенностях одного из вождей. Все это он занес в Четвертую книгу своей «Истории». Однако он был осторожен, проводя различие между фактами, в подлинности которых он убедился сам, и сообщениями, полученными им от других, которые он не имел возможности проверить. Но все же, несмотря на его отчет, отсутствие письменных источников в среде самих скифов стало сильным союзником забвения, и память о скифах быстро потускнела с их уходом с политической арены. К IV в. н. э. цивилизованный мир того времени совершенно позабыл о них, и должно было пройти пятнадцать столетий, прежде чем их искусство было открыто заново. Именно благодаря этому искусству им суждено было вновь инять свое место в памяти людей.

Первый шаг к восстановлению памяти о скифах был сделан в начале XVII в., когда организованные шейки разорителей могил начали массовые грабежи могильных курганов в Сибири. Сообщения об их опустошении достигли Петра I. Хотя царь и был озабочен делами на западе, чтобы иметь возможность финансировать организованные раскопки на восточных территориях, он отдал четкие распоряжения: шайки разогнать, виновников наказать, а Награбленные ими предметы отослать к нему в Петербург. В положенное время великолепная коллекция золотых поясных пряжек и пластин прибыла в столицу. Некоторые из них были украшены драгоценными камнями или эмалью; на большинстве из них, имевших форму горизонтально лежащей буквы «В», были изображены чрезвычайно любопытные фигурки животных. Коллекционеры и ценители искусства столицы были сильно озадачены стилем исполнения этих пряжек. Они были помещены в личную царскую сокровищницу и много лет спустя стали экспонатами Эрмитажа в Петербурге, где по-прежнему составляют уникальную коллекцию выдающегося значения.

В течение XVIII в. случайные находки в Сибири и на юге России, представлявшие собой изделия, украшенные похожими изображениями животных, способствовали поддержанию умеренного интереса к искусству такого рода, которое постепенно стало ассоциироваться с кочевниками евразийской степи. Эта точка зрения подтвердилась в 1763 г., когда генерал Мельгунов, назначенный на военную должность в южном регионе России, открыл великолепные могильные курганы, которые сейчас носят его имя. Его открытия произвели сенсацию, но даже при этом следующий реальный шаг вперед российская археология сделала не ранее чем в начале XIX в., когда были предприняты научные экспедиции в Сибирь такими первопроходцами, как Кларк, Паллас, Дюбуа де Монперё, Сумароков, и десятками других. Все эти путешественники отмечали многочисленность древних

захоронений, которые, по крайней мере для археологов, разнообразили кажущийся безграничным сибирский ландшафт, но ни у кого из них не было возможности приступить к раскопкам в этом районе. Тем не менее в 1806 г. в Николаеве был основан музей; пятью годами позже другой музей открылся в Феодосии; в 1825 г. еще один появился в Одессе, а на следующий год самый крупный музей разместился в Керчи. Эти учреждения послужили стимулом для собирателей древностей, и за удивительно короткое время двое жителей Керчи, Дубрукс и Стемповский, хотя они не были профессионалами, при помощи двух директоров Керченского музея, Бларемберга и Ашила, а также местного представителя Министерства по делам окраин Карейши провели раскопки на месте стоянки древнего человека недалеко от Керчи. Вслед за этим подобные работы были проведены на Кубани и в других местах, расположенных вблизи южных оконечностей крупных рек, которые пересекают европейскую часть равнины. Вскоре стало достаточно ясно, что в курганах находятся не только захоронения людей и лошадей, но также и изумительные изделия мастеров по металлу, которые должны были иметь отношение к скифам. Точно так же стало очевидно, что эти люди развили особое анималистическое искусство, полное жизни и исполненное динамики, которая была определена законами природы и все же бросала им вызов; они изображали и реальных, и воображаемых существ, населявших их полные причудливых картин и суеверий умы. В захоронениях были найдены многочисленные предметы из бронзы и железа, а также много изделий из золота. Последние возбудили особое внимание, так как вскоре стало очевидным, что украшения на этих изделиях имели в какой-то степени отношение к тем пряжкам из Сибири, которые Петр Великий спас от уничтожения более века тому назад.

Следующий важный шаг в археологических изысканиях, связанных со скифами, произошел в 1860 г., когда В.В. Радлов отправился исследовать Сибирь, дополняя на этот раз поверхностный осмотр курганов раскопками. В 1865 г. его изыскания привели его в Катанду, местечко на юге Алтая, где было так много могильных курганов, что он решил вскрыть некоторые из самых крупных. Его интерес возбудила необычная конструкция этих курганов. Вместо того чтобы иметь земляное покрытие, как это было обычно для курганов на территории южной России, они были покрыты слоем больших камней. Радлов вел работу в одном из самых больших курганов совсем недолгое время, когда его люди наткнулись на пласт льда. Это было тем более удивительно, так как они находились в районе, не относящемся к зоне вечной мерзлоты. Даже не подозревая о существовании такого явления, Радлов наткнулся на первый из замерзших могильных холмов, которые в настоящее время являются особенностью именно этого региона Алтая.

Образование льда в этих курганах — случайное, происшедшее благодаря слою камней, которые их покрывают. Осенние дожди проникают сквозь этот слой и просачиваются в землю, находящуюся под ним; во время сильных холодов в зимние месяцы года влага замерзает, и даже летом этот лед, который часто доходит до глубины 21 фута, не тает благодаря изоляции, роль которой играют камни, лежащие сверху. В результате многие тела и предметы, захороненные под слоем льда, сохранились как в современной морозильной камере.

Радлов, естественно, понятия не имел о таком положении дел, а так как время проведения сезонных работ его поджимало, он приступил к растапливанию льда так быстро, насколько это было возможно. Когда воды, которые веками находились в замерзшем состоянии, были высвобождены, пораженный археолог получил возможность рассмотреть мертвецов, на которых хорошо сохранилось кое-что из одежды, а их предметы домашнего обихода лежали практически нетронутыми. Но почти сразу же, как только вода проникла в камеру-усыпальницу, некоторые наиболее хрупкие вещи распались. Хотя часть находок и была потеряна, Радлову в основном удалось спасти содержимое захоронения. Его находки

включали в себя предметы одежды и мебели, которые привлекают к себе большее внимание спустя приблизительно восемьдесят лет со времени своего обнаружения. По мере того как множилось число раскопок, извлекая на свет божий все больше образцов анималистического искусства, стало очевидным, что на просторах всей евразийской степи когда-то существовала жизнь, корни которой уходят в далекое прошлое, и что в эпоху скифов все ее части были связаны между собой тесными регулярными контактами. Однако обнаружение золотых и металлических предметов, сделанных, несомненно, скифскими мастерами, на Балканах и в Западной Европе добавило новые непредвиденные трудности к задаче отследить и охарактеризовать эти контакты. Еще позже обнаружение элементов скифского стиля в искусстве викингов, кельтов и франков эпохи Меровингов¹, окружило его изучение еще большими сложностями, но эти трудности только вдохновили ученых. Многие археологи различных национальностей проявили намерение собрать по кусочкам все имеющиеся данные и попытаться установить источник и ареал распространения этого великолепного искусства кочевников, проследить пути его проникновения из одного региона в другой и определить его связи и влияние на другие школы искусства.

Среди тех, кто первым приступил к работе, были Толстой и Кондаков, два выдающихся русских собирателя древностей. Они начали с систематизации, описания и попыток определить возраст всех скифских предметов, имеющихся к этому времени в России. Затем Ростовцев в России, Минне и Дальтон в Англии, Рейнах во Франции, Тальгрэн в Финляндии и, кроме того, многие другие известные ученые изучали эти находки, сравнивали свои собственные выводы с утверждениями древних, особенно Геродота и Гиппократов, и достигли соглашения в отношении основных фактов истории скифов. Романтика этой работы прочно овладела ими. И действительно, никто, у кого были средства на то, чтобы вскрыть скифское захоронение, не мог оставаться глухим к притягательности этой задачи. Стоять в прозрачном воздухе летнего дня, когда взгляд свободно блуждает по бесконечной равнине, простирающейся впереди, неизменной и не изменившейся с тех самых времен, когда первый всадник проскакал на своем коне по ее необъятным просторам, стоять вот так, пока могила открывается, чтобы обнажить голые кости еще одного такого бродяги и кости его коня, усыпанные золотыми украшениями и охраняемые хитроумными ловушками, было незабываемым ощущением. Оно наполняло очевидца решимостью в свою очередь попытаться исследовать тайны искусства, которое одновременно было и удивительно абстрактным, и все же в основе своей натуралистическим и конкретным.

Ростовцев и Минне нашли между собой ответ на многие загадочные вопросы, а в отношении других — выступили с ценными предположениями, но очень многие вопросы еще ожидают ответов. Некоторые русские и венгерские ученые выдвинули интересную идею о том, что скифы, возможно, были народом с Алтая. Эта теория не была в целом принята — она на самом деле идет вразрез с выводами большинства ученых, — и тем не менее результаты раскопок в Пазырыке на Алтае в некоторой степени подтверждают ее. Полевые исследования под руководством СИ. Руденко имеют отношение к род- (і пенным племенам, а не только к собственно скифам. И тем не менее, сходство между большей частью находок, сделанных в Пазырыке, и теми, что (шиш сделаны на юге России, так велико, что зача-і тую имеет смысл применять выводы, к которым привели раскопки в Пазырыке, к проблемам, имеющим отношение к скифам, особенно после того, как курганы Пазырыка предоставили доказательства, которых до той поры не хватало некоторым отрывкам в трудах Геродота в отношении скифов. Захоронения Пазырыка также показывают нам связь с теми захоронениями, которые Радлов исследовал в Катанде более восьмидесяти лет назад.

Хотя результаты, достигнутые Радловым в Караганде, едва ли были замечены в течение

века, зачарованного такими выдающимися открытиями, как золотые сокровища Пергама, Трои и Микен, и хотя они остались незамеченными археологами и в более позднее время, возможно, Руденко помнил о них, когда в 1924 г. предпринял антропологическую экспедицию в Сибирь. Когда случай привел его и тот самый район Алтая, который, по утверждению российских геологов, является единственным, где наблюдается феномен замерзших могил, он немедленно оценил возможности находившихся здесь различных стоянок древнего человека. На него сразу же произвели впечатление захоронения, которые и в большом количестве находятся вблизи русла реки Урсул и ее притоков. Одна долина показалась ему особенно многообещающей. Это была долина реки Пазырык, расположенная на южных склонах горной цепи в горах Алтая. Вблизи моего места Руденко нашел ценное кладбище — около сорока курганов. Они имели разную форму и размеры: некоторые были круглыми, другие — овальными, но все они сверху были засыпаны большими камнями, которые играют такую решающую роль в образовании защитного слоя льда над погребальной камерой. Пять курганов имели исключительно большие размеры, а девять, более маленьких, были очень похожи на них по форме и по своему устройству. В 1929 г. Руденко и его помощник Грязное сумели обследовать первый из крупных могильных холмов. Его содержимое оказалось почти сенсацией, и все же в конце первого сезона работ раскопки пришлось прекратить. Они были возобновлены в 1947 г. и продолжались еще в течение двух лет.

К тому времени раскопки выявили историю народа, который был не только наделен поразительно острым декоративным чутьем и безошибочным умением выражать его в разнообразных материалах, но также достиг относительно высокой ступени развития культуры, включая жизнь если не в хижинах, то в искусно сделанных шатрах, использование колесных повозок, умение ездить верхом на коне, изготовление прекрасных тканей и, если судить по сосудам, владение кулинарными навыками. Их искусство и образ жизни были заново открыты для нас отчасти благодаря счастливой случайности, которая укрыла их захоронения защитным слоем льда, а также благодаря способностям и мастерству, с которыми Руденко и его помощники преодолели трудности раскопок во льду. Руденко удалось сохранить и перевезти свои находки, не повредив их, с Алтая в Эрмитаж. Более того, его эрудиция и основательные научные знания дали ему возможность извлечь максимум информации из каждого найденного кусочка, который мог иметь отношение к народу Пазырыка. Хотя найденные в Пазырыке предметы и не представляют собой такой ценности, как материалы из могильников царских скифов на юге России, и с художественной точки зрения они не так радуют, как большинство чисто скифских изделий, открытых в европейской части России или Венгрии, но они тем не менее проливают значительно больший свет на прошлое, чем другие находки. В результате исследования Руденко проложили путь к более полному пониманию искусства, жизни и истории народов евразийской степи.

Глава 1. Происхождение скифов

Обширная равнина, которую племена скифов и родственных им кочевников занимали в течение почти всего 1-го тысячелетия, простирается от Подола на западной границе европейской части России до границ Китая. Она образует единое, географически целое природное пастбище, но в Азии в нее вторгаются горные цепи Памира, Тянь-Шаня и Алтая, в то время как Уральские горы практически отсекают азиатскую ее часть от европейской. И все же контактам по всему этому огромному пространству никогда не

могли помешать чисто географические преграды, так как азиатскую и европейскую части равнины связывают коридоры, образованные двумя перевалами — Джунгарским и Ферганским. В доисторические времена трава покрывала практически всю центрально-азиатскую часть равнины, но происшедшие здесь определенные климатические изменения незадолго до начала исторической эры привели к тому, что большие районы пастбищ превратились в бесплодные, покрытые песком пустыни, непригодные для проживания. Но эти песчаные пространства остались открытыми для путешествий, такое превращение не смогло помешать передвижениям жителей степи или положить конец межплеменным контактам, которые уже сложились. Таким образом, взаимоотношения между племенами традиционно сохранялись с самых древних времен до совсем недавних.

В древности границы региона, который мы рассматриваем, определялись скорее географическими объектами, нежели политическими демаркационными линиями. Если двигаться с востока на запад, то ими были горные цепи Нань-Шань и Тянь-Шань и река Оке (Амударья). Далее шло Иранское плоскогорье, которое, возможно, являлось больше межплеменной границей, но за ним снова следовали естественные границы в виде Кавказских гор, Черного моря, Карпат и Дуная. Вдоль северного края степи располагались негостеприимные, полные опасностей земли, покрытые гибельными болотами, обширными лесами и дикой тундрой, где жили свирепые финно-угорские племена, но самих природных опасностей этого края было достаточно, чтобы служить мощным сдерживающим средством от проникновения скифов.

Тогда, как и теперь, азиатская часть степи подвергалась сильным холодам в зимние месяцы и испепеляющему зною летом, вследствие чего растительность этого региона всегда была не такая пышная и меньше подходила для примитивных методов ведения сельского хозяйства, чем на юге России. И хотя кедры обильно произрастали на холмах в Азии, сосны, лиственницы и березы росли и там, и в европейской части, однолетние и двулетние растения были, однако, практически неизвестны в азиатской части степи, в то время как на юге России степь покрывалась весной цветочным ковром. И Азии растительность по большей части состояла из представителей семейства злаковых, таких, как оисяница, луговой овес, трищетинник. Там также росли степные кустарники — карагана, спирея, курильский чай, алтайская сибирка. Обычными для этого региона были артемисия, крестовник, дикий тимьян, аконит (борец), различные виды анемонов, тубероза. Весной часто радовали глаз ирисы и гвоздики. Южные районы России были покрыты более густыми лесами, так что дубы, липы, ясени и акации простирали свою сень над большей частью равнины, плодовые деревья приносили желанный урожай, великолепная трава служила для откорма скота, а съедобные корни и луковицы поставляли человеку пищу.

Весь этот регион был потрясающе богат животным миром. В Азии по степи бродили лоси, медведи, волки, леопарды, бизоны и дикие лошади. В европейской части были распространены дикие кабаны, ослы, козлы, выдры и бобры. Суслики, маленькие создания из семейства тушканчиков, зайцы, норки и горностаи обитали в подлеске; в траве таились гадюки и другие змеи, а над ними жужжали пчелы, которых ценили за их мед. Из птиц водились орлы, фазаны, франколины и многие другие виды. Все эти животные и птицы появляются на изделиях скифов. Зачастую они сильно стилизованы, хотя все равно четко узнаваемы со всеми своими великолепно сохраненными характерными чертами; или же они видоизменены так, что представляют собой мифические создания, настолько причудливые, что первоначальный вид животного совершенно преобразуется.

Вообще европейская половина степи обладала более пышной растительностью, более мягким климатом и была более плодородной, чем азиатская. Ее пересекали великие реки: Волга, Дон со своим притоком Донцом, Днепр, Буг и, наконец, Днестр. Все они

обеспечивали огромные уловы рыбы и ценные залежи соли. Их воды обогащали почву долин, но не служили чрезмерной помехой для передвижения.

Таким образом, кочевники имели возможность свободно перемещаться по всему региону, пася скот или преследуя дичь, которой изобиловала степь, не преодолевая никаких серьезных географических преград и не сталкиваясь ни с какими пугающими изменениями в климате или растительном мире. Точно так же как характер азиатской части степи претерпел трансформацию в ранние доисторические времена из-за изменений климата, температура в европейской ее части тоже изменилась с античных времен. Таким образом, на юге России проявилась тенденция к установлению более теплого и сухого климата, чем он был, тогда как греки — жители Боспорского царства — имели обыкновение жаловаться на холод и сырость на северном побережье Черного моря. В те времена Каспийское море было, без сомнения, значительно больше, чем во времена христианства. Есть большая вероятность того, что раньше оно вдавалось в сушу южнее Крас-новодска, образуя большой залив, — Элсворт Хантингтон отождествляет его со Скифским заливом, о котором упоминал Диодор Сицилийский приблизительно в 60 г. до н. э. В те дни река Оке, вероятно, впадала в этот залив, так как торговый путь с запада на восток следовал ее руслу. Когда Каспийское море уменьшилось в размерах, река, вероятно, изменила направление своего течения, повернув в сторону Аральского моря. Затем, после уменьшения Каспийского моря, часть земель, вероятно, использовалась людьми для проживания, но по мере их высыхания запасы продовольствия, видимо, уменьшались, пока не пришлось сократить поголовье стад, и число проживавших там кочевников вынужденно сократилось.

Хороший строительный камень был редкостью в западной части степи, хотя в древние времена в одном-двух местах в Крыму и разрабатывались вышедшие на поверхность скальные породы, а в Керчи также добывали известняк. Приблизительно с VIII в. до н. э. из района среднего течения Днепра получали немного железа, большое его количество доставлялось с Кавказа, и греки даже думали, что там его и производили. Медь также добывалась в огромных количествах в Закавказье, что послужило толчком к возникновению среди греков мифов об аргонавтах, но золото поступало частично с северо-востока Урала и, главным образом, с богатых алтайских месторождений. Принимая во внимание расстояния, вызывает некоторое удивление тот факт, что скифы западной части степи, казалось, имели в своем распоряжении неограниченные запасы золота. Их запасы могли пополняться только при помощи их сородичей, живших на востоке, и, действительно, не было ничего легче, чем наладить торговлю золотом между двумя зонами. Должно быть, она в действительности существовала с давних времен. Нет никаких свидетельств, которые показали бы нам, каким образом скифы платили за это золото. Царские скифы, возможно, расплачивались металлическими монетами, которые они стали делать с греческих образцов, но родственные им племена могли использовать в качестве валюты плоские наконечники стрел в противоположность трехгранным наконечникам. Этот вопрос остается без ответа.

Любопытно также и то, что, хотя в окрестностях Киева и был найден янтарь в небольших количествах, его привозили с Адриатики и широко использовали на Кубани. Раковины были редкостью во всех регионах, и тем не менее в некоторых могилах были найдены раковины-каури, которые, вероятно, были завезены с Индийского океана.

В эпоху неолита, в то время как жители Западной Азии были еще охотниками, их современники на берегах Окса были рыболовами, которые соприкоснулись с землепашцами Мерва и научились производить для себя красную и черную керамическую посуду, а также, может быть, кое-какие ткани. Почти в то же самое время в Европе обитатели деревянных и плетеных жилищ на Украине украшали спую посуду

геометрическими узорами, и спустя совсем немного времени среди керамики Триполья обнаружили фигурки быков, козлов, собак, оленей и людей. В Сибири последующие поколения раскрашивали свои керамические изделия красными или белыми полосками, что придавало им сходство с керамикой Сузы или Сяллка. Они держали крупных домашних животных и клали своих мертвых с подогнутыми ногами в прямоугольные могилы, покрытые каменной плитой. По утверждению Киселева, между 3000-м и 1700 гг. до н. э. первые земледельцы стали обрабатывать землю Сибири, придя с запада и заселив более плодородные земли. Парадоксально то, что в то же самое время пастухи-кочевники впервые появились на Украине. Это были светловолосые люди с удлиненной формой головы, вполне вероятно, фракийцы; они имели бое-меч топоры принятой в Европе формы; они одомашнили лошадь; перед захоронением они обмазывали своих мертвых охрой, отчего даже их кости приобретали красноватый оттенок. Это был период массового переселения народов и племен с запада на восток и с востока на запад. Вероятно, была как-то широко распространенная причина для таких миграций; возможно, это была одна из великих за-оух, которым периодически подвергалась большая и и, Восточной Европы и Западной Азии. Это-и начальному этапу миграционного процесса было суждено достичь своей наивысшей точки тысячу лет спустя с появлением в Южной Европе двух отдельных культур: скифской на юге России и этрусской в Италии. И хотя они были совершенно отделенными друг от друга, обособленными цивилизациями, они не были полностью чуждыми друг другу.

Пока же, что касается скифов, исходной точкой их истории может, наверное, считаться приблизительно 1700 г. до н. э., когда первые индоевропейские племена достигли Енисея. Возможно, эти переселенцы откололись от индоевропейской группы племен, которые проникли в Грецию и Малую Азию на три века раньше. От Енисея они продвинулись к западу от Алтая до Кавказа, где, как считает Киселев, они развили у себя смешанный тип хозяйства, когда часть племени осела в плодородных долинах и стала земледельцами, в то время как остальные скитались по равнине как пастухи-кочевники и охотники. Поселенцы к тому времени овладели искусством литья иковки меди, и некоторые их отливки были найдены в земле, причем литейные формы, которые они использовали для изготовления своих серпов, лежали поблизости. Они изготавливали коричневатую керамику, на которой царапали геометрические узоры, и использовали бронзовые орудия для рубки деревьев. Поначалу они хоронили своих мертвых в неглубоких могилах, отмеченных кругом из камней, но к 1200 г. до н. э. они начали возводить большие курганы. Киселев полагает, что различие в размерах курганов, насыпанных один возле другого на одном кладбище, зависело от богатства племени. Но так как под непохожими друг на друга могильными холмами находятся могилы, которые, видимо, принадлежали людям одного племени или рода, возникает искушение приписать различие в размерах курганов появлению классового общества, в котором состоятельные семьи, облеченные властью, могли ожидать, что к ним будут относиться с особым уважением после смерти, так же как и при жизни.

Почти в то же самое время племена на северо-востоке Сибири начали применять железо, а в районе Минусинска, расположенного в бассейне Енисея, появилась новая монголоидная раса, представители которой имели на вооружении ножи с загнутыми внутрь лезвиями, напоминающими ножи времен династии Чу в Китае. Наличие ножей такой формы служит отличительным признаком проникновения китайского влияния в регион, который до той поры подвергался влиянию главным образом веяний из Западной Азии или Восточной Европы. Эти люди либо кремировали своих мертвых и хоронили их прах под каменной плитой, либо — иногда — они клали в могилу тело в скорченном положении. При них не найдено ни одного конского скелета, и поэтому можно предположить, что, как и сами китайцы, эти люди, которые были одними из первых, кто принес ориентализм¹ на запад, к

тому времени еще не научились ездить на лошадях. Однако в этот период конные кочевники, в том числе скифы и мей-смирцы с Алтая, были известны в других частях азиатской степи. Наиболее выдающиеся из них были похоронены вместе со своими лошадьми. И хотя в Европе к 1000 г. до н. э. уже появились наездники и Венгрии, возможно принадлежавшие к племени фракийцев, не знавшие верховой езды киммерийцы продолжали контролировать южную часть России. Из всех племен, знакомых с верховой ездой, ко-горые связаны с Центральной Азией и Восточной Европой, скифы в конечном счете оказались самыми важными и для своего времени, и в Средние века, когда чувствовалось их влияние в искусстве Северной и Западной Европы. И все же спустя столько времени невозможно точно определить, к какой расе принадлежали скифы. Этот вопрос вызывал много разногласий. Одни авторитеты утверждали, что они были гуннами, другие — что они были турками или монголами. Однако в главном большинство ученых согласны: они принадлежали к индоевропейской группе народов, возможно, к иранской ветви или, как предполагает Геса Наджи и некоторые другие, к угро-алтайской. Единственным бесспорным фактом является то, что племена на всей территории равнины говорили на одном языке, как и многие современные кочевники в Азии говорят сейчас на тюркском диалекте турецкого языка. Язык кочевников был в своей основе иранским диалектом, но, возможно, он был ближе к авестскому, чем к древнеперсидскому языку.

Имеется очень мало антропологического материала, который может помочь пролить свет на эту проблему, но то, что есть, похоже, говорит в пользу индоевропейской версии, а это, в свою очередь, не исключает влияния Алтая. Изучение мужских черепов и мумифицированных голов, найденных в Пазырыке, подтверждает эту точку зрения, несмотря на то что вождь, похороненный в кургане № 2, и женщина из другого захоронения были оба монголоидного типа. К этому же типу принадлежал и старик, погребенный в несколько схожей могиле в Шибе на Алтае, которую раскопал Грязное в 1927 г. На самом деле нет ничего удивительного в случайном присутствии людей с монголоидными чертами среди племен, населяющих восточную часть азиатской степи, так как, вероятно, происходили смешанные браки между ними и местными жителями. Точно так же царские скифы временами заключали браки с греками или фракийцами из соседних западных регионов. Союз слабых и сильных племен, заключенный посредством брака, часто был единственным способом обеспечить безопасность более малочисленного клана. Так, царь Ариапейтс С юга России ВЗЯЛ В жопы гречанку из Истра, а также скифскую Женщину и дочь фракийского вождя В России ученые используют термин «скиф» в самом узком смысле слова, применяя его только в отношении сравнительно небольшого числа племен, обитавших по берегам Азовского и Черного морей, а также по берегам Кубани и Днепра. Но так как все конные кочевники скифской эры говорили на одном и том же иранском наречии независимо от того, прибыли ли они с берегов Днестра или с берегов Окса, похоже, есть причина полагать, что по крайней мере большинство из них были связаны между собой узами одной расы. На мысль об их определенном сходстве нас наводит характер их искусства, которое демонстрирует свои почти идентичные черты на территории всего этого достаточно обширного района. Присутствие «сибирских» элементов в западном искусстве оказывает поддержку точке зрения тех ученых, которые полагают, что скифы были родом из Западной Сибири, или, как дают понять Минне и Геса Наджи, именно с Алтая. Окончательное подтверждение этого мнения будет, однако, зависеть от того, предоставят ли последующие раскопки на Алтае более ранний материал о скифах, нежели находки, сделанные на юге России. Пока этого не случилось.

Таким образом, существует такое же несходство мнений относительно первоначального региона обитания скифов, какое есть и по вопросу их расового происхождения. И тем не менее, если принять версию об алтайском или западносибирском происхождении, которая кажется более приемлемой с этнической точки зрения, то это объясняет последующие

миграции племен из этого региона. Более того, у этой точки зрения есть дополнительное преимущество, ибо она не противоречит утверждениям, встречающимся в древнеперсидских документах. Согласно этим источникам — а многие из них современны тем событиям, которые они описывают, — скифы появились внезапно, продвигаясь через Кавказские горы с северо-запада. Это утверждение разделяли греческие, иудейские и армянские авторы; оно представляет собой обоснованное мнение античного мира. К тому же оно совпадает с ходом определенных событий в истории Китая, подлинность которых установлена. О них повествуют летописи времен династии Чу. В них рассказывается о диком племени хиунг-ну, предшественниках, как полагают, самих гуннов, впоследствии опустошивших большую часть Европы, которые уже тогда тревожили мирных земледельцев западных приграничных земель Китая. К IX в. до н. э. они стали наносить такой существенный ущерб, что император Суань (827—781 гг. до н. э.) был вынужден предпринять против них военные действия. Его карательной экспедиции удалось отбросить племя хиунг-ну далеко на запад от границ Китая. Будучи исключительно оборонительной мерой, этой акции было суждено иметь неожиданно широкие последствия для территорий, расположенных на расстоянии многих сотен миль к западу от поля боя, так как отступающие неизбежно вытесняли своих западных соседей с их традиционных мест стоянок. Те в свою очередь столкнулись с другими племенами, которые в подходящее время внезапно напали на племя, обитавшее к западу от них, так что вскоре вся степь пришла в движение: каждое племя нападало на своего западного соседа, пытаясь овладеть новыми пастбищами. Важно еще отметить, что все это смятение совпадает с периодом тяжелейшей засухи, которую Элсворт Хантингтон приписывает приблизительно 800 г. до н. э., и она вполне могла послужить дополнительным фактором для передвижения народов в западном направлении.

Во всяком случае, массагеты, населявшие земли к северу от реки Оке, в конечном счете тоже оказались вовлеченными в борьбу за пастбища, и они в свою очередь напали на скифов, а те — на восточных киммерийцев. Между двумя последними произошло сражение, в котором конные скифы оказались сильнее пеших киммерийцев. Киммерийцы были отброшены к Дарьяльскому перевалу и были вынуждены отступить по нему. Он привел их в царства Ван и Урарту, которые были соперниками и врагами Ассирии. Скифы со своей стороны продолжали м.и і вііаі. Один их отряд переправился либо через Джаксарт, либо через Волгу, появившись, таким образом, в южных регионах России, где скифы нашли и разбили главные силы киммерийцев. Другой отряд скифов, повернув в сторону от Дарьяль-ского перевала, направился к Дербентскому ущелью, прошел по нему и появился на берегу озера Урмия. Ассирийские документы датируют их появление там во время правления царя Саргона (722— 705 гг. до н. э.). В это время первая группа скифов упрочилась в южной части России. Поэтому можно считать, что этот период является заключительным этапом в перемещении на запад азиатских племен, которых привели в движение карательные меры, предпринятые императором Суанем против народа хиунг-ну. До сих пор в Армении обрушившиеся стены некоторых древних крепостей хранят в себе трехгранные наконечники скифских стрел, вмурованные в строительный раствор, как свидетельство жестоких сражений.

Дальнейшее продвижение скифов в Азию следует рассматривать как чисто военные предприятия, так как скифы могли бы поселиться на берегах озера Урмия, если бы захотели. Однако, воодушевленные успехом, они продолжали неуклонно оттеснять киммерийцев назад в Азию и через тридцать лет подошли к границам Ассирии. В то время скифы вступили в союз с царем Эсархадонем против мидийцев, но при помощи предателей-киммерийцев они сами собрали все силы против своего первоначального врага и стали теснить основные войска киммерийцев назад через всю Малую Азию, пока к 615 г. до н. э. они не сломили своего противника. Бегущие киммерийцы отступали через

территорию Фригии, которая принадлежала царю Мидасу. Ее они совершенно разрушили, затем опустошили Лидию и разграбили греческие прибрежные города. После этого они исчезли из поля зрения.

Тем временем в районе, приблизительно соответствующем современному Азербайджану, пало царство Урарту. Скифы под предводительством своего царя Партатуа и его сына Мадия прочно утвердились в северной Персии, оккупировав царство Урарту, и, разместив свою столицу в Сакизе, взяли под контроль другие территории, расположенные к западу до Халиса. В то время их могущество казалось огромным, и в 626 г. до н. э. благодаря их помощи ассирийцы смогли разгромить мидийцев, осаждавших Ниневию. Опьяненные успехом, скифы пронеслись через Сирию и Иудею, пока не достигли Филистии в Египте (611 г. до н. э.), где царь Пса-метек откупился от них, чтобы остановить их дальнейшее продвижение. Но тем временем мидийцы вступили в союз с вавилонянами. Соединившись, их армии выступили против ассирийцев, и на этот раз их объединенным силам удалось уничтожить эту когда-то могучую империю. Затем мидийцы быстро взяли власть в свои руки, поставив перед собой первоочередную задачу — изгнать скифов из своей земли, — и не остановились, пока постепенно не оттеснили кочевников назад через всю Азию до того места, откуда те когда-то начали свое вторжение в Персию. Ценой за милосердие было их мудрое требование, чтобы какая-то часть кочевников осталась в провинции Луристан на поселении для организации и обучения отрядов конников для мидийской армии.

В течение двадцати восьми лет скифы правили значительной частью Западной Азии. Теперь они вернулись в Урарту. Возможно, именно в этот период некоторые из них снова повернули на восток, чтобы занять полосу степи между Каспийским и Аральским морями, смешавшись там со своими ро-ЦИЧВМИ дахаями и образовав этническую группу, из которой триста лет спустя произошли парфяне. Другие скифы, возможно, дошли до самой Индии, чем и объясняется скифская примесь в скифо-дравидий-цах, в то время как еще одна часть скифов осталась в Армении. Однако большинство из них направились в западные степи, где они обнаружили своих сородичей прочно обосновавшимися и благоденствующими на плодородных землях южной России.

В следующем веке западным скифам выпало быть вовлеченными в большую войну. Военные действия возглавил не какой-нибудь полководец, а сам могущественный Дарий. Он вознамерился завоевать и совершенно уничтожить Грецию, и в качестве первого шага на этом пути он выступил в поход, чтобы отрезать ее от жизненно важных ресурсов: перекрыть ей поставки древесины с Балкан и зерна из Скифии. Поставив перед собой такую цель, в 513-м или 516 г. до н. э. он начал войну в Европе, переправившись через Босфорский пролив по мосту, который специально для него построил искусный греческий инженер Мандрокл из Самоса. Затем через Фракию он подошел к Дунаю. Его он также преодолел по мосту из лодок, которые перегородили реку чуть ниже современного Галатца. Дарий оставил отряд ионийцев охранять мост в течение шестидесяти дней в ожидании своего возвращения. В случае невозможности выполнить приказ они должны были отступить по нему, уничтожив его за собой. Дарий же продолжил искать скифов. Но при первом же сигнале тревоги кочевники поняли, что в одиночку они не могут противостоять Дарию в открытом бою. Они обратились к соседним племенам за помощью, пытаясь убедить их вступить с ними в союз, аргументируя это тем, что Дарий может уничтожить их всех поодиночке, но ему будет трудно завоевать их, если они объединятся. Но северян не тронули такие уговоры, они предпочли надеяться на получение отсрочки, чем ввязываться в сражение с таким опытным полководцем. Поэтому, вынужденные полагаться на свои собственные силы, скифы приняли решение искать спасения в политике выжженной земли. Согласно обычаю они разделили свою армию на три части, каждой из которых командовал один из царских скифов: Идантирс, Скопас и Таксас. Они

договорились, что, кого бы из них троих ни начал преследовать Дарий, будут отступать в глубь страны, разрушая колодцы и не оставляя противнику ни продовольствия, ни фуража. Дарий перешел в наступление, переправившись через Дон и направившись к Волге. Скифы постоянно отступали перед ним. Предельный срок в шестьдесят дней, который Дарий установил для ионийцев, охраняющих мост через Дунай, быстро истек, его люди устали от безрезультатного преследования, животным стало не хватать фуража — и все же скифы продолжали отступать все дальше на восток. Их нежелание принять бой приводило Дария в ярость. Он решил положить этому конец и бросил такой вызов Идантирсу: «Ты, странный человек, — прокричал его посланец, — почему ты продолжаешь убегать от меня, когда есть две вещи, которые ты мог бы с легкостью сделать? Если ты считаешь, что способен противостоять моему войску, то перестань уклоняться и выходи: давай сразимся. А если ты понимаешь, что я сильнее, — в этом случае тоже тебе следует прекратить свое бегство, — тогда тебе не останется ничего, кроме как принести своему господину землю и воду и немедленно выйти ко мне навстречу». Но царь скифов ответил гордо: «Такие у меня ПРИВЫЧКИ, перс. Я никогда никого не боюсь и не Гк'г;ио от него. Я не поступал так раньше, и я не бегу от тебя сейчас. В том, что я делаю, нет ничего нового или необычного; я только следую своему образу жизни, обычному для мирных лет. А теперь я скажу тебе, почему я сразу не вступил с тобой в бой. У нас, скифов, нет ни городов, ни возделанных земель, страх потерять которые мог бы заставить нас скорее сразиться с тобой. Если же вдруг возникнет у тебя необходимость схватиться с нами, смотри: здесь могилы наших отцов, разыщи их и попробуй разрушить их — тогда ты увидишь, будем ли мы драться с тобой. Пока ты этого не сделаешь, будь уверен, что мы не вступим в бой, если не захотим. Это мой ответ на твой вызов».

Расстроенный, понимая, что дальнейшее преследование бесполезно, Дарий решил повернуть назад. Скифы доставляли беспокойство его отступающей армии, но персу удалось довести свои войска до моста и переправиться через Дунай в безопасное место. Экспедиция закончилась. Дарий избежал катастрофы, но больше никогда он не осмеливался прийти в Северную Европу.

Разъяренные скифы остались алкать мести. Теперь их возглавил Аристагор. Собрав свои силы, он двинулся к городу Абидосу и обратился к спартанскому царю Клеомену I с просьбой выступить против персов из Эфеса, в то время как он сам наступал на них из Фасиса. Но Дарию удалось сжечь Абидос, и Клеомен отказался втягиваться в военные действия. Аристагору пришлось волей-неволей оставить этот свой план. После разорения Фракии в 495 г. до н. э. он двинулся на Херсонес, вынудив деспота Мильтиада бежать, а затем отошел на свои земли, где его люди вернулись к своим мирным занятиям и мелким стычкам с другими племенами.

В следующем веке царские скифы узнали о новом племени, сарматах, которые появились на восточных границах их территории и начали вторгаться в их земли. Племя сарматов имело со скифами очень схожее происхождение. И те и другие говорили на одном и том же языке и вели почти одинаковый образ жизни, но сарматские женщины ездили верхом, охотились и воевали вместе со своими сородичами-мужчинами, в то время как скифские женщины вели очень уединенную жизнь и не принимали никакого участия в мужских делах. Действительно, ни одна сарматская девушка не могла выйти замуж, пока не убьет в бою врага. Может быть, именно из-за этого скифы называли этих девушек «повелительницами мужчин». А как только они убьют одного врага, их отдавали замуж, и они с той поры должны были полностью посвятить себя домашним обязанностям.

Хотя греки ассоциировали свои рассказы об амазонках со скифами, значительно более вероятным кажется, что они в действительности относились к сарматам. В этой связи

значительный интерес представляет случайная находка, сделанная группой сельскохозяйственных рабочих в 1928 г., которые в 8 милях от Тифлиса, в местечке Земо-Ав-чала, обнаружили могилу женщины-воительницы. Эта женщина была похоронена в скрюченном положении, а ее оружие лежало рядом с ней. Ни одной скифской могилы, сопоставимой с этой, еще не было найдено в России, и Никорадзе, который опубликовал данные по этому захоронению, почти наверняка прав, датируя его III в. до н. э. Хотя он и не отнес его ни к какому конкретному племени, более чем вероятно, что в этой необычной могиле лежит сарматка-амазонка. Вполне возможно, что она погибла, сражаясь со скифами.

К 346 г. до н. э. агрессивные устремления сармат-то и привели их на правый берег Дона, и, возможно, именно желание обрести более безопасные земли вынудило скифского царя Аэрта повести своих людей через Дунай и аннексировать территорию Добруджи, которую классические авторы стали называть «Малой Скифией». К 339 г. до н. э. скифы продвинулись до рубежа, находившегося немного западнее современного Балчика, тем самым навлекая на себя гнев Филиппа II Македонского. Опасаясь их дальнейшего просачивания в глубь его владений, Филипп дал им бой в местечке недалеко от Дуная. Ему удалось убить Аэрта, которому в тот момент было более девяноста лет. Скифам пришлось согласиться на мирные условия, но они, вероятно, не полностью придерживались их, так как через три года Александр Македонский в свою очередь почувствовал необходимость послать против них карательную экспедицию. Сам он отправился к главному театру военных действий в Азии, а своего наместника во Фракии Цепириона послал разобраться со скифами, но этот неудачник оказался неподходящим для выполнения задачи. Его войска были разбиты наголову, сам он был убит в бою, а скифы, прежде чем вернуться на свои земли на юге России, установили на Балканах аванпосты, платившие им дань. Они бы предпочли остаться и продолжить борьбу с македонцами и даже обратились к Ольвии за помощью, но получили отказ. Осознавая свою слабость, они решили, что хватит уже воевать. Тем не менее вскоре скифы вновь собрались под боевые знамена. Их царь Скилур приблизительно в 110 г. до н. э. основал свою столицу в Неаполе Скифском и стал чеканить монету в Ольвии. Несмотря на серьезную угрозу, которую представляли в то время сарматы, он не мог удержаться и напал на Херсонес, хотя это была столица Понтийского царства Митридата Евпатора. Митридату, которому было суждено оставаться владыкой всей Малой Азии до 95 г. до н. э., не составило труда отразить нападение скифов, но прежде чем были достигнуты какие-либо окончательные результаты в боевых действиях, он обнаружил, что уже слишком глубоко увяз в своем соперничестве с Римом, и стал искать со скифами союза. Чтобы умиловить Скилура, он отослал ему двух своих дочерей в жены, но еще до того, как несчастные девушки достигли пункта своего назначения, они были захвачены римлянами. А помощь, которую оказывали впоследствии скифы Митридату, была непостоянной и незначительной. На самом деле они и не могли в тот момент сделать больше, так как сарматы, как и сами скифы семью веками ранее, беспрестанно продвигались на запад через евразийскую степь. Так же как и до них скифам, сарматским воинам суждено было достичь полного успеха в своем предприятии по причине их нового вооружения. Потому что если скифы совершали свои завоевания благодаря тем преимуществам, которые им давало умение ездить верхом, то сарматам это удалось благодаря изобретенным ими металлическим стременам, что, в свою очередь, способствовало появлению в их армии подразделений тяжелой кавалерии. Скифам нанесла поражение более современная армия. Их остатки влачили жалкое существование до II в. н. э., когда большая их часть была сметена следующей волной, принесшей готов — народ, который двинулся через Южную Европу. Другие группы скифов, без сомнения, так хорошо ассимилировались с местным населением, что оставили после себя всего лишь небольшие следы, представляющие собой странную смесь неистовства и величия, которые

были характерны для их жизни.

В пору своего процветания скифы большую часть СВОИХ богатств получали благодаря торговле, прежде всего с Грецией, так как в те давние времена Эллада была уже не в состоянии прокормить население своей материковой территории, не ввозя товары первой необходимости издалека. Скифия была одной из греческих житниц, и зерно, выращенное на юге России оседлыми жителями, отправлялось владыками кочевников греческим колонистам Понтийского царства, которые в свою очередь выступали в роли посредников в перепродаже его в Грецию. С другой стороны, скифы, жившие на Кубани, торговали напрямую с владельцами судов, приходивших в их порты из Ионии. Помимо этого, скифы доставляли понтийским грекам ценные грузы с солью, осетрами и тунцом, а также мед, мясо и молоко, кожи и меха и, что немаловажно, рабов. Последние, хоть греки и называли их скифами, были скорее поверженными врагами или местными земледельцами, нежели свободными кочевниками. В обмен на эти товары скифы получали греческие ювелирные изделия, изделия из металла и посуду высшего качества.

Похоже, что в Европе каждая из основных групп скифов имела свой период расцвета. Кубанская группа одна из первых получила возможность потакать своей любви к роскоши и богатству в полной мере. Ее захоронения, самые лучшие из которых датируются началом VII — концом VI в. до н. э., содержат великолепные предметы из золота — многие из них являются образцами высочайшего мастерства, — а число коней, убитых в ознаменование смерти одного вождя, в этом регионе часто доходило до сотен голов. Хотя скифы этого региона жили по патриархальным законам, избирая себе вождя, как, без сомнения, было принято в Пазырыке, многие могилы настолько богаты, что, вполне вероятно, значительное число более состоятельных семей было почти так же богато, как и их вожди.

Политическая структура южной группы была несколько иной. Там скифы считали себя потомками родоначальника Таргитая, сына Бога Небес, и полуженщины-полужмеи, дочери реки Днепр. По преданию скифов, которое записал Геродот, золотой плуг, ярмо, боевой топор и чаша — символы власти над земледельцами и воинами — упали с неба. Сыновья Таргитая хотели поднять эти предметы, но как только двое старших братьев приблизились к ним, возгорелось пламя и заставило их отступить. Когда же вышел вперед самый младший брат, пламя улеглось. Тогда он взял эти символы власти и стал царем над племенем фалатов и народом сколо-тов. Этот человек по имени Колакс позднее разделил свое царство между своими троими сыновьями, и обычай делить боевые силы царства на три части сохранялся в течение веков, точно так же как и центром царства продолжал оставаться регион, простирающийся от нижнего течения Днепра до реки Токомак, притока реки Молочной.

Эта легенда, конечно, не более чем вариант иранского сказания об ореоле величия, который может снизойти только на праведного царя. Скифы также верили, что Таргитай жил за тысячу лет до 513 г. до н. э., то есть за много веков до того, как сами скифы достигли Днепра. Из-за этой легенды они располагали королевские могилы в пределах территории, которую связывали с Таргитаем, и продолжали молчаливо признавать право своих руководителей на власть, передаваемую по наследству, так как у них правитель был скорее царем, нежели вождем. Естественно, это привело к росту аристократии в этом регионе, а также вследствие этого выросло личное благосостояние царской семьи и семей знати. Об этом благосостоянии можно судить по захоронениям этого региона, так как царские могилы являются самыми богатыми из всех скифских захоронений. Они хранят в себе больше золотых и других драгоценных предметов, чем было найдено где-либо еще в евразийской степи.

Царские скифы были относительно немногочисленны, но они были такими умелыми правителями и такими бесстрашными воинами, что им не составляло труда управлять большой территорией и с легкостью контролировать население, состоявшее из их собственных земледельцев и из местных землепашцев, прочно пустивших корни в этих краях, которые значительно превосходили их числом. Несмотря на численное меньшинство, к VI в. до н. э., а возможно, и на сотню лет раньше, царские скифы уже прочно обосновались на этой территории, ограниченной Доном и Днепром, и практически держали под своим контролем степные просторы до Буга и плодородные земли в районе Полтавы. На этих землях они правили как деспоты. Человек, которому его владыка объявлял смертный приговор, умирал вместе со всеми своими родственниками мужского пола, так как существовал закон, по которому не должен был оставаться в живых ни один человек, который мог бы положить начало кровной мести. Более того, если царь вызывал неудовольствие своих телохранителей, они так же без колебаний казнили его. Так, царь Скил, будучи мужем гречанки, заплатил жизнью за свои проэллинические настроения, так как восхищение греческой культурой привело его к участию в празднествах в честь бога Диониса, которые устраивались в одном из понтийских городов этого региона. Его войско было сильно рассержено его действиями, которые оно посчитали изменой. Они ворвались в город и убили незадачливого царя, когда тот вышел из храма.

И все же большая часть скифской знати тяготела к греческой культуре. Ее восхищали произведения искусства, греческое мышление и религия, красота городской архитектуры, а членов царской фамилии больше всего привлекал греческий образ жизни. Царь Скил был одним из первых кочевников, кто завел себе дом. Он выбрал его в Ольвии и украсил фасад эффектными фигурами сфинксов и грифонов, к которым скифы питали особую любовь. Рядовые скифы, однако, упрямо оставались консерваторами и националистами, и хотя царские скифы были признанными покровителями многих понтийских городов, все же, хотели они того или нет, цари продолжали жить по традиции в стойбищах в окружении своих князей и конников, охотников и скота.

Скифскую аристократию с готовностью приняли как местные оседлые жители этого региона, так и скифы-скотоводы и скифы-земледельцы. Чиновники и мелкие вожди вели почти такой же образ жизни, как и царь и вожди племен, хотя и не с таким размахом. Для административных целей Царская Скифия, или собственно Скифия, была разделена на четыре региона, во главе которых стояли правители, назначенные царем. Помимо других обязанностей, правители должны были собирать назначенную дань с земледельцев своего региона, а также с определенных понтийских городов, которые, подобно Ольвии, были обложены данью. Также им приходилось посещать ежегодные собрания воинов, на которых тот, кто убил своего первого врага, выпил-МЛ кровь своей жертвы в присутствии правителя П ГОЛПЫ завидующих и восхищающихся зрителей. Скифы действительно верили, что только таким способом они могут присоединить бесстрашие мерт-ВОГО прага к своей собственной храбрости. У пра-ВИТСЛЯ были вооруженные отряды, которые получали милованье, в отличие от телохранителей вождей.)|ц были свободными скифами, избранными из числа своих соплеменников. Они не были получающими жалованье воинами, вместо этого им полагалась доля дневной добычи, однако после боя каждый воин должен был показать своему вождю отрезанную голову врага, так как только тогда он имел право на свою долю. В военное время войско, собранное со всех частей, на которые была тогда разделена страна, разбивалось на подразделения, у каждого из которых был свой военачальник. Раз в год они собирались у царя на пиру. Каждый человек, который либо убил своего врага на глазах у царя, либо выиграл суд в его присутствии, имел право на то, чтобы сохранить у себя череп своего мертвого противника. По словам Геродота, скифы часто скальпировали своих врагов, иногда делали салфетки из кожи и неизменно превращали черепа в кружки, оправляя их в золото или какой-нибудь другой ценный

материал, и носили подвешенными у себя на поясе. Они использовали их, когда пили, давая клятву братской верности, или для скрепления принятой присяги, поднимая чашу, полную вина, смешанного с кровью, в которую сначала окунали конец своего меча.

Геродот ссылается на группу мятежных скифов, которая откололась от основного племени и мигрировала на северо-запад от озера Балхаш, поселившись в регионе, который он называл Сакия. Кажется вероятным, что горстки других независимо мыслящих скифов существовали и еще где-то на территории степи. Возможно даже, что это были раскольники, похожие на тех, что проникли в Пруссию, дав таким образом объяснение таким одиночным захоронениям воинов, какое было обнаружено в Фет-терсфельде. Хотя большинство скифских поселений на Балканах следует, вероятно, рассматривать скорее как аванпосты, специально основанные царскими скифами, нежели как одиночные проникновения в глубь чужой территории вроде Феттерсфельда, некоторые из более ранних скифских захоронений, расположенные сейчас на территории Венгрии, кажутся, с другой стороны, связанными с группами деятельных, предприимчивых скифов, постоянно и настойчиво продвигавшихся все дальше на запад. Ситуация выглядит несколько иначе с учетом дошедших до нас более поздних захоронений в Румынии и Болгарии, так как они, возможно, принадлежали небольшим группам скифов, которые покинули свои пастбища на юге России, пытаясь спастись от сарматов, неуклонно наступающих с востока. Все эти далеко оторвавшиеся от своих сородичей группы придерживались обычаев и верований своих предков и в значительной степени сохранили первоначальную чистоту их художественных традиций.

Глава 2. Народ

На первый взгляд жизнь одного человека в племени может легко прельстить стороннего наблюдателя кажущейся свободой от забот и ответственности. Это, однако, не более чем поверхностное впечатление, ибо беспечный характер кочевника является удачным следствием строго определенных требований, предъявляемых к нему. После некоторых размышлений становится очевидным, что кочевникам приходится подчиняться не менее суровой дисциплине, чем та, которая регулирует жизнь оседлых общин, хоть это и своя особая дисциплина.

Преуспевание кочевника, если не сама его жизнь, тесно связано с его умением удовлетворять свои потребности, а благосостояние племени в целом — а следовательно, его продуктивность и жизнеспособность — зависит от легкости, с которой они удовлетворяются, и в еще большей степени — от организаторского дара и дальновидности вождя племени, а также от того, насколько быстро и охотно рядовые члены племени откликаются на его приказания. Удачливый вождь — это очень проницательный человек, умеющий управлять людьми и строить планы на будущее, и одновременно авантюрист, способный мастерски принимать быстрые решения. Община, вся жизнь которой проходит на лоне природы, не защищенная от жесточайших чередований погоды, всегда подверженная множеству опасностей, которые таятся в диком безлюдном краю, вынуждена полагаться только на себя и своего вождя. И всякий, кто наблюдал такую группу людей в движении, будь то бедуины из арабского мира, тюркские племена Центральной Азии или кочевники, бродившие по просторам дореволюционной России,

быстро начинал понимать, что в таких условиях нет места людям неосторожным и безответственным. Даже пикник нужно продумать заранее, если вы хотите, чтобы он прошел успешно. Кочевой образ жизни требует значительно больших усилий от всех, кто его ведет, так как здесь равно необходимы приспособляемость и согласованность действий, чтобы ежедневный переход прошел успешно и быстро, обеспечивая гладкий и спокойный ход жизни, протекающей по такому же сложному образцу, какой существует и в любом оседлом обществе.

Большинство кочевников являются скотоводами и для получения пищи и одежды рассчитывают на свои стада. Хорошие пастбища, таким образом, становятся их первостепенной потребностью, самой предпосылкой их жизни, и поэтому все племя в целом всегда готово отстаивать свое право на обладание такими землями и, если понадобится, защищать их. Обычно пастбища не захватываются случайно в результате какой-то сезонной стычки, не приобретаются в ежегодной борьбе, а традиционно связаны с конкретными племенами. Причем границы их территорий обозначены четко, и их право собственности известно так же точно, как и границы пахотных земель среди сельскохозяйственных общин. В результате племя часто проводит годы в одном и том же регионе, перебираясь с одних и тех же зимних пастбищ на одни и те же летние луга, как это делали их предки из поколения в поколение до этого.

Затем какая-нибудь непредвиденная перемена: климатическое бедствие вроде эрозии почвы, или засухи, или акт агрессии со стороны соседей — лишает племя его привычной территории. В последующей (юрбе за выживание лишённая своих владений и часто голодающая группа людей уходит иногда для ТОГО, чтобы найти новые бесхозные земли, но чаще — чтобы завоевать их в борьбе с другим, желательнее более слабым, племенем.

Сезонные миграции евразийских племен дикто-Млись потребностью в траве, так как летом высохшая растительность азиатской части степи приводила племена на невысокие горные склоны, которые становились плодородными благодаря сильным ливням. Однако осенью из-за резких холодов растительность на большей высоте погибала, и племена снова возвращались на равнину, которая к тому времени снова была покрыта зеленью. На юге России ровная в основном поверхность степи, отсутствие резких скачков температуры и малое количество населения дали кочевникам возможность располагать здесь свои стойбища на длительные сроки, но в очень неблагоприятные зимы и лета многие кочевники имели склонность перемещаться к руслам рек, где до воды было рукой подать. Сравнительно легкая жизнь в европейской части степи привлекала сюда азиатских кочевников, которые слишком часто посягали на южную и западную территории степи с более мягким климатом. Их вторжения зачастую были не более чем быстрые налеты на соседние земли, но бывало иногда, что более сильное племя вторгалось с намерением добыть себе опорный пункт на более плодородной территории, и часто ему удавалось вытеснить оттуда более слабую общину. Если эта операция завершалась для налетчиков победой, большинство побежденных предавались смерти, а немногие оставшиеся в живых становились рабами. От них, помимо службы своим завоевателям, требовалось, чтобы они приняли обычаи и верования своих хозяев, но они часто умудрялись придерживаться своих собственных традиций с таким упорством, что в конечном итоге определенные черты их собственной культуры сохранились и смешались с культурой завоевателей. В результате смешанное мировоззрение постепенно стали разделять потомки и тех и других, пока они в свою очередь не были уничтожены или ассимилированы новой волной захватчиков. Из-за этого отчасти так трудно точно установить расовые связи, существовавшие среди племен евразийской степи, или даже определить тот вклад, который внесло каждое из них в формирование так называемого «звериного» стиля в

искусстве, ассоциируемого со скифами.

В течение 1-го тысячелетия до н. э. жизнь в степи по большей части была спокойной, так как миграционное движение, приведшее скифов на юг России, развивалось так медленно, что жизнь людей в племени подвергалась только очень постепенным переменам. Смешанная экономика, которая определяла основу их жизни, была в определенной степени стабильной, и в течение VII и VI вв. до н. э. в войнах, которые вели скифы, участвовал не весь народ. Большинство их соплеменников, которые населяли Россию, продолжали вести кочевой образ жизни, и многие мужчины были заняты главным образом уходом за своими стадами, охотой на птиц и зверей и рыбной ловлей, а также торговали с понтийскими греками.

У скифов была принята полигамия. Сыновья часто получали в наследство жен своих отцов, хотя по крайней мере одна из них должна была по обычаю умереть после смерти своего мужа, чтобы получить возможность сопровождать его в мир иной. В про-ГИВОВОС тому, что можно было наблюдать в захоронениях скифов, в пазырыкских курганах женщины, умершие вместе со своими мужьями, часто лежали с ними в одном гробу. Это можно было бы принять за указание на то, что тамошние мужчины были моногамны или же что женщины были больше женами, нежели наложницами. Мнение древних греков о том, что в Скифии царил матриархат, не подтверждается никакими археологическими данными. Эта идея возникла, вероятно, из легенд, связывающих амазонок со скифами. В действительности же, однако, все существующие материалы свидетельствуют о том, что, хотя одежда скифских женщин была гораздо красочнее мужской, женщины тем не менее находились в подчиненном положении, вынужденные путешествовать в кибитках вместе со своими детьми, вместо того чтобы ехать верхом рядом со своими мужьями. Они были обязаны полностью посвящать себя домашним делам и иногда были вынуждены умирать вместе со своим супругом. И никакие символы власти не клались в их погребальные камеры.

Кибитки, в которых путешествовали женщины и дети, двигались на четырех или шести колесах. Они покрывались войлоком, и пространство внутри было разделено на две или три части, или кабинки. Маленькие глиняные модели этих прототипов современных караванов были найдены в некоторых скифских захоронениях. Одна из наиболее интересных моделей была извлечена из Ульского кургана на Кубани. Удивительно похожие терракотовые модели такого же типа были найдены в Ронтусе и в Каппадокии. Ростовцев приписывает это сходство скорее общности расы, нежели влиянию торговли. Это сходство просто поразительно, и оно свидетельствует о том, что на скифские образцы мог оказывать воздействие быт народов, живущих на далеком берегу Понта Эвксинского, хотя нам так мало известно о тех далеких временах, что какое-нибудь незафиксированное передвижение народов вполне могло бы понести ответственность за такое сходство.

Сейчас невозможно определить, служили ли крытые кибитки скифам в качестве постоянного жилища, куда мужчины, которые неизменно передвигались верхом на лошадях, возвращались с наступлением ночи как в дом; или же их надстройки можно было снимать и ставить в лагере как шатры; или скифы обычно использовали палатки, живя в крытых кибитках только во время кочевья. Украшение погребальных камер в курганах Пазырыка скорее подтверждает это последнее предположение, так как погребальной камере придавался вид шатра. Однако этот вывод не обязательно должен быть верным для скифов, которые обосновались в европейской части степи, хотя они вполне могли какое-то время разделять более простые обычаи жителей Алтая. Но в одном мы можем быть уверены: каким бы ни было их жилище, будь то кибитка или шатер, оно наверняка было удобным и многокрасочным. Предметы мебели, обнаруженные в Пазырыке,

подкрепленные материалами из захоронений царских скифов и открытиями в Бактрии и в Нойн-Ула в северной Монголии, показывают, что у членов племени были и войлочные, и шерстяные ворсовые ковры. Нарисованные узоры в некоторых крымских погребальных камерах и фрагменты, найденные в Пазырыке, демонстрируют, для каких нужд их использовали. Не только ковры, но и ткани широко применялись в качестве настенных украшений, а также они несли в себе религиозный смысл, как это явствует из раскопок в Пазырыке (фото 30). Оттуда мы также узнаем, что по крайней мере на Алтае обычно пользовались войлочными драпировками, украшенными искусными узорами-аппликациями.

Хотя царские скифы были более склонны к передаче титула вождя по наследству, родственные им племена, казалось, предпочитали избирать себе вождей. В захоронениях Пазырыка исключительно большой рост умерших вождей можно принять за указание на то, что соплеменники считали физическое превосходство не менее важным качеством, чем интеллектуальное, для избрания на этот пост. Кубанские захоронения, как и другие погребения на европейской части степи, не дают никаких материалов, показывающих, каким образом можно было получить титул вождя. Но вполне вероятно, что, как и во многих других кочевых общинах, личная храбрость имела некоторый вес при выборе, а богатства, скорее, появлялись уже после избрания человека вождем, нежели были средством к получению этого высокого поста. Это помогает объяснить сцену, которая часто повторяется в искусстве скифов, встречаясь на изделиях, найденных на Таманском полуострове, в Куль-Оба, под Воронежем и во многих других захоронениях. Сцена изображает Великую Богиню, которой скифы поклонялись с особым усердием, сидящую на троне, в то время как вождь кочевников стоит перед ней и либо получает у нее согласие на свое избрание, либо она наделяет его дополнительными способностями, которые, вероятно, должны были ему помогать на его высоком посту. Наиболее впечатляюще интерпретация этой сцены обряда посвящения, или помазания, выглядит на войлочной драпировке, найденной в кургане № 5 в Пазырыке (фото 30). На ней Великая Богиня показана величественно сидящей на троне со штандартом или скипетром в левой руке, в то время как со всей самоуверенностью избранного перед ней изображен воин на коне.

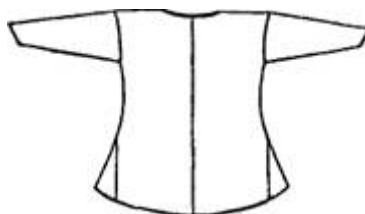

Рис. 4. Образец рубахи из кургана № 2, Пазырык. [V в. до н. э.]

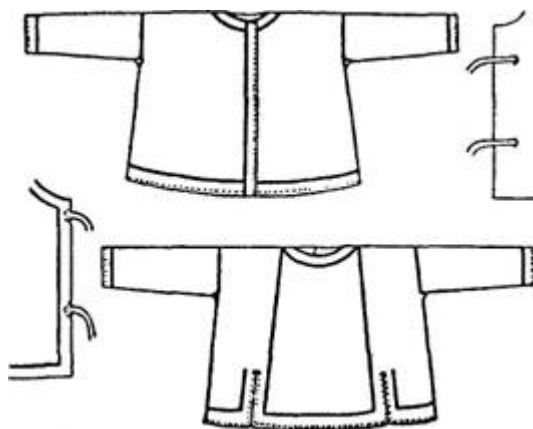

Рис. 5. Образец короткой мужской куртки из кургана № 3. Пазырык. III—II вв. до н. э.

Повседневная жизнь для свободного скифа была сравнительно обеспеченной. В целом эти края изобиловали рыбой и дичью, и обычно члены племени никогда не испытывали недостатка в продовольствии. Их основную пищу составлял кумыс, то есть перебродившее кобылье молоко, до сих пор популярное на Кавказе и в Монголии, большое количество сыра и временами овощи, такие, как лук, чеснок и бобы. Они могли добавлять по своему желанию в свой режим питания тунца и осетра, любую дичь, а также конину, баранину и козлятину. Часто они готовили мясо в виде рагу

и огромных котлах особой формы, но иногда они делали нечто вроде рубца с потрохами и приправой, который, очевидно, можно было хранить при транспортировке. Как и большинство людей, скифы любили получать от жизни удовольствия. Гиппократ писал, что они были толстыми, ленивыми и веселыми и любили наилучшим образом провести время, распивая нино за братскую верность из одного сосуда или кру-і опой чаши и предаваясь пению и танцам под аккомпанемент барабанов и струнных музыкальных инструментов наподобие лютни.

Глава 2. Народ

Одежда

Скифы также очень любили нарядные украшения на одежде. Они могли выполнить аппликацию с такой точностью и мастерством, что она походила на самую изысканную вышивку. Они делали для себя великолепную, но чрезвычайно практичную одежду, часто используя мех и кожу. Действительно, их кожи и шкуры были такой искусной выделки, что находили покупателей и в далеких краях. С наибольшей прибылью их меха продавались на рынках Ассирии, Бактрии и Греции, а рынки мяса, зерна и рабов располагались поблизости, по большей части в Понтийском регионе.

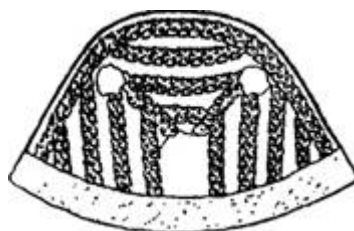

Рис. 7. Женский плащ из кургана № 2, Пазырык. IV в. до н. э.

Рис. 8. Рукав женского платья из кургана № 2, Пазырык. IV в. до н. э.

Шкуры и кожи, найденные в Пазырыке, имеют самое высокое качество, варьируясь по фактуре от очень толстой, тяжелой кожи до кож таких же тонких и мягких, как и многие современные изделия. Оттуда были извлечены разнообразные предметы одежды, причем многие из них находились в отличном состоянии. Среди снаряжения и одежды, которой обеспечивались мертвые для жизни в мире ином, не было найдено штанов, но в хорошем состоянии сохранились две шерстяные туники, сшитые специально для этого случая. Обе они имели изящную талию и расширялись у бедер при помощи треугольных вставок. Такие туники надевались как рубашки под короткие и длинные куртки. Три такие куртки сохранились в Пазырыке. Все они были сделаны на один манер и имели более прямой покрой и большую длину, чем рубашки. Но все они были одинаково хорошо сшиты аккуратными нарядными стежками, а затем покрыты витиеватыми яркими узорами-аппликациями. Одна куртка была сделана из кожи, подбитой соболем, другая была кожаная и без подкладки, а третья — из войлока. У всех трех нижняя кромка прямая, ровная, тогда как скифские воины, изображенные на резьбе в Зале Ксеркса в Персеполисе, носят одежду, по форме очень напоминающую современные фраки и, таким образом, имеющую больше сходства с куртками, найденными Радловым в Катанде, нежели с

одеждой, обнаруженной в Пазырыке.

Рис. 6. Узор на женском чулке из кургана № 2, Пазырык. IV в. до н. э.

Вся одежда, найденная в Пазырыке, изумляет обилием отделки. В одном случае к богато украшенным белым чулкам были приделаны кожаные подошвы, нижняя часть которых была так же искусно обработана, как и верхняя часть, так как они становились видны, когда надевший их человек сидел на земле скрестив ноги. Чулки имели сплошной узор из расположенных одна возле другой полосок меха, окрашенных в разные цвета. Два мужских головных убора также имели отделку. На одном из них украшение имело форму любопытных деревянных зубцов, пришитых к верху шапки. Очень соблазнительно считать ее отличительным знаком высокого положения или ранга, по сути, чем-то вроде короны.

Рис. 9. Украшение на лифе платья из кургана № 2, Пазырык. IV в. до н. э. Ширина около 7,5 дюйма

Женская одежда, найденная в Пазырыке, была еще богаче, чем мужская. В результате раскопок здесь был обнаружен огромный плащ конусовидной формы без рукавов, но с прорезями для рук. Он сделан из фетра, отороченного мехом, и практически вся его поверхность покрыта чрезвычайно замысловатой аппликацией. Платье, вместе с которым надевался этот плащ, длинное, с прямыми длинными рукавами и облегающим лифом. И здесь тоже рукава и перед лифа обильно украшены отделкой.

В Пазырыке не было найдено ни одного женского головного убора, за исключением длинной вуали и деревянной шапки с приделанной к ней косой из волос, но в изобилии

были представлены пояса, мешки и сумки, многие из которых отделаны мехом, в то время как другие украшены узорами-аппликациями. В некоторых имелся шнур, чтобы, потянув за него, можно было закрыть их, у других были ручки или клапаны.

Ни в одном из скифских захоронений европейской части степи до недавнего времени не было найдено ни одного полного комплекта одежды, который мог бы показать, как одевались кочевники, однако об

этом давали представление сцены из жизни скифов на прекрасных золотых сосудах греческой работы, обнаруженных в самых богатых погребениях. Эти сцены переданы с такой точностью деталей, что с самого начала ученые стали считать их достоверными свидетельствами того времени, указывающими на то, как скифы одевались и как вели себя, а также на то, как они выглядели. Недавние находки в Пазырыке показывают, насколько оправданны были такие предположения в отношении общего покроя и отделки одежды, воспроизведенной на таких предметах, как знаменитая серебряная ваза из воронежских захоронений или электрум из Куль-Оба. В обоих случаях воспроизведенная на сосудах одежда почти идентична реальным образцам, сохранившимся в Пазырыке. Сосуды из Воронежа и Куль-Оба датируются IV в. до н. э., одежда же, возможно, относится к немного более раннему периоду (фото 4).

На воронежской вазе главное украшение представляет собой картину скифского лагеря на отдыхе, возможно, накануне сражения. Сцена разворачивается во фризе, опоясывающем выпуклую часть сосуда. Сначала мы видим скифских военачальников, собравшихся на совет, затем опытный воин дает советы более молодому, как обращаться с луком, и, наконец, показаны воины, готовящиеся к бою. На рисунке, изображенном на вазе из Куль-Оба, сражение только что закончилось или еще продолжается, и мы видим вождя, выслушивающего гонца, воина, помогающего своему раненному в ногу товарищу, и еще одного воина, перевязывающего рану. В каждом случае удобные, облегающие, перехваченные поясом туники имеют сзади большую длину, чем спереди, и показаны очень четко. Это же относится и к облегающим, с разнообразной отделкой штанам, заправленным в мягкие высокие сапоги. На голове у них заостренные сверху капюшоны, завязанные под подбородком. Точно такой же тип головных уборов носят и поныне, по крайней мере дети в некоторых регионах России, где он известен как башлык. Все эти детали соответствуют реальным предметам одежды, найденным в Пазырыке, а также персидским изображениям скифов, несущих дань, и скифов-пленников на большом фризе в Персе-полисе. На фигурке, найденной при раскопках в Куль-Оба, воспроизведено несколько иное платье. Она изображает мужчину с непокрытой головой, укутанного в одежду, напоминающую купальный халат. В одной руке он сжимает чашу, в другой — колчан. Такой наряд, возможно, надевали те, кто участвовал в религиозных церемониях, или жрецы.

Изображения женщин редко встречаются на изделиях из металла скифского периода, и нам известно значительно меньше об их повседневной одежде. Представляется, что они носили длинные одежды и высокие головные уборы под покрывалом. Сходство между мужской одеждой, изображенной на сосудах из Воронежа и Куль-Оба, и реальными одеяниями, найденными в захоронениях Пазырыка, а также обнаруженные в Пазырыкском кургане № 2 фрагменты женского головного покрывала, кажется, подтверждают ту точку зрения, что скифские женщины одевались во многом точно так же, как и женщины из Пазырыка. Ростовцев полагал, что скифские царицы и княжны выступали в роли жриц Великой Богини и что они облачались в специальные одеяния при исполнении

религиозных обрядов. Согласно его теории, их также наряжали в эти одежды после их смерти. Но помимо найденных в некоторых женских погребениях в южной части России одежных декоративных пластин с изображениями Великой Богини, нет ничего, что показывало бы, каковы были эти одеяния. В Пазырыке также не было обнаружено ничего, что могло бы пролить свет на это. Самые интересные экземпляры пластин с изображением Великой Богини были открыты и захоронениях в Карагоденашхе и в курганах Большие Близнецы.

В южной России и Крыму на вершинах некоторых курганов установлены грубые и неуклюжие человеческие фигуры из камня. Как правило, эти фигуры изображают женщин, хотя иногда встречаются и мужские фигуры. Несколько веков назад местные жители называли их «каменными бабами». Первые путешественники ассоциировали эти фигуры с людьми, похороненными в курганах под ними, и некоторые ученые в наши дни в целом склонны соглашаться с этой точкой зрения. И все же изображенные на них одеяния никак не соответствуют ни одному из предметов одежды, найденных в Пазырыке. Ван ле Кок заметил, что на некоторых фигурах у пояса были подвязки, чтобы поддерживать в вертикальном положении их мягкие сапоги. Только еще в одном месте он обнаружил изображения похожих подвязок: на фресках в храмах раннего средневекового периода в Базаклике в Туркестане, которые изображали высоких рыжеволосых голубоглазых людей, чьи лица были явно европейскими. Таким образом, получила поддержку теория о том, что скифы принадлежали к индоевропейской семье народов. На женских изваяниях были высокие шапки, несколько схожие по форме с теми головными уборами, которые носили уэльские женщины в XVIII в. Но их покрывает прозрачная вуаль, что еще больше усложняет иоирис, так как из-за формы шапок трудно понять, что эти статуи связаны со скифами, похороненными внизу под ними.

Очень вероятно, что скифы разработали свой стиль верхней одежды, взяв за основу ассирийскую тунику и превратив ее в наряд, прекрасно подходящий к их конному образу жизни. В их костюме тогда не было ничего, что стесняло бы движения или мешало скакать во весь опор на самом норовистом жеребце. Облегающая, укутывающая туника и плотно завязанный капюшон также обеспечивали отличную защиту в любую погоду. Вариант такого костюма носили все всадники евразийской равнины. Он был полной противоположностью развевающимся греческим и римским одеждам, но преимущества, которые он давал конным воинам, постоянно подтверждались в бою. И тем не менее, этот костюм так и не был перенят греками, и лишь приблизительно в 300 г. до н. э. консервативные китайцы, наконец, убедились в его преимуществах. В тот период им досаждало беспокойное племя хиунг-ну, и они поняли, что без кавалерийских отрядов им будет невозможно оказывать сопротивление, а тем более преследовать и наказать своего врага. Решение включить конные подразделения в состав армии не могло быть осуществлено без проведения реформ в военном обмундировании, так как традиционные ниспадающие одежды и тесная обувь, которую носили китайцы, была совершенно непригодна для нового поколения кавалеристов. Со своей стороны император приступил к внедрению обмундирования, позаимствованного у своих врагов-кочевников. Так что мешковатые штаны и тесные рубахи, которые сохранились в качестве национальной одежды китайцев до времен последней войны, представляли собой восточный и все еще ясно узнаваемый вариант одежды скифов.

Глава 2. Народ

Искусство верховой езды

Если скифы не были первыми, кто одомашнил лошадь, то они были одними из первых, если не первыми из народов Средней Азии, которые научились ездить верхом. И в Китае, и в Индии, а возможно, и в Египте, во 2-м тысячелетии лошади использовались как вьючные животные для перевозки грузов или для того, чтобы волочить телеги, установленные на твердых колесах, вытесанных из камня или стволов деревьев. Скифы научились использовать коней, впряженных в легкие колесницы, в бою и для преследования врага. И военных успехов скифы добивались во многом благодаря тому преимуществу, которое было у их конных воинов над пешими врагами. Это превосходство быстро оценили последние. Вследствие этого, почти сразу же вслед за проникновением скифов в Азию, техникой верховой езды овладел весь средневосточный регион. И действительно, быстрота, с которой пехотинцы превращались в кавалеристов, была так велика и всеобъемлюща, что, возможно, конные пришельцы, которые появились в Центральной Европе в это же время, научились верховой езде от своих восточных соседей. Они в свою очередь передали это умение тем, кто жил дальше на западе. Скифы использовали своих коней только для верховой езды, будь то охота или война, рассматривая их как средство быстрого передвижения, и продолжали держать быков для домашних нужд и тяжелой работы. На Алтае, с другой стороны, лошадей использовали для того, чтобы тащить крытые кибитки, в которых женщины и дети переезжали с места на место, а также грубые ПОВОЗКИ, применяемые для транспортировки тяжелых камней, требующихся для насыпи над могильными курганами.

Все погребения Пазырыка содержали в себе захоронения лошадей, число которых варьировалось от семи в кургане № 3 до четырнадцати в некоторых других. Эти животные принадлежали умершему хозяину. В их число входили и отработавшие свое верховые лошади, и те, на которых он ездил, пока его не настигла смерть, а также двух- и трехлетки, которых он, вероятно, отобрал на будущее. И хотя профессор Витт установил, что основная масса малорослых коней, погребенных в Пазырыке, принадлежала к породе диких монгольских лошадей, родственных лошади Пржевальского, которые, таким образом, были похожи на тех, что использовались по всей Скифии, в каждом пазырыкском захоронении имелся также по крайней мере один экземпляр лошади чистых кровей — высоко ценимой ферганской породы. Жеребцов этой породы желали иметь у себя императоры Китая, так как они были настолько быстрыми, что китайцы верили в их сверхъестественное происхождение. Витт полагает, что жители Алтая, должно быть, добыли себе племенных животных посредством грабежа или получили в виде дани, но Руденко убежден, что лошади, найденные в захоронениях, были выведены на месте. В среднем они имели пятнадцать ладоней в высоту, и большинство из них были гнедой масти. Витт придерживается того мнения, что копыта лошадей этой масти лучше приспособлены к езде по твердой и неровной местности, чем копыта животных с более светлым окрасом. По ногам некоторых лошадей лучших пород из погребений Пазырыка можно судить, что они проводили зиму в укрытии, а также есть доказательства того, что их кормили зерном. При этом простым монгольским лошадам, лежащим в тех же самых могилах, не хватало еды уже задолго до их смерти. Наиболее ценным лошадям клеймили уши, и все они были кастрированы. В Скифии также все верховые лошади кастрировались, и этот обычай сохранялся в некоторых казачьих поселениях Кавказа и центральной России до самой революции, где никто, кроме бедняков, не согласился бы на то, чтобы его

увидели скачущим на некастрированном жеребце.

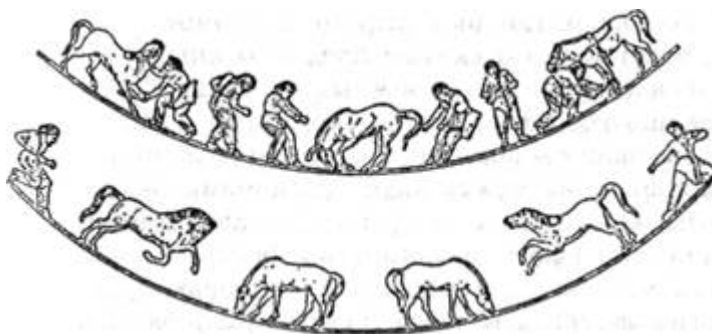

Рис. 13. Кувшин для кумыса из Чертомлыка. IV в. до н. э. Высота 27,5 дюйма

В Пазырыке у каждого кочевника была по крайней мере одна лошадь, но, как правило, их было значительно больше. Даже в женские могилы клали по одной убитой лошади, хотя ничто не объясняет, как эти лошади использовались при жизни. Покрой женских одежд не позволяет предположить, что женщины ездили верхом. В Скифии большинство воинов имели в собственности значительное количество лошадей, а вожди племен, как правило, обладали большими стадами жеребцов и племенных кобыл. Лучшие стада были, вероятно, на Кубани и Днепре, так как количество лошадей, погребенных в наиболее крупных курганах этих регионов, часто достигает сотен голов. С другой стороны, в районе Полтавы и Киева редко можно обнаружить в одном захоронении более чем одну лошадь. Возможно, здесь труднее было достать этих животных, или население здесь было беднее, или же малое количество лошадей в одном погребении может указывать на то, что местные жители развили более передовую форму сельского хозяйства, чем та, которая применялась на юге, и скорее предпочитали владеть монотонное существование в плетеных домах, чем продолжать захватывающую, но нестабильную жизнь кочующих пастухов. В скифских захоронениях, которые были изучены в Венгрии, редко можно найти более двух лошадей, похороненных в одной могиле, обычно бывает одна.

У всех верховых лошадей, обнаруженных в захоронениях Пазырыка, были подстрижены гривы. То же самое, вероятно, практиковалось и в Скифии, так как у верховых лошадей, изображенных на скифских изделиях из металла, гривы подстрижены. Вероятно, гривы подстригали для того, чтобы они не мешали всаднику целиться из лука на всем скаку. У тягловых же лошадей, которые появляются на изображениях, можно увидеть длинные, свободно ниспадающие гривы. Почти всем лошадям заплетали хвосты, но иногда вместо этого их завязывали узлом, уменьшая длину наполовину. Живая и убедительная картина работы скифов на своих лошадях дошла до нас в ярких орнаментах на великолепном кувшине для кумыса из Чертомлыкского кургана. В высоту он значительно превышает два

фута и имеет две ручки. Он относится к IV в. до н. э. и, вероятно, был сделан каким-нибудь греком из одного из соседних греческих городов. Основание кувшины украшено узором из листьев аканта; выше его разворачивается фриз, изображающий двух молодых и двух скифов старшего возраста, которые при помощи лассо ловят небольших лошадей монгольского типа. У некоторых лошадей гривы подстрижены; вероятно, это животные, которых отправили на подножный корм после срока службы. У других лошадей длинные гривы, и они, очевидно, еще не объезжены, так как яростно вырываются при прикосновении аркана. Эта сцена вызывает воспоминания о степи. Подобную ей можно было, вероятно, наблюдать в любой казацкой общине в дореволюционные дни.

Рис.14. Фрагмент фриза на чертомлыкском кувшине для кумыса

Своей удалей на охоте и в бою скифы были обязаны в большой степени замечательной ловкости, с которой они управлялись со своими лошадьми. Но хотя они тратили много часов на обучение своих животных, гораздо большее количество времени они посвящали изготовлению конской сбруи, боевого и охотничьего снаряжения. Все конское снаряжение, которое пока было найдено как на восточной, так и на западной части равнины, показывает, какое огромное значение скифы придавали экипировке своих коней. Не исключено, что внешний вид экипировки, а также декоративные детали оказали влияние на кельтское искусство.

Глава 2. Народ

Конская сбруя и снаряжение

Все предметы конской сбруи кочевников, которые были открыты в Евразии, были сделаны с безупречным мастерством из самых лучших материалов, имевшихся в их распоряжении в те времена. Все они имеют изобилие украшений, равных которым пока еще не было найдено. Конская сбруя, найденная в Пазырыке, потрясюще замысловатая, и все же Алтай был бедной окраиной скифского мира, и если бы схожие предметы конской экипировки сохранились в южных регионах России, более чем вероятно, что по сложности и отделке

они превосходили бы восточные образцы. Всякий раз, когда сравнение между двумя регионами оказывалось возможным, чисто скифские изделия демонстрировали большую изысканность и более высокий уровень мастерства в сочетании с любовью к более дорогим материалам. Однако судьба распорядилась так, чтобы именно непортящиеся металлические предметы не избежали разрушения в европейской части степи, а в Пазырыке огромное количество материалов, которые обычно распадаются первыми, сохранились неповрежденными в течение двух с половиной тысячелетий. Так, до нас дошли в отличном состоянии найденные в Пазырыке искусно украшенные кожаные и войлочные седла, чепраки из войлока и тканых материалов, вожжи, уздечки и удила. В результате появилась возможность заново собрать лошадиную сбрую, которой пользовались всадники в I-м тысячелетии до н. э., и точно установить, как именно взнуздывали лошадь тогда.

Части конской сбруи, сделанные из непортящихся материалов, то есть удила и металлические на-щечники, одинаковы и на Алтае, и на юге России, и поэтому кажется вполне вероятным, что детали экипировки, которые исчезли в собственно Скифии, имели в равной степени близкое сходство с предметами, сохранившимися в Пазырыке.

И на охоте, и в бою скифы использовали двоя-коизогнутый лук из рога с натянутыми сухожилиями. Их стрелы имели трехгранные наконечники, сделанные — в зависимости от ступени их развития — либо из камня, кости, бронзы, либо из железа. Луки и стрелы носили в сложном футляре, известном как «горит» (фото 7). Его носили подвешенным на ремень на левом бедре. И скифы, и жители Пазырыка стреляли в парфянской манере — через левый бок.

Помимо луков и стрел, в экипировку скифов входили мечи, которые иногда доходили до двух с половиной футов в длину. Они также использовали короткие обоюдоострые кинжалы (акинаки), которые носили так же, как шотландец носит свой кинжал: привязанным к левой ноге ремешком. Вдобавок они применяли ужасные ножи разнообразной длины и вида. Некоторые из них имели загнутые внутрь лезвия, которые ассоциируются с Китаем, другие же сохранили европейские формы.

Топоры и пики, которыми они пользовались, были похожи на те, которые перенесли через Евразию последняя волна миграции из Европы. Скифы также иногда носили копья и штандарты, увенчанные бронзовыми изваяниями или головами настоящих или придуманных животных (фото 5 и 6). Эти шесты, возможно, имели геральдическое значение, и в этом случае их наличие у скифов следует приписать ассирийскому влиянию. С годами ассирийские и персидские элементы постепенно исчезали, так как царские скифы были склонны к развитию более тесных связей с греческими городами на Понте. Что касается оружия, греческое влияние выразилось в том, что скифами были переняты греческие щиты и шлемы, часто даже греческой работы, а в могилах — здесь греческое влияние наиболее сильно — появляются еще и кольчуги.

Скифы были непревзойденными мастерами в обращении с лассо, и тем не менее они предпочитали преследовать свою добычу, в возбуждении от погони зачастую забывая пользоваться лассо (фото 3). А в один из тех редких случаев, когда отряд скифов решил сразиться с Дарием и обе армии выстроились, чтобы принять бой, внезапное появление зайца, пронесшегося между вражескими рядами, настолько отвлекло скифов, что, как писал Геродот, «тут же все скифы, увидевшие его, ринулись за ним в погоню в большой суматохе, крича и вопя. Услышав шум, Дарий поинтересовался, что было тому причиной. И ему сказали, что скифы занялись охотой на зайца. При этом он повернулся к своим приближенным и сказал: «Эти люди и в самом деле презирают нас». Эту картину легко

себе представить: приученные к дисциплине персидские войска стоят недвижно в ожидании команды, в то время как кочевники в беспорядке скачут за каким-то животным, несущимся по равнине.

Глава 2. Народ

Внешний вид

Значительно труднее, однако, восстановить внешний вид скифов, нежели понять их взгляды на мир. Были они небольшого или высокого роста? Имели они овальные или круглые лица? Антропологические данные очень скудны. Мумифицированные останки, обнаруженные в Пазырыке, показывают, что вожди имели высокий рост, в среднем пять футов восемь дюймов (172 см), в то время как женщины были около пяти футов одного дюйма ростом (155 см). И все же вполне возможно, что эти данные были справедливы только в отношении вождей, так как рядовые соплеменники любили, чтобы их возглавляли люди хорошего телосложения. В общей массе средний рост мог быть значительно меньшим.

Видимо, скифы внешне отличались от народа, жившего в Пазырыке, так как на своих произведениях искусства они изображены широкоплечими и приземистыми. И все же нет антропологических данных, показывающих, каков был внешний облик скифов, и, наоборот, пока еще не найдено никаких графических изображений людей, живших в Пазырыке, а шести мумифицированных голов, обнаруженных в курганах, недостаточно, чтобы восполнить пробел в наших знаниях. Руденко удалось установить, что большинство черепов, найденных в Пазырыке и в схожих с ним захоронениях в Шибе, Туекте, Курае и Катанде, принадлежат к европейскому типу. Это подтверждает точку зрения Джетмара на то, что по крайней мере до V или IV в. до н. э. жители Западной Сибири были светловолосыми людьми европейского происхождения и что именно после этого временного рубежа наплыв монголоидов привел к возникновению населения очень смешанного типа. В пазырыкских захоронениях были найдены суббрахицефалические, брахицефалические («короткоголовые»), мезоцефалические и долихоцефалические («длинноголовые») черепа, что предполагает значительные примеси. По изображениям на сосудах из Куль-Оба, Чертомлыка и Воронежа можно предположить, что скифы имели ошеломляющее сходство с крестьянами дореволюционной России (рис. 11, 13, 14; фото 4). Однако большинство ученых убеждены, что не существует расовых связей между славянами и скифами, а Рипли привлекает внимание к тому факту, что в захоронениях каменного века, найденных в центральной России, три четверти черепов были долихоцефалическими, в период с IX по XIII в. только половина из них принадлежала к этой группе, а позже — только 40 процентов, остальное же население имело брахицефалические черепа. Чвожка, с другой стороны, придерживается своего мнения, к которому он пришел в результате многочисленных раскопок, проведенных в этом регионе: основное население оставалось тем же с самых ранних вплоть до более поздних времен, но правящий класс менялся как при каждом завоевании, так и в ходе политических событий. Внешнее сходство скифов, как это видно из работ греческих мастеров по металлу, с крестьянским населением дореволюционной центральной России может до определенной степени быть случайным, являющимся результатом того, что и те и другие предпочитали носить одинаковые прически и длинные бороды. Но есть и другие сходства, объяснить которые значительно сложнее. Так, коренастое телосложение и большие округлые носы были характерны и для тех и для других, и вдобавок аналогичные особенности заметны и в

темпераментах обоих народов. И те и другие любили музыку и пляски; и те и другие были настолько увлечены искусством, что могли восхищаться, перенимать и переделывать совершенно инородные стили в нечто абсолютно новое, национальное; у обоих народов был талант к графическим искусствам, а также у них можно отметить почти всенародную любовь к красному цвету. И опять-таки, оба народа демонстрировали готовность прибегнуть к политике выжженной земли в случае нашествия. Смешанные браки вполне могли сыграть свою роль в сохранении в России черт скифов, которые и по сей день продолжают находить свое выражение в национальном облике.

Некоторые ученые, однако, сомневаются, носили ли скифы бороды. Они предполагают, что вырождение и болезни сделали многих из них безбородыми, но их изображения на таких сравнительно поздних, полученных, так сказать, из первых рук документах, вроде сосудов из Куль-Оба, Чертомлыка и Воронежа, совершенно ясно указывают на обратное. Данные раскопок в Пазырыке усложняют вопрос, вместо того чтобы разъяснить его, так как по ним видно, что, в то время как большинство соплеменников либо брили, либо выщипывали растительность на своих лицах, вождь монголоидного типа, похороненный в кургане № 2, от природы безбородый, был снабжен накладной бородой, которая лежала под его головой. Она была сделана из настоящих волос, коротко подстрижена и покрашена в черный цвет; она крепилась на полоске кожи, концы которой должны были завязываться на затылке. Более того, рядом с этой накладной бородой была положена кожаная сумка с запасом черной краски. Вероятно, люди, жившие в Пазырыке, ожидали, что их вождь будет появляться в бороде, по крайней мере во время церемоний, а раз этот конкретный правитель — возможно, из-за своего монгольского происхождения — не мог отрастить себе бороду, его необходимо было снабдить подделкой, которая дала бы ему возможность появиться в надлежащем виде в мире ином. Наверное, стоит отметить сходство формы его накладной бороды с бородой, принадлежавшей фигурке облаченного в жреческие одежды человека, о котором здесь уже упоминалось ранее. В обоих случаях бороды слегка отличаются очертаниями от тех, которые изображены на сосудах из Куль-Оба и Чертомлыка. Но если придерживаться предположения, что та фигура в облачениях была священнослужителем, то наличие бороды похожей формы в могиле монгольского вождя, похороненного в Пазырыке, может указывать на то, что именно этот правитель играл не менее важную роль в религиозной жизни своего племени, чем в мирских делах. Или опять-таки, если бороду не принимать за символ некой должности либо в политической, либо в религиозной сфере, то не стоит ли ее рассматривать как признак высокого социального положения или эмблему принадлежности к касте? Ведь бороды именно такой формы носили вожди, в то время как рядовые свободные соплеменники, то есть воины и охотники, имели заостренные бороды, изображения которых есть на металлических изделиях этого периода.

Геродот отмечал, что скифы не использовали воду для мытья. Вместо этого женщины изготавливали мазь из истолченной древесной мякоти кипариса и кедра, которую они смешивали с ладаном и водой, растирая все это в массу. Они использовали эту мазь в качестве очистительного средства, намазывая себя ею на целый день. Геродот был удивлен, обнаружив, что их кожа безупречно чиста, после того как они стирали ее с тела.

Глава 2. Народ

Поселения городского типа

Недавние изыскательские работы представили доказательства того, что уже к V в. до н. э. некоторые скифы утвердились в южных регионах России как оседлые земледельцы. Спицын пытался найти расовые различия между теми, кто поселился на берегах Днепра, и теми, кто заселил районы Киева и Полтавы. Но различия, к которым он привлекает наше внимание, должно быть, являются результатом смешанных браков с местным населением, а не врожденным несходством между самими скифами.

Раскопки, проведенные в бассейне Днепра, обнаружили развалины городищ, принадлежавших некоторым из этих оседлых скифов или, по крайней мере, каким-то полускифским общинам. Одно из них, Каменское, можно считать характерным поселением такого типа. Городище находится на левом берегу Днепра, практически напротив Никополя. В нем жили люди в V—II вв. до н. э., и оно занимало территорию почти пять квадратных миль. Даже из беглого осмотра этого места видно, что уже в этот сравнительно ранний период скифы не были плохими строителями, а его расположение на северо-западе — так далеко от юга России — помогает осознать тот факт, что даже в более отдаленные времена скифы были искусными строителями погребальных камер, а позднее, после принятия христианства, русичи сумели воздвигнуть замысловатые церкви византийского типа практически сразу после обращения в греческую православную веру.

С трех сторон Каменское было защищено естественными природными преградами — крутыми берегами трех рек: могучего Днепра, речки Корко и более крупной реки Березовки. Но с южной стороны, где простиралась степь, жители построили толстую земляную оборонительную насыпь, которая заканчивалась у юго-западного угла цитадели. Сразу же за стеной, с ее внутренней стороны, было оставлено открытое пространство шириной от половины и до трех четвертей мили. В мирное время оно служило ночью загонem для скота, а в чрезвычайных ситуациях это пространство использовалось защитниками города.

Внутри этого пояса стояли дома. Они были трех типов. Самые обычные состояли из овальной центральной части, построенной из дерева, и пристроек, выступающих с обеих сторон. Более значимые здания были больше средних по размеру, площадью от 40 до 176 квадратных ярдов. В них было по два-три помещения, смежных между собой. Вход в такой дом всегда осуществлялся с южной стороны, а очаг располагался либо в центральной, либо в самой северной комнате. Стены возводились из дерева, укреплялись примесью глины, а покатые крыши покоились на деревянных столбах. В этих помещениях были найдены многочисленные бронзовые и железные инструменты, включая изрядное количество кузнечного инвентаря. Жилища третьего типа сильно напоминали строения второго типа в плане и по расположению комнат, но они были сделаны целиком из глины. Единственный обработанный камень, найденный на месте этого городища, находился на месте, которое археологи приняли за городской акрополь. Но если это действительно так, то тогда это должно указывать или на исполнение населением нескифских храмово-культовых обрядов, или на явное различие между религиозными обычаями оседлых и кочевых скифов. Однако нет впечатления того, чтобы у скифов были какие-либо святыни или постоянные места культа.

Жители Каменского были бедны, значительно беднее большинства кочевых скифов, но очень вероятно, что оседлые скифы, независимо от их происхождения, были обязаны отдавать значительную часть своих богатств кочевым владыкам. Во всяком случае, ни одного ценного произведения искусства, ни одного примечательного ювелирного изделия и ни одного впечатляющего предмета домашней утвари еще не было найдено ни в одном скифском поселении городского типа, кроме как в местах захоронений.

Самый впечатляющий скифский город, который был раскопан до настоящего времени, — это Неаполь Скифский. Он расположен на окраине Симферополя, в Крыму, и раскопки там начали Шульц и Головкина в 1945 г. Город служил столицей царских скифов от конца IV в. до н. э. до начала христианской эры. Хотя он и относится к сравнительно позднему периоду, в начале III в. он уже занимал площадь около сорока акров. Приблизительно в это же время вокруг него была воздвигнута огромная каменная стена, которая служила защитой от становящихся все более опасными нападений сарматов. Стена имела различную толщину: от 9 ярдов до 14. В ней были сделаны большие ворота, по бокам которых стояли сторожевые башни. Внутри ее располагалась столица царя Скилура и его сына и наследника, будущего царя Палакка. В городе был целый ряд впечатляющих общественных зданий, построенных из камня и крытых черепицей. Их украшали стройные колонны, богато декорированные капители и статуи из бронзы и мрамора, фрагменты которых все еще устилают это место, являясь свидетельством его бывшего величия. Два бюста, ориентировочно идентифицированных как головы Скилура и Палакка, отражают черты нового натурализма, который, наверное, следует приписывать влиянию Рима.

Жилой квартал расположен на севере города. Там также дома были каменные, и некоторое представление о внешнем виде самых прекрасных зданий можно почерпнуть, вспомнив, что фасад дома, который тайно приобрел царь Скил в Ольвии тремя веками раньше, был украшен фигурами сфинксов и грифонов. В лучших домах Неаполя Скифского было по несколько комнат. Они были выстроены вокруг дворика, и их стены украшала настенная роспись. В некоторых кладовых все еще хранились запасы пшеницы, ячменя и проса. Есть достаточные свидетельства того, что жизнь города протекала по городскому образцу. Здесь обосновались ремесленники и всевозможные торговцы. По крайней мере один горшечник имел свою собственную печь для сушки и обжига, но во многих амфорах, найденных в домах большего размера, хранились вина, привезенные издалека: с острова Родос, из Книды¹, Коса и Синопа. Торговля, вероятно, процветала в Неаполе Скифском, и уровень жизни, по крайней мере среди зажиточных горожан, кажется, был очень высоким. Кости лошадей, коров, коз и овец были найдены во всех кварталах города в огромных количествах, но и кости кабанов и бобров едва ли были малочисленнее. Археологи трактуют это как указание на то, что охота на дичь все еще продолжала играть важную роль в экономике городских жителей-скифов, хотя совершенно очевидно, что ее основой теперь служила тщательно продуманная система земледелия.

В Неаполе Скифском были большие кладбища. На территории большего по площади некрополя среди разнообразных могил, полных золотых предметов, археологи наткнулись на изящный и замысловатый, хотя и возведенный под сильным влиянием греческой культуры, мавзолей, в котором покоилась скифская царица. Город такой сложной структуры, как этот, с такими изящными могилами не мог вырасти внезапно — все указывает на довольно высокий уровень его зрелости, стабильную экономику и широкие взгляды на жизнь.

1 Книд — древнегреческий город в Анатолии.

Глава 2. Народ

Интеллектуальный кругозор и художественный вкус

Хотя такие города, как Неаполь Скифский или менее крупный и более бедный городок Каменское, были редкостью в Скифии, кочевники радовались, что они у них были. Действительно, скифы-горожане, как и мелкопоместные английские дворяне XIX в., сохраняли свои корни в сельской местности и любовь к сельскохозяйственным занятиям. Но цивилизация, которую создали и развили кочевники, так же нуждалась в городах, в которых жили искусные ювелиры, как и в степных просторах, которые вдохновляли городских ремесленников, ибо скифское искусство сохранило непосредственное, пусть даже сложное, мировоззрение тех, чья жизнь проходит под открытым небом. Именно кочевники, а не жители городов, разработали его каноны. Для скифов чувства не играли главной роли; они скорее были реалистами, для которых абстрактное и сложное обладало неодолимой притягательной силой.

То, что скифов могли увлечь философские размышления, если бы им представилась возможность им предаваться, доказывает жизнь принца Анахарсиса, брата царя Савлия, которого в качестве посла отправили в Афины, где среди горожан было много скифов. Как только он достиг места своего назначения в 589 г. до н. э., он начал часто бывать в обществе Солона и посещать его философский кружок. Вскоре Анахарсис забросил политику и провел несколько лет в поисках мудрости и божественной истины. Греки окружили его любовью и ценили его «скифское красноречие», и все же в конечном итоге посол был вынужден отправиться к себе на родину. Он ехал кружным путем, посещая по дороге как можно больше стран с целью расширить свои знания о мире. В Кизике любопытство заставило его принять участие в Элевсинских мистериях, и его убедили дать обещание отблагодарить богиню Кизика в случае, если он вернется на родину целым и невредимым. Вернувшись к своему брату, он ускользнул однажды украдкой с намерением исполнить свой обет, но был замечен, и о его отступничестве спешно донесли царю. Савлий лично отправился удостовериться в правдивости донесения. Увидев брата, занятого исполнением чуждых религиозных обрядов, он выпустил в него стрелу, убив на месте. Так погиб единственный скифский философ, тот, которого даже греки считали мудрецом. Он умер до того, как его влияние успело проявить себя среди его народа.

И все же, несмотря на жестокость в бою, несмотря на нелюбовь к краснобайству и иностранным обычаям, скифы не были грубыми людьми. Их умение разбираться в искусстве и любовь к прелестям домашнего очага отражены во всех их предметах быта. У всех кочевников количество бытовых вещей в силу их образа жизни было строго ограничено, и все же ассортимент и разнообразие предметов, которыми они окружали себя, было поистине удивительным. Не менее поразительными кажутся тщательность и мастерство, с которым изготовлены даже самые незначительные предметы. Практически каждый уцелевший образчик скифской работы демонстрирует высокое качество, а самые лучшие изделия поистине великолепны. Помимо таких неотъемлемо важных вещей, как оружие и шорные изделия, а также предметов первой необходимости, обилие домашней утвари так же неожиданно, как и разнообразие материалов, использованных в каждом отдельном изделии.

Гончарное искусство стоит особняком, будучи совсем не претенциозным, но опять-таки изделия из глины находят главным образом в беднейших могилах из-за значительного неравенства в благосостоянии среди соплеменников. Местные изделия грубы по фактуре, бедны по цветовой гамме: черные, серые или темно-желтые — и примитивны по форме: главным образом это горшки и очень редко чаши. Когда гончарные изделия обнаруживаются в более богатых захоронениях, то они всегда представляют собой высококачественную керамику, ввезенную из понтийских колоний или Ионии, а не изделия местного производства.

Колдовство

Как и все первобытные народы, скифы были чрезвычайно суеверны. Они верили в колдовство, волшебство и силу амулетов. Их прорицатели предсказывали будущее при помощи пучка прутьев, а также посредством разорванных лубяных волокон почти так же, как это делали некоторые группы германцев в Средние века. Пользовавшиеся самым большим почётом скифские маги были родом из определенных семей. Они говорили высокими, пронзительными голосами и носили женские одежды. Вероятно, они были евнухами, но скифы верили, что у них появились эти женские черты в качестве наказания за оскорбление Великой Богини, которым было разграбление ее святилища в Аскалоне. Их профессия не была лишена серьезного риска, так как неправильно предсказавший будущее не мог ждать снисхождения. Оказавшегося неправым предсказателя и его родственников-мужчин сажали в повозку, нагруженную хворостом, и предавали смерти через сожжение. Однако родственниц обычно щадили.

Религия

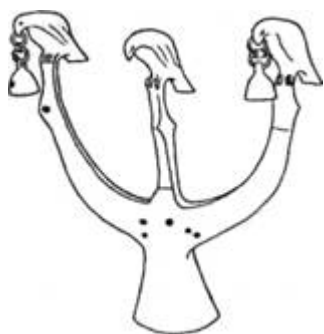
Скифы поклонялись стихиям. Их главное религиозное рвение было отдано Великой Богине, Табити— Весте, богине огня и, наверное, животных. Она одна фигурирует в их искусстве, главенствуя при произнесении клятв, причащении или помазании вождей. Ростовцев обнаружил, что в южных регионах России ей поклонялись задолго до того, как здесь появились скифы. Изображающие ее глиняные статуэтки были распространены в бронзовом веке на территории, лежащей между Уральскими горами и Днепром, даже больше вдоль рек Буг и Донец. Есть явное сходство между этими маленькими фигурками и изображающими то же самое божество фигурками из Элама¹, Вавилона и Египта, сделанными несколькими веками ранее. Найденные в Крыму фигурки Великой Богини датируются не ранее чем IX в. до н. э. Эта богиня изображалась стоящей с ребенком на руках. Она олицетворяла собой богиню плодородия и материнства у скифов. Скифы считали ее своей защитницей, а Страбон отмечал, что ее культ был особенно широко распространен на Кавказе, где она была охранительницей племен мореходов, которых греки считали аргонавтами. Эти народы, а в особенности скифы с Таманского полуострова, очень возмущались вторжением чужаков на свои берега и считали необходимым приносить в жертву Великой Богине всех ионийских моряков, которых им удавалось брать в плен. В искусстве скифов она иногда появляется в виде полуженщины-полужмеи, иногда стоящей, иногда сидящей между своими священными животными — вороном и собакой, а иногда беседующей с сопровождающим ее вождем.

Скифы также поклонялись Папаю—Юпитеру, богу воздуха; Апи—Феллус, богине земли, Гайтосиру— Аполлону, богу солнца, и Аргимпасе—Венере, богине луны. Помимо этих, царские скифы почитали Тамумаса—Нептуна, бога воды, и, как полагал Геродот, они приносили в жертву скот и каждого сотого пленника Марсу и Геркулесу. Геродоту удивило отсутствие у скифов изображений богов, алтарей и храмов, и действительно, за исключением весьма скромных акрополей позднего периода в скифских городах, пока еще не было открыто ни культовых мест, ни предметов, которые можно было бы наверняка связать с проведением религиозных церемоний. Таким образом, он, вероятно, был прав, полагая, что для отправления религиозных ритуалов скифы собирались в условном месте и уходили оттуда по их окончании, но при этом они не считали, что проведенная церемония каким-то образом освятила то место, где ее проводили. В этом они, похоже, следовали

иранской традиции.

Вместо храмов и святынь скифы расточали все благоговение, на которое только были способны, могилам своих умерших, напоминая китайцев в своей готовности пожертвовать жизнью, охраняя эти захоронения. И все же их забота и бдительность не смогли уберечь могилы их предков от осквернения грабителями, которые почти всякий раз проникали в курганы после похорон и обыскивали их с такой тщательностью, что едва ли осталась могила, оказавшаяся нетронутой.

Погребальные церемонии

Церемония похорон у скифов была сложной и очень торжественной. На Алтае погребения, похоже, производились только в течение двух времен года, весной и осенью, совпадая, таким образом, с сезонными кочевьями племен в поисках новых пастбищ. Обычай откладывать похороны сделало бальзамирование умерших необходимым, и подробное описание Геродотом этого процесса, осуществляемого скифами, было подтверждено найденными в замороженных погребениях Пазырыка набальзамированными телами.

Сначала тело нужно было очистить изнутри, заполнить его ароматическими травами и зашить. Когда все было готово, тело клали на повозку, и все племя, как один, обрезав себе волосы, следовало за трупом с криками и стенаниями, хлеща себя по рукам и протыкая себе ладонь левой руки стрелами, по мере того как процессия следовала от деревни к деревне, и так было, пока повозка не объедет все владения умершего. Эта поездка должна была длиться сорок дней. Только тогда тело можно было привезти назад к месту захоронения. Если человек занимал невысокое положение в обществе, весь процесс, хоть он и должен был длиться предписанное число дней, ограничивался визитами к его родственникам и друзьям. Когда все это было завершено, могла начаться церемония похорон. Тело вместе с поддерживающим его тюфяком поднимали с повозки и опускали в погребальную камеру, где стоял гроб. Иногда по углам гроба ставили штандарты, которые были увенчаны бронзовыми животными. А порой вместо них ставили шесты с колокольчиками, чтобы их звуки помогали отгонять злых духов.

В последний путь умершего вождя сопровождала одна из его жен, его главные слуги: виночерпий, повар и главный конюх, а также лошади, которыми он лично пользовался при жизни. Все они были обряжены в свои лучшие одежды и драгоценности, и каждому в погребении была выделена своя отдельная камера или отсек. Хозяин лежал один вместе с самыми необходимыми вещами, которые клали рядом с ним. Среди них были золотые чаши, амфоры, наполненные вином и маслом, и огромный котел с мясом ему в дорогу. Его слуги и спутники располагались неподалеку, а его кони лежали вне его погребальной камеры, но все же в непосредственной близости от нее в том же самом кургане, чтобы оказаться у него под рукой сразу же после его пробуждения. Все они были в великолепной сбруе. После того как могилу засыпали, но еще до возведения кургана, над погребальной камерой проводились поминки.

До этого места отчет Геродота о скифской церемонии погребения был, как показали раскопки, полностью достоверным. Далее он продолжил свое повествование о том, что в первую годовщину смерти вождя было принято убивать пятьдесят конных воинов из

личной охраны умершего правителя, каждый из которых, как, впрочем, и все другие члены его окружения, был свободнорожденным скифом. После этого их тела очищали от внутренностей и наполняли согласно процедуре, а убитых коней, полностью взнузданных и оседланных, сажали на колья, установленные кольцом вокруг кургана. Мертвых всадников сажали на спины коней, а затем и людей, и животных оставляли разлагаться на своем посту у могилы. Не сохранилось ни одного следа этого последнего жестокого ритуала. Даже если бы такой ритуал существовал, тела мертвых быстро расклевали бы до костей птицы-падальщики, а скелеты превратились бы в пыль задолго до наших дней. Хотя нам трудно поверить в то, что скифы так расточительно относились к человеческой жизни, как требовал этот их обычай, Геродот оказывался прав в стольких случаях, что, кажется, нет причины сомневаться в его точности и здесь. Но если и в самом деле такие крупномасштабные жертвоприношения имели место, это, несомненно, происходило только после смерти выдающегося правителя.

По утверждению Геродота, все, кто принимает участие в процессе похорон, проходят очищение. Они намыливают тело очищающей мазью, а затем «поступают следующим образом: делают кабинку из воткнутой в землю трех палок и войлоков, которые как можно плотнее скрепляют между собой; внутри кабинки на землю ставят блюдо, на которое кладут несколько раскаленных докрасна камней... и, проползая под войлочными занавесями, бросают на камни конопляные семечки, которые тут же начинают дымиться и дают столько паров, что ни одна греческая баня не может дать больше; скифы довольны и кричат от радости».

До 1929 г. этому описанию не придавалось особого значения, но именно в тот год такие кабинки (хотя у некоторых было шесть колец) со все еще натянутыми на них войлочными или кожаными занавесями, котлом, содержащим камни и конопляные семечки, были обнаружены в Пазырыке. В каждом погребении был такой комплект; в двойном захоронении их было два: один для мужчины, другой для его жены. Было очевидно, что там курение дыма или его вдыхание не было предназначено для совершения акта очищения, а скорее для расслабления, чтобы привести курильщика в экстаз, похожий на тот, который достигается приемом определенных наркотиков. Видимо, это предположение было верным и для южных регионов России, где этой привычке, возможно, предавались регулярно.

Глава 3. Захоронения

Хотя практически все скифские захоронения, которые до сих пор были раскопаны, подверглись грабежу еще в древности, они тем не менее раскрыли нам совершенно неожиданный мир сложных образов и материальных достижений культуры, на существование которых не было даже намеков ни в одном из дошедших до нас древних текстов.

Скифы, как мы узнаем из их собственного гордого и дерзкого ответа на язвительные замечания Дария, ценили места захоронений своих предков выше всего, поклоняясь им со страстью, которая, возможно, увеличивалась из-за отсутствия у них храмов и святых мест. Для них церемония захоронения была чрезвычайно таинственным и величественным ритуалом, но она также была и исключительно дорогим делом, учитывая не только физические затраты, материальные ресурсы и бытовые предметы, но прежде всего человеческую жизнь. Потери лошадей были особенно велики. Недавние открытия показывают, что от лошадей с дефектами ног иногда избавлялись в Венгрии, и часть тех,

что были похоронены в алтайских могилах, страдала от таких же дефектов. Но много лошадей, найденных в Пазырыке, были в отличном состоянии в момент своей смерти. Что касается юга России, то данные по этому вопросу отсутствуют, но число лошадей, убитых во время похорон важных персон на Кубани, было огромным. Там цифры достигали десятков и сотен голов, а самая большая зарегистрированная цифра относится к захоронению в Ульском, где было похоронено около четырехсот лошадей.

Самые значительные и впечатляющие из скифских захоронений — это царские могилы на юге России, из которых, возможно, самая богатая — Чертомлыкская, и по разнообразию и художественному качеству предметов, найденных в ней, и по их почти сказочной ценности работы по золоту. Как и многие другие могилы, чертомлыкское захоронение привлекло внимание грабителей, но в этом случае обрушившаяся земля входной шахты, которую они выкопали, погребла под собой по крайней мере одного из шайки, а предметы, которые он собрал, остались лежать кучей в углу могилы. Так как этот грабитель вряд ли выкопал этот ход в одиночку, вполне вероятно, что его компаньоны скрылись с некоторой долей добычи. Тем не менее археологи, которые вскрыли эту могилу спустя две тысячи лет, нашли в ней огромные материальные ценности, а еще больше такого, что привлекло к себе неиссякаемый интерес исследователей.

План кургана был достаточно сложен, так как в нем находилась центральная погребальная камера с четырьмя камерами меньшего размера, расходящимися в разные стороны от центральной. В первой камере, в которую попали археологи, находился небольшой скифский котел, великолепный колчан, полный стрел, и пять ножей с костяными ручками и железными лезвиями. В главной камере они обнаружили фрагменты ковра, но они были слишком обветшалые, чтобы можно было по ним определить узор. Крючки, предназначенные для того, чтобы вешать одежду, все еще находились на своих местах на стенах и потолках, но одеяния, которые когда-то висели на них, разрушились, и только чеканные золотые бляшки, служившие им отделкой, лежали кучками на земле. В стенах имелись ниши на уровне пола, в которых находились личные вещи и несколько золотых ваз. В северо-восточной камере стояло шесть амфор, в которых все еще были остатки вина и масла, которые когда-то наполняли их, а также бронзовое зеркало на ручке из слоновой кости.

Умерший лежал на спине лицом на восток, окруженный предметами роскоши. На его шее было прекрасное бронзовое крученое ожерелье, в одно ухо была вставлена золотая серьга, а золотые кольца унизывали все пальцы. Согласно обычаю, нож с ручкой из слоновой кости лежал в пределах досягаемости левой руки; там же находился и отделанный золотом колчан с шестьюдесятью семью бронзовыми наконечниками для стрел и хлыстом для верховой езды с ручкой из слоновой кости. Здесь лежали также фрагменты шкатулки из слоновой кости, серебряные ложки, многочисленные золотые бляшки с его одежд, подвески, золотые трубочки, бусины и пуговицы. В третьей небольшой камере находились два тела, каждое из которых имело в виде украшения золотое крученое ожерелье, золотые браслеты и кольца и пояс, отделанный золотыми бляшками, а также золотые бляшки, которые когда-то прикреплялись на одежду, — все это было рассыпано среди голых костей. Рядом стояли бронзовая чаша, серебряный кувшин, колчан со стрелами и кнут. В четвертой камере находились останки бронзовых похоронных носилок, которые когда-то были украшены замысловатым рисунком, выполненным в синих, голубых, зеленых и желтых тонах. На них лежало тело женщины, на котором все еще были надеты золотые браслеты, кольца и серьги. Двадцать девять чеканных золотых бляшек, двадцать золотых кружков и семь золотых пуговиц лежали, перемешавшись с ее костями. На ее голове были остатки пурпурной вуали с пятьюдесятью семью золотыми бляшками. На расстоянии вытянутой руки от тела женщины лежало бронзовое зеркало в голубой оправе. Поблизости

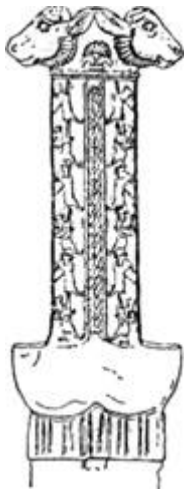
лежало тело мужчины, возможно слуги, с бронзовым браслетом на руке, а нож и наконечники для стрел находились на расстоянии его левой вытянутой руки. Между телами стояло замысловато украшенное серебряное блюдо, и именно здесь был найден знаменитый чертомлыкский сосуд. В могиле также был найден большой бронзовый котел высотой три фута, по краю которого выстроились в ряд шесть великолепно выполненных козлов, которые служили его ручками. Здесь же находился и бронзовый котел меньших размеров, много мелких предметов из золота, большая, украшенная орнаментом золотая пластина, которая когда-то была сорвана с царского колчана, пять великолепных мечей и множество черепков изящной греческой керамики. Снаружи погребальной камеры, но в том же самом кургане, лежали десять лошадей в полной сбруе. Сбруя пяти лошадей была украшена золотом, а снаряжение остальных — серебром.

Рис. 18. Бронзовый котел из Чертомлыка. IV в. до н. э.

Строительство места захоронения важной персоны требовало многих усилий. Сначала в степи нужно было расчистить место, затем выкапывался наклонный ход той или иной длины, а в конце его вниз по целине уходила шахта, которая обычно имела довольно внушительные размеры. Для укрепления ее сторон использовались мощные деревянные подпорки. Затем этот ход нужно было превратить в коридор посредством крыши конической формы, а шахта превращалась в камеру благодаря возведению над ней остроконечной крыши, покоящейся на массивных столбах, напоминающих колонны.

Как только строительство было завершено, начинались декоративные работы. На юге России стены главной погребальной камеры увешивались циновками из лозы или камыша, березовой коры или тростника или ковриками, а в Пазырыке использовался войлок. С другой стороны, на Кубани в Карагоденаш-хе предпочтение отдавалось фрескам, и археологи, открывшие могилу, еще смогли увидеть фигуру пасущегося оленя. Потолки главных погребальных камер обычно украшались так же, как и стены, создавая таким образом впечатление комнаты, или шатра, или, возможно, даже кабинки в крытой повозке, в которой усопший провел много часов в своей жизни. Внутри этой камеры часто возводилось крытое сооружение или палатка, чтобы укрыть тело. В VI в. до н. э. на юге России это внутреннее сооружение зачастую повторяет очертания внешней камеры, но спустя два века временами стала появляться конструкция из обработанного камня, увенчиваемая деревянной крышей. Эту конструкцию Ростовцев приписывает греческому влиянию. Тело помещали на подстилку и укладывали в этой внутренней камере; часто оно

покойлось на похоронных носилках, покрытых тканью или подобием тюфяка. Иногда носилки заменял гроб, который обычно имел либо красочную роспись, либо золотые украшения. По соседству с главной погребальной камерой располагались боковые камеры, построенные для ближайших слуг умершего. Количество таких камер варьируется от одной, как в Краснокутске, до двух, как в Цимбалке, и даже до четырех, как в Чертомлыке и Александрополе. Слуг обычно хоронили в западной камере, при этом конюхи имели некоторые привилегии. Так, в чертомлыкском захоронении только они из всех домашних слуг лежали сравнительно изолированно под крышей из древесных стволов, в то время как пятеро других были положены ногами к своему хозяину, с тем чтобы сразу после пробуждения могли бы мгновенно подняться и предстать перед ним.

Большинство могил царских скифов находятся поблизости от Александрополя и Никополя, но несколько из них были найдены также на окраине греческих поселений в Пантикапее. Самые примечательные погребения из района Александрополя—Никополя — это Толстые Могилы, которые имеют от 30 до 70 футов в высоту и от 400 до 1200 или около того футов в окружности, а их погребальные камеры имеют длину от 9 футов 6 дюймов до 15 футов и ширину 7 футов. Эти камеры часто располагались на глубине до 42 футов от поверхности земли. Курганы в Пантикапее не менее впечатляющи. Среди них есть такие богатые и известные, как Алтын-Оба (Золотой курган), Куль-Оба (Пепельный курган) и Царский курган. Из них всех только Алтын-Оба избежал вторжения грабителей, возможно, потому, что его погребальная камера была построена из огромных тесаных каменных блоков, перекрывающих друг друга так, чтобы сойтись в центре в виде впечатляющего заостренного свода. Этот замысел удивительно напоминает постройки в Микенах, и Минне безусловно прав, полагая, что скифским вождям, похороненным в таких могилах, настолько пришлась по вкусу эллинская культура, что они наняли греческих каменщиков, чтобы те построили им гробницы. Действительно, не было ничего проще, как нанять греческих мастеров для постройки Царского кургана, расположенного очень близко от греческой колонии в Керчи, или кургана Куль-Оба, находившегося всего в четырех милях к западу от нее, или Алтын-Оба, который тоже был поблизости.

Холм, насыпанный над Царским курганом, один из самых больших. Он имеет 55 футов в высоту и 820 футов в окружности. Но хотя Куль-Оба и был несколько меньше и имел более овальную форму, он скрывал в себе значительно большую по размерам погребальную камеру — площадью 15 на 14 футов и высотой 17 футов. Здесь, в главной камере, царь лежал один. Его тело покоилось в гробу, сделанном либо из можжевельника, либо из кипариса и отделанном шпоном из слоновой кости с гравировкой, выполненной превосходным греческим мастером. Гравировка изображала прекрасную сцену суда Париса. На голове у царя была надета войлочная шапка, украшенная полосками чеканного золота. Его руки были обвиты дюймовой ширины золотыми браслетами с великолепными фигурками на концах: в одном случае это были Пелей и Фетида, а в другом — Эос и Мемнон. Вокруг запястий у него были застегнуты браслеты из электрума, заканчивающиеся фигурками сфинксов. Они были прекрасной греческой работы, и то же можно сказать и об амулетах из электрума, которые были прикреплены к его одежде. Рядом с ним лежал огромный скифский меч длиной два с половиной фута, ширина лезвия которого была шириной три с половиной дюйма. Его ножны были украшены золотыми узорами необыкновенной красоты. Поблизости стоял котел с мясом. Рядом с телом были найдены четыре статуэтки. Все они представляют исключительный интерес с той точки зрения, что были вырезаны, а не вычеканены в обычной манере. Одна из них особенно интересна, так как изображает двух братающихся скифов, пьющих из одной чаши. Под головой усопшего были обнаружены многочисленные золотые пластинки, и Минне

отметил, что некоторые из них, вероятно, были сделаны при помощи тех же самых штампов, что и бляшки, найденные в Чертомлыке, Огюзе и курганах Семи Братьев. Эта форма массового производства предполагает, что где-то, должно быть, существовали известные мастерские или, по крайней мере, известные ювелиры, работавшие постоянно в одном месте и использовавшие литейные формы такой невообразимой сложности, что в законченном виде пластинки выглядят так, как будто каждую из них кропотливо делали вручную. Коллекция скифских пластин Эрмитажа насчитывает их свыше десяти тысяч, но хотя изделия меньшего размера часто повторялись в больших количествах, редко можно найти пластинки большего размера (они редко бывают больше одного дюйма в поперечнике) с одинаковым рисунком. Пластинки такого же типа были найдены Грязновым в 1927 г. в Шибе. Они были пришиты к одежде старика монголоидного типа. А в Па-зырыке пока были найдены только серебряные пластинки.

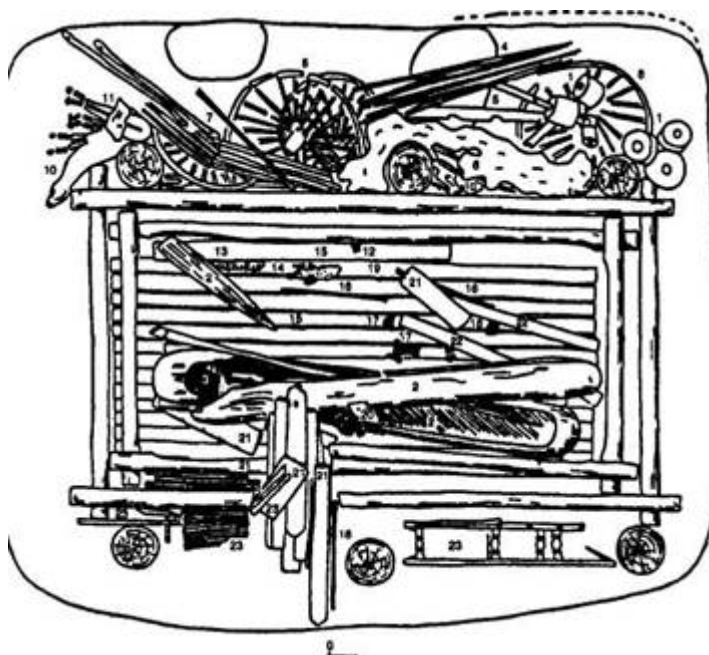
В главном захоронении Куль-Оба узкая, похожая на ящик перегородка отделяла тело царя от его оружия и наконечников для стрел. В другом похожем отсеке стояли деревянные погребальные носилки на изогнутых ножках, на которых лежало тело женщины. Ее служанка была помещена под прямым углом к ней, но в другом отсеке. На голове женщины была диадема из электрума, золотое ожерелье исключительной красоты украшало ее шею, на пальцах были надеты кольца большой ценности, а на руках — браслеты. На талии женщины были два больших медальона, изумительно украшенные головой Афины. Там же находились три медальона меньших размеров, которые, по мнению Миннса, вероятно, изначально принадлежали какому-нибудь греческому храму. Между коленями женщины покоилась ставшая впоследствии знаменитой ваза (см. фото 4). Рядом с ней лежало зеркало. Как и большая часть ее ювелирных украшений, оно было греческой работы, но держалось на ручке, сделанной скифами. Скифской работы был также и длинный нож, и пять более коротких ножей с рукоятками из слоновой кости, которые принадлежали ее слугам. В Куль-Оба также была найдена ныне знаменитая золотая фигурка лежащего оленя-самца, которая, вероятно, служила украшением центра щита (фото 24). Будучи с эстетической точки зрения менее интересной, чем великолепный экземпляр из станицы Костромской, эта вещь тем не менее должна занять свое место в ряду замечательных произведений, созданных руками мастеров по металлу.

Рис. 20. Карта захоронений скифов в Причерноморье

Таким образом, очевидно, что, когда скифы находились в зените своего процветания, то есть с VII по IV или III в. до н. э., скифского царя, царицу и крупных вождей страны хоронили в их самых лучших одеждах и ювелирных украшениях. Зачастую к ним в могилу клали еще одежду для ношения в потустороннем мире. Они также неизменно уносили с собой свои священные золотые и серебряные вазы, ритоны и кубки для питья. Поблизости от усопших клали амфоры, наполненные вином и маслом, огромный бронзовый котел с запасом мяса и необходимое им оружие. Главные слуги, также в своих лучших одеждах и с оружием в пределах досягаемости, но в бронзовых украшениях вместо золотых, лежали в более простых камерах. Однако жене усопшего всегда предоставлялась едва ли менее богатая могила, чем ее супругу, и иногда вместе с ней находился слуга-мужчина, возможно, ее конюх. Все тела были положены на спину лицом на восток.

Во время самых пышных похорон тело вождя обычно доставлялось к могиле на повозке, запряженной по крайней мере двумя лошадьми, чаще — четырьмя, а иногда — даже шестью. Рядовых скифов клали на тюфяки, помещенные на похоронные носилки, которые несла процессия его родственников и челяди. В каждом случае похороны, вероятно, были шумным мероприятием. Во главе процессии шли знаменосцы с шестами, увенчанными бронзовыми или железными изображениями хищных птиц или внушительных зверей (фото 5, 6). За ними шла группа соплеменников, крутящих огромные металлические погремушки и бьющих в колокола на деревянных ручках (рис. 17). Производимые ими звуки они сопровождали пронзительными воплями, чтобы отпугивать злых духов. Затем двигалась похоронная повозка или носилки с телом усопшего, и звяканье колокольчиков на сбруе лошадей вплеталось в общий шум. По обеим сторонам от тела умершего шли люди, несшие балдахин. По его углам располагались фигуры бронзовых животных, которые выглядели как геральдические символы, и также свисали колокольчики (фото 8). Далее шли те, кто должен был умереть у могилы, чтобы иметь возможность сопровождать своего хозяина в мир иной, а завершали процессию остальные члены племени, стеля и испуская вопли по мере своего продвижения позади всех.

Рис. 21. План захоронения в кургане № 5, Пазырык

1. Колеса повозки.
2. Гробы с крышками.
3. Кости умерших.
4. Ось повозки.
5. Лестница.
6. Ковер (описан в главе 4).
- 7—9. Части кибитки.
10. Тела лошадей.
11. Войлочный коврик или настенная драпировка.
12. Глиняный кувшин.
13. Козлиная шкура.
14. Овечья шкура.
15. Ножки от стола.
16. Шесть деревянных кольев для палатки, предназначенной для курения конопли.
17. Костяной барабан.
18. Войлочная подушка.
19. Домашняя утварь.
20. Женский головной убор.
21. Балки для кровли погребальной камеры.
21. Останки частей кибитки.
22. Часть повозки.

Все это напоминает ритуал, которого придерживались в Китае при императорах династии Хань, так что неудивительно, что он был принят также и в Пазырыке. Однако там пока еще не были обнаружены ни геральдические по виду знамена, ни погремушки, ни колокольчики, хотя определенные местные черты, которые будут позже описаны в этой главе, придают этим похоронам уникальность, поднимая вопросы, ответы на которые в значительной степени все еще зависят от результатов будущих раскопок.

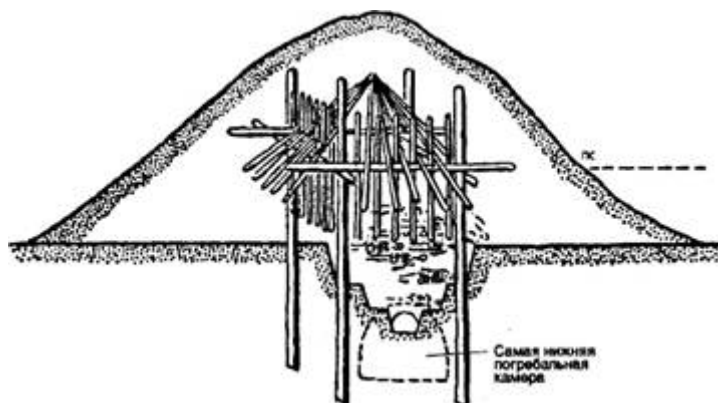

Рис. 22. Вертикальное сечение захоронения в станице Костромской

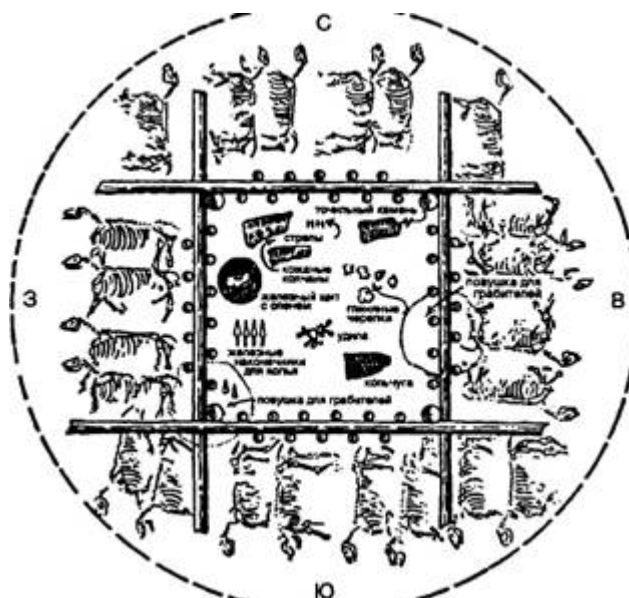

Рис. 23. План захоронения в станице Костромской

На юге России, как только тело умершего помещалось в погребальную камеру под специально построенным для этого шатром, а его вещи были положены рядом с ним, его сопровождающих умерщвляли и размещали в местах, выделенных для каждого. Их либо отравляли, либо удушали. Затем наступал черед лошадей, которые были в полной парадной упряжи. Каждую убивали ударом по голове. Их туши помещали вокруг человеческих могил, что зависело от имеющегося для этого пространства. Когда это было возможно, их располагали в определенном порядке, рядами или парами или даже вокруг захоронений. Однако иногда некоторых приходилось хоронить выше основной могилы, но даже тогда их туши всегда клали внутри одной и той же погребальной шахты. Над ними насыпался слой земли, затем погребальную повозку ломали и ее обломки клали на эту землю. Только тогда шахту заполняли землей, а почву над могилой утрамбовывали. Временами для прочности к земле добавляли камни. На этой земле устраивались поминки.

И только когда пир заканчивался, начиналась последняя часть церемонии — возведение могильного кургана.

Таким было погребение богатого правителя, стоявшего во главе могущественного клана, гордого владельца многочисленных стад скота и лошадей ценных пород, вождя, имевшего нескольких жен, обладателя большого количества ювелирных украшений, по большей части золотых. Менее богатые вожди, однако такие, с которыми все же считались, также получали пышные похороны. Вместо того чтобы быть погребенными каждый в отдельном кургане, они обычно покоились в большем из двух явно связанных друг с другом курганов. В результате чего захоронения такого типа называют «близнецами». У таких курганов довольно крутые склоны, иногда укрепленные камнями, и плоская верхушка. Тело умершего вождя находится в одиночной погребальной камере, рядом находится его воинское снаряжение, пища и вино для его путешествия в мир иной и лучшие из его личных вещей. Среди последних часто находят предметы греческой работы. Такого человека отправляли на тот свет без сопровождающих его слуг, но его лошади следовали за ним: их тела обычно образовывали кольцо вокруг погребальной камеры. Курганы-спутники меньших размеров и круглой формы хранят в себе многочисленные небогатые захоронения. Они, вероятно, принадлежали рядовым членам племени.

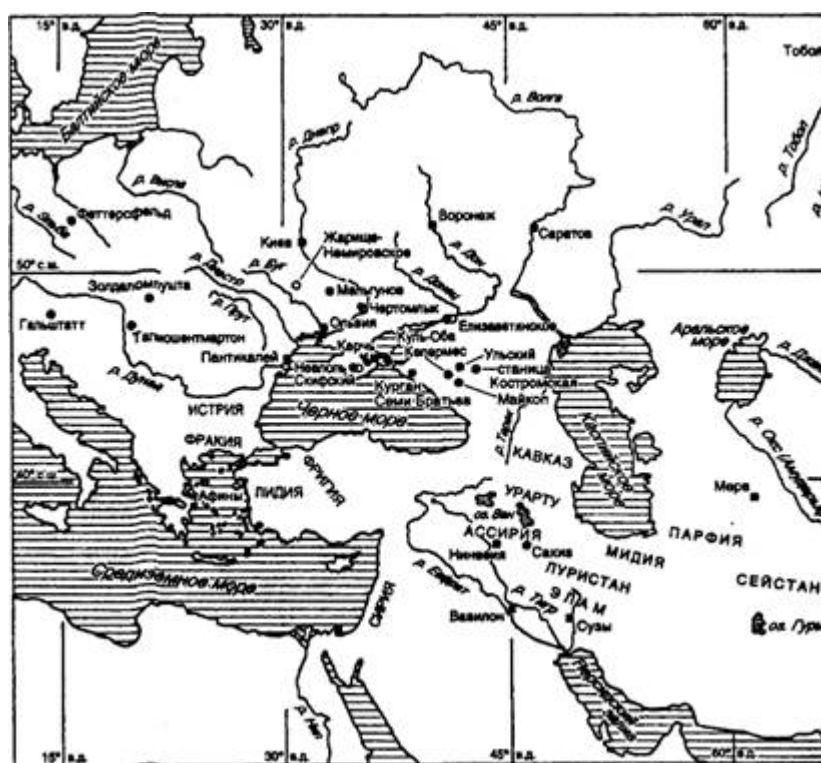

Рис. 24. Карта мест стоянок и захоронений

Прежде чем приступить к рассмотрению более восточных захоронений, возможно, будет удобно взглянуть на некоторые скифские кладбища на северо-западе России, в Пруссии и на Балканах. Все они слегка отличаются от захоронений на Кубани и весьма значительно — от царских могил на юге России. Так, в довольно лесистых районах Киева и Полтавы,

где в основном население состояло из оседлых или, по крайней мере, полуоседлых жителей, скифские курганы имеют меньшие размеры: в среднем всего около 7 футов в высоту. В них было захоронено меньшее количество лошадей, и их содержимое обычно беднее: кость часто заменяет золото или другие металлы. Вероятно, здесь были в ходу украшения из дерева, но очень небольшая их часть сумела противостоять суровому климату. Многие могилы этого региона датируются IV в. до н. э., когда погребальные камеры зачастую окружали деревянными столбами, которые поддерживали плоскую деревянную крышу. Часто в таких камерах были деревянные боковины или стены, а также дубовый настил на полу. Здесь также умершего всегда хоронили вместе с его оружием, колчаном и иногда с кольчугой. Предметы, которые, как считалось, будут необходимы ему в мире ином, также клали в могилу. В большинстве случаев в их число входило зеркало, иногда добавлялось несколько предметов из золота, но число убитых лошадей редко превышало двух.

Захоронения, расположенные еще дальше на запад, встречаются редко. Однако важную находку раскопал фермерский плуг в Феттерсфельде (Пруссия). Набор предметов озадачивает. Среди них был кувшин и полное снаряжение скифского воина, но не было и следов конских костей. Особенно выдающимся был щит, сделанный из светлого золота, в центре которого находилась замечательная фигурка рыбы. Нагрудная пластина, которая была найдена вместе со щитом, является единственной в своем роде, имеющей отношение к скифам. Вместе с ней лежала полоска золота, сорванная с ножен меча, сделанного в скифской манере, и кинжал с характерным для сибирских скифов эфесом в форме сердца. Никаких ювелирных украшений, никакой конской сбруи не было найдено в этом кладе. Его относят к началу V в. до н. э. Несколько похожая, но менее значительная находка была обнаружена в Пломюлене (Шлезвиг). Ни одна из них не помогает объяснить наличие скифских изделий так далеко к северо-западу от их родины, и на археологах будущего лежит ответственность за то, чтобы установить, проникли ли скифы в Пруссию одиночными общинами или значительной группой и перемещались ли они маленькими отрядами окольными путями или же, объединившись в большую группу, следовали по определенному пути через Силезию.

В IV в. до н. э. царские скифы из южных регионов России предприняли попытку переместить свою столицу с нижнего течения Днепра к северо-западу от прежнего места. Вскоре после этого восточный край Балкан стал скифским аванпостом, в результате чего на территории этого региона имеется довольно значительное число скифских захоронений. В частности, в Бессарабии, Валахии и Добрудже сохранились важные следы временного пребывания скифов, а некоторые могилы этих регионов явили миру впечатляющие образцы их художественного мастерства. В Румынии самые богатые находки были сделаны в Буковине, где в окрестностях Кусь-юрул-Маре, Сату-Маре и Бу-рени располагаются самые интересные курганы. Но нигде на Балканах захоронения еще детально и систематически не изучались, поэтому нет возможности сравнить обычаи, действующие на этих аванпостах, с обычаями, которых придерживались в самой Скифии.

К 500 г. до н. э. некоторые скифы проникли также в Венгрию. Вероятно, они следовали по пути, ведущему через Молдавию и Трансильванию, так как оба этих региона изобилуют курганами. Многие из предметов, найденных на венгерской земле, имеют выдающуюся художественную ценность. Например, два великолепных золотых оленя, которые были найдены один в Тапиошентмартоне, а другой в Зол-даломпуште. Число скифских захоронений в Венгрии значительно, находки зачастую были откопаны сельскохозяйственными рабочими. Помимо случайных находок такого рода, свыше восьмидесяти пяти главных захоронений в этой стране были раскопаны археологами до 1939 г. Все они заключали в себе кости лошадей, хотя число убитых животных было

неизменно небольшим, и часто они были не лучшими экземплярами. Поэтому научная информация, представленная благодаря этим раскопкам, оказалась разочаровывающе незначительной.

Если двигаться назад через территорию России, картина вновь становится более полной. К востоку от царских гробниц кубанские курганы дают особенно богатые и интересные примеры ранних скифских захоронений. Курганы Семи Братьев можно избрать в качестве характерного образца превосходных кубанских захоронений, хотя предметы, найденные в Ке-лермесе, возможно, имеют большую ценность. На Кубани греческое влияние менее заметно, чем в царских могилах, и хотя образцы греческого мастерства встречаются почти в каждом захоронении, ни один из них не производит впечатления того, что он был специально сделан для конкретного властителя данной местности или даже для Кубани. Скорее эти предметы являлись популярными объектами греческого экспорта, выбранными кубанскими скифами либо потому, что они достаточно хорошо соответствовали их собственному местному вкусу, либо потому, что других просто не было. Так, на Кубани не встречаются сосуды, подобные сделанным на заказ вазам из Куль-Оба, Чертомлыка или Воронежа, зато местный стиль здесь выражен наиболее заметно.

В чистом виде этот стиль проявляется в конской упряжи и оружии: мечах, кинжалах и ножах, которыми пользовались мужчины. Однако в ювелирных изделиях просматривается склонность к отражению персидского влияния, так же как личные украшения царских скифов носят следы сильного влияния эллинских элементов. Например, у золотого леопарда из Келермеса глазные впадины и ноздри были заполнены стеклянной мастикой, и в них вставлены полудрагоценные камни, в то время как его уши инкрустированы ранним видом эмали клуазоне, что показывает сильное сходство с работой времен династии Ахеменидов VIII—VII вв. до н. э. В другом кубанском захоронении были найдены золотой колчан, великолепный пояс и золотая диадема, увенчанная грифонами, которые имеют явное сходство с некоторыми находками с берегов Окса.

Местные черты заметны на Кубани в конструкции погребальных камер. Так, в станице Костромской четыре огромных столба стояли по углам площадки размером около 10 квадратных футов и 6 дюймов. На них были положены четыре балки, а затем во внутренней части площадки были поставлены еще шесть столбов, а с внешней ее стороны — пять, но в промежутках между этими шестью. Верхушки этих столбов затем были соединены вместе в центре так, чтобы образовалась крыша. В этом кургане были захоронены только двадцать две лошади, но зато в нем был найден железный щит, в центре которого находилась великолепная золотая фигурка припавшего к земле оленя, которая носит название «олень из Костромской».

Многочисленные захоронения, которые были открыты в Сибири, представляют собой определенные, совершенно уникальные образцы. Две группы погребений особенно интересны. Самыми ранними были замороженные захоронения, обнаруженные в Катан-де, рядом с рекой Берел, которые относились к началу железного века. Они также большей частью были разграблены в древности, и в могилах осталось мало золота, хотя некоторые бронзовые предметы были оставлены ворами. Над самым крупным из захоронений Катанды возвышалась пирамида из камней высотой всего 7 футов, но в окружности она имела свыше 100 футов. В захоронении были и лошади, но Радлов не уточнил их количество. Погребальная камера была площадью 14 квадратных футов; она была крыта лиственницей и отделана березовой корой. Могила находилась ниже пласта льда. В ней было найдено много сохранившихся предметов одежды. Среди них был шелковый китель, сшитый как современный фрак, с подкладкой из соболей, обшитый по краю кожей и отделанный чеканными золотыми пластинами, шуба из крашенного в рыжий и зеленый

цвета горноста с отделкой из золотых пуговиц и золотых пластин, горжетка из горноста и шелковый пояс, украшенный вырезанными из дерева фигурками лошадей, сказочных животных, чудовищ, оленей и медведей, расположенных в ряд. Некоторые из них близко напоминают определенные фигурки животных, найденные в Нойн-Ула (Монголия). Человеческие тела покоились на низеньких деревянных столах или подставках, а некоторые другие предметы мебели воскрешают в памяти образчики из Пазырыка.

Радлов раскопал еще одну группу замерзших могил на берегах этой же самой реки, но расположенных несколько ближе к Бухтарне. Здесь под слоем деревянных бревен были найдены тела шестнадцати лошадей, расположенных в четыре ряда, с головами, повернутыми на восток. Все они были в полной сбруе. Их удила были сделаны из железа, а кожаные уздечки были украшены узорами из резного дерева и березовой коры, которые были покрыты тонкими листочками золота. Здесь погребальная камера для человека была расположена на несколько более низком уровне. В ней стоял гроб, сделанный из выдолбленного ствола дерева, который затем был украшен медными птицами, близко напоминающими изображения, найденные в скифских могилах на Волге и на Урале. В гробу лежало тело мужчины, у которого было оружие, схожее с тем, которое клали в могилу к скифу-кочевнику, так чтобы тот легко мог до него дотянуться. В погребальной камере были найдены зеркало и котел скифского типа, но не было ничего, что могло бы помочь отнести ее к какому-то точному периоду.

В 1927 г. Руденко и Грязное сумели осмотреть еще одну группу могил, во многом похожих на эту. Они были расположены в Шибе вблизи реки Урскуль. Самый большой из этих курганов напоминал пазырыкские захоронения. Он имел около 130 футов в диаметре, но опять высота каменной насыпи была всего лишь около 6 футов, а погребальная камера находилась приблизительно на глубине 21 фута. Это была могила старика. Его тело покоилось в деревянном гробу, рядом с которым лежало тело мальчика. В северной части могилы были помещены тела четырнадцати лошадей, но это захоронение было разграблено в древности, и в нем осталось мало ценного. В 1934 г. Киселев раскопал другой курган, принадлежавший к этой группе. Он хранил в себе тела старика монголоидного типа и женщины, обернутой в красный шелковый саван, отделанный золотыми бляшками. На ней была надета золотая диадема, а рядом с ней лежало зеркало и различные другие ценные предметы, которые имели сильное сходство с пазырыкскими находками. В 1950 г. было исследовано еще несколько захоронений, сильно напоминающих пазырыкские. Они находились в Басадаре, расположенном в этой же самой местности. В этом случае тело лежало в деревянном гробу, боковины которого были украшены резьбой, изображающей идущих в ряд слева направо четырех тигров. Они вновь появляются на крышке гроба вместе с двумя оленями, двумя кабанами и тремя горными козлами, переданными в более гибком стиле, чем те, что были найдены в Пазырыке. Шестнадцать лошадей были погребены в этой могиле, которая, несмотря на необычный вид гроба, вероятно, также принадлежала племени, схожему с тем, которое жило в Пазырыке.

И действительно, вся эта серия захоронений так близко напоминает значительно более богатые могилы, раскопанные в Пазырыке, что обе группы, должно быть, принадлежали племенам, которые имели либо тесные родственные связи, либо сходные культуры, хотя народ в Пазырыке был состоятельнее и могущественнее других. Соответственно, кладбище в Пазырыке больше и включает в себе около сорока курганов. Они отличаются как размерами, так и формой. Пока еще исследовано шесть из более крупных курганов, а также некоторые из курганов меньших размеров. Все они расположены на восточном склоне Алтая на уровне летних пастбищ, где земля, замерзающая зимой, оттаивает весной и летом. Почва здесь очень каменистая, и даже самые большие курганы имеют небольшую

высоту, покрытые сверху всего лишь землей, выкопанной из погребальных камер, и валунами. Таким образом, размер кургана определяется скорее его окружностью, нежели его высотой. Самые большие из них имели от 120 до 160 футов в диаметре. Некоторые из меньших курганов отмечены снаружи кольцом из камней вместо каменной насыпи или покрыты камнями таким образом, что они образуют части различных узоров. В Пазырыке нет двух одинаковых курганов, и все же все они связаны с одной и той же группой людей. Они также не относятся строго к одному и тому же периоду. Из раскопанных курганов больших размеров курганы № 1 и 5 относятся к V в. до н. э., курганы № 2, 4 и 6 — к концу V или началу IV в. до н. э., а курган № 3 — к III в. до н. э. Вполне возможно, что некоторые небольшие различия между курганами возникли отчасти благодаря смешанным бракам между людьми из Пазырыка и другими племенами, в результате чего их местные обычаи претерпели определенные незначительные изменения. Однако в основных чертах захоронения принадлежат к одному типу. В каждом случае в курганах находят лошадей, которые занимают одну треть всего пространства погребения и всегда лежат в отдельном отсеке, расположенном в северной части могилы. Из-за недостатка места часто возникала необходимость, чтобы несколько лошадей располагались на более высоком уровне, чем основное погребение, но, насколько это было возможно, их тела были надлежащим образом украшены (экипированы).

В курганах больших размеров погребальные камеры занимали около 45 квадратных ярдов. Они были огорожены двойными стенами: внешняя была сделана из грубых лесоматериалов, в то время как внутренняя была отшлифована изнутри. Пространство между ними иногда оставляли пустым, а в других случаях оно заполнялось хворостом. Неровности пола обычно сглаживались, но временами он был усеян гравием. Потолок обшивался изнутри березовой корой, как на Кубани и в Шибе, а снаружи покрывался слоем веток. Эта замысловатая конструкция показывает, что еще в V в. до н. э. на Алтае кочевники приобрели значительные навыки в строительстве из дерева.

Рис. 25. Силуэты петухов, вырезанные из кожи, из кургана № 1, Пазырык. V в. до н. э. Высота около 6 дюймов

Рис. 26. Силуэты оленей, вырезанные из кожи, из кургана № 2, Пазырык. Размеры 6 на 7 дюймов

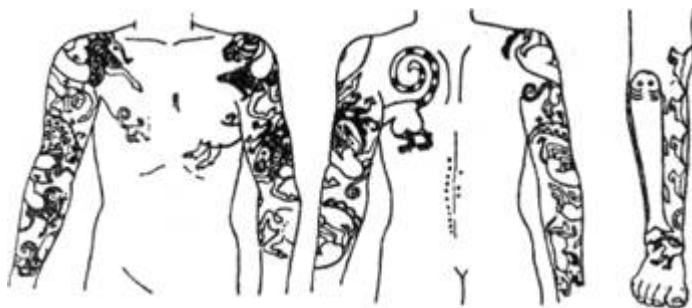
Жизненные удобства, вероятно, также ценились высоко, так как во всех могилах Пазырыка, исследованных до настоящего времени, стены погребальных камер были обшиты изнутри войлоком, который держался на них при помощи либо медных, либо деревянных гвоздей. Гвозди для подвешивания одежды и других предметов вбивались в стены. В кургане № 2 пол был покрыт черным войлоком. В кургане № 1 стенные драпировки были удивительно замысловатые: темно-коричневое поле было отделано по краю каймой из белого войлока, расположенной между двумя полосами бело-красно-желто-синих зубчатых узоров, а в широкой центральной части был очень натурально изображен ряд свирепых коротконосых оскалившихся львиных голов, выполненных из ярко-синего и красного войлока. Камера кургана № 5 тоже была увешана войлоком. Хотя уцелели только отдельные фрагменты, археологам удалось воссоздать его рисунок. Главный сюжет представляет собой большое крылатое создание с человеческой головой на теле льва. Оно было ярко раскрашено и посажено на беловатый фон, который имел кайму из блестяще расцвеченных птиц, окруженных завитками.

В Пазырыке умерших клали в гробы, сделанные из выдолбленных огромных стволов лиственниц, похожие на те, что были найдены в Шибе и Басадаре. В каждом случае нижняя часть гроба была глубже, чем крышка, а в пазырыкских гробах с каждого конца также были проделаны два отверстия либо для веревок, при помощи которых гроб опускали в могилу, либо для несущих гроб людей. В курганах № 1 и 2 края гробов были украшены прекрасными силуэтами, вырезанными из кожи, а затем позолоченными: в одном случае это были сильно стилизованные петухи, стоящие друг против друга, а в другом — ряд бегущих оленей.

Тела, найденные в Пазырыке, были забальзамированы. В действительности практика похорон, осуществляемых два раза в год, которая была принята в племени, сделала это необходимым. Это не было роскошью, которой удостаивались самые выдающиеся вожди. В отличие от обычая скифов класть вождя в отдельную погребальную камеру, а его жену помещать в соседней камере, в Пазырыке обычно мужчина разделял с женщиной один и тот же гроб: он лежал на верхнем его уровне, а она — на нижнем. Обоих клали на спину головой на восток. Тела лежали на ковриках, положенных на большие войлочные одеяла, края которых достаточно перекрывали друг друга, чтобы обертывать тела с целью отгородить их от крышки гроба. И снова, в отличие от Скифии, мертвые в Пазырыке помещались в гробы только частично одетые, то есть верхняя одежда была накинута им на плечи, а верхняя часть (корсаж) платья лежала у женщин на груди. На мужчинах не было штанов, и хотя в могилах было обнаружено большое количество предметов одежды, ни в одном из захоронений не было найдено ни одной пары штанов. Однако головные уборы были надеты им на голову, а на ногах были чулки и обувь. Мертвецы лежали в одинаковых позах: левая рука на груди, а правая на лобке. Украшений на них было найдено немного, вероятно, потому, что воры, проникшие в погребальные камеры, унесли все ценное с собой, но все же среди костей лежало несколько серебряных амулетов и бронзовых одежных бляшек; также иногда попадались одно-два ожерелья, сережка, несколько стеклянных бусин и неизменно — зеркало.

Некоторые из наиболее захватывающих открытий были сделаны в курганах № 2 и 5, в которых были обнаружены тела двух вождей, покрытых чрезвычайно замысловатой татуировкой. Одно тело сильно разрушилось с течением времени, но у другого — это был мужчина в возрасте около шестидесяти лет, безбородый, монголоидного типа, тот самый, у

которого была найдена накладная борода, — сохранились большие участки татуированного рисунка на руках, груди и спине. Этот человек погиб в бою. Рисунки, вытатуированные на его теле, представляли собой фигурки зверей. Они были скифскими по стилю и основной идее и такими живыми по замыслу и исполнению, что должны стоять в одном ряду с самыми лучшими рисунками скифской школы. Их качество говорит само за себя, но что они означают — остается неясным. Ни в одной из скифских могил не было найдено ничего, что наводило бы на мысль о том, что среди кочевников европейской степи татуировка была распространена. Гиппократ ссылается на их обычай прижигать свои раны с медицинскими целями, но вряд ли он перепутал татуировку и прижигание. Саму идею нанесения себе татуировок жители Алтая переняли, возможно, у эскимосов, имевших такой обычай, которые, вероятно, вступали в контакт с жителями Южной Сибири раньше, чем принято считать. Или же они могли научиться татуировке у народа Пенджаба, который, по словам Фрейзера, давно верил, что после смерти «мужчина или женщина, находящиеся внутри своей смертной оболочки, отправятся на небеса; при этом они останутся расписанными теми же самыми вытатуированными рисунками, какие украшали их тела при жизни». Так как Пржилуски отслеживает культ «золотого оленя» среди сальвов времен скифов, почему бы не считать, что связь между двумя народами была двусторонняя? Однако Руденко, базируя свою точку зрения на утверждениях Геродота, Гиппократа, Ксенофонта и Помпония Мела, которые отмечали, что татуировки у некоторых азиатских народов служили указателем ранга, полагает, что с этой целью они и использовались в Пазырыке. И все же у киргизов до самого недавнего времени татуировка была предназначена только для храбрецов. В пазы-рыкских захоронениях не было найдено ничего, что помогло бы решить эту проблему, и ничего, что связало бы накладную бороду с татуировками; умерший мужчина остается загадочной фигурой.

Рис. 27. Татуировки, сохранившиеся на теле вождя, похороненного в Пазырыкском

кургане № 2. V в. до н. э.

Рис. 28. Татуировки на ноге вождя

У его жены были мягкие волосы, как у жительниц Европы, но на ней был надет деревянный головной убор с привязанными к нему косами, такой же странный, как и борода ее мужа вместе с его татуировками-украшениями. Хотя воры разграбили человеческие могилы в Пазырыке, они не проникли в погребальные камеры лошадей, и в них все было оставлено нетронутым. Как в человеческих погребениях, так и в этих стены были увешаны войлоком, который был так же замысловато украшен, как и драпировки в человеческих отсеках. Многие лошади находились в отличном состоянии в момент своей смерти. Лучших из них кормили зерном, которое, вероятно, выращивалось специально на равнине в течение весенних месяцев и затем доставлялось наверх к летней стоянке. Его

использование в качестве корма для животных показывает, что это племя развило свою собственную смешанную экономику, оставляя свои пастушеские занятия в весенние месяцы ради земледельческих целей. Все верховые лошади были гнедыми меринами, многие были чистокровными, хотя несколько диких монгольских лошадок были включены в число захороненных. Состояние копыт самых лучших лошадей наводит на мысль о том, что в течение некоторого времени перед смертью их содержали в конюшнях.

И в Скифии, и в Пазырыке лошадей хоронили в полной упряжи и все их снаряжение, включая кнуты, клали в могилу. Изобилие упряжи совершенно поразительно. Вся она щедро украшена, большая ее часть — золотыми или бронзовыми бляшками, остальная — резьбой по дереву или березовой корой, войлоком или мехом и либо золотой, либо свинцовой фольгой. Большая часть снаряжения, найденного в Пазырыке, дошла до нас в отличном состоянии, дав возможность установить, как именно кочевники запрягали и украшали своих верховых лошадей. Это будет описано в следующей главе, но здесь стоит привлечь внимание к любопытной и действительно уникальной конской сбруе, которая настолько озадачивает, что хотя не менее восьми экземпляров ее было найдено в Пазырыке, ее происхождение и точное назначение до сих пор невозможно полностью объяснить.

Речь идет о восьми лошадиных масках или скорее головных уборах, принадлежащих восьми великолепным ферганским скакунам. Две маски, найденные в кургане № 1, полностью скрывали лошадиные головы и были им впору, как настоящие маски. Их основой послужила рельефная кожа, которая затем была покрыта цветной кожей, значительно более тонкой по фактуре. Маски были украшены: в одном случае — сценой нападения барса на оленя, в другом — сценой нападения рогатого и крылатого дракона на животное, похожее на грифона, которое в свою очередь собиралось наброситься на тигра. Эти сцены были выполнены из ярко-синего и зеленого меха. Точно так же из разноцветного меха был сделан и ряд петухов, изображенных в профиль. Вдобавок обе маски были щедро украшены позолотой, посеребренными и разноцветными кожаными кружками и полумесяцами и — что самое непонятное — обе были увенчаны парой частично позолоченных оленьих рогов.

Наличие оленьих рогов, казалось, наводит на мысль, что маски были предназначены для маскировки лошадей под оленей. Поэтому стали считать, что захоронения относятся к тому периоду, когда оленя хоть и не использовали больше в качестве транспортного средства, но он все еще продолжал ассоциироваться с погребальной церемонией, в которой вполне мог когда-то занимать то место, которое в Пазырыке отводилось лошадям. На основании этого стало казаться, что народ в Пазырыке находился в стадии переходного периода, двигаясь от «оленьей» ступени культуры к следующему этапу, в котором главная роль отводилась коню, в результате чего эти захоронения были предварительно отнесены к очень раннему периоду.

Раскопки следующего сезона привели к открытию, на этот раз в кургане № 2, других экземпляров несколько похожих головных уборов. Хотя большинство из них были в плохом состоянии, оказалось возможным воссоздать один комплект этого наряда, и затем стало очевидным, что этот образчик так сильно отличается от первых двух масок, что он свел на нет (сделал несостоятельными) те выводы, которые на них основывались. Начнем с того, что новый головной убор не был маской в действительном смысле этого слова, так как он лишь частично закрывал голову животного, спускаясь мысиком на глаза и оставляя всю морду открытой. Таким образом, это был больше головной убор, нежели маска. Он был сделан из белого войлока в форме капюшона с открытыми (вырезанными) спереди наушниками и с мысиком, нависающим над глазами, украшенным по краю рядом золотых

фигурок животных. Выпуклость между ушами в центре капюшона служила опорой для кожаной головы рогатого горного козла. Сзади на шее этого создания примостилась птица, сделанная из белого войлока, покрытого кожей, с наполовину поднятыми позолоченными крыльями и великолепно изогнутым хвостом. Хотя эта необыкновенная геральдическая агрессивная композиция не поддается объяснению, она послужила крушению теории о том, что народ Пазырыка все еще придерживался культа оленя в тот период, когда были сделаны эти захоронения.

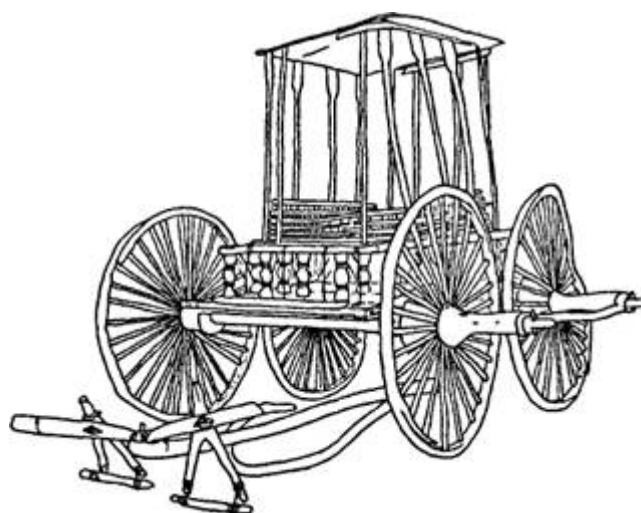
Обращая внимание на плюмажи, которыми украшены скульптуры коней из Ниневии, Руденко тем не менее не склонен приписывать головные уборы из Пазырыка ассирийскому влиянию. Он скорее полагает, что в обоих случаях идея украшать каким-либо образом головы коней возникла из некоего общего источника, вероятно западно-азиатского происхождения, и датируется первой четвертью 1-го тысячелетия. Ассирийцы развивали эту идею в течение VII в. по направлениям, которые проиллюстрировали скульптуры в Ниневии. Несколько позже жители Алтая преобразовали плюмажи в маски того типа, которые были обнаружены в Пазырыке. Другим похожим примером являются головные конские доспехи, обнаруженные в Киркудбрайтшире в 1829 г. Руденко убежден, что пазырыкские образчики не были предназначены исключительно для похорон, так как на одной из поврежденных масок имелись признаки того, что ее очень много носили, так что, вероятно, она использовалась во многих церемониях, прежде чем сыграть свою последнюю роль в похоронах в Пазырыке. Пазырыкские головные уборы носили вместе с ярко украшенными кожаными щитками, закрывающими гриву и хвост коня. Узоры на них носили стилизованный характер и были либо вырезаны из кожи, либо инкрустированы ею. Несколько схожие щитки для гривы можно иногда увидеть на ассирийских скульптурах.

В связи с этими головными уборами Киселев призывает обратить внимание на четыре статуэтки коней, которые Радлов обнаружил в Катанде, и пятую, очень на них похожую, найденную поблизости. Все пять изображают склонившееся существо с головой грифа и телом коня. На каждой имеются четыре отверстия, вырезанные сверху в голове, и Киселев убежден, что в каждом случае два отверстия должны были играть роль углублений для ушей, а уши делались из какого-то другого материала, отличного от того, из которого было сделано туловище. А два других были предназначены для того, чтобы держать рога. Если так оно и было, а кажется очень вероятным, что предположение Киселева верно, то объяснение одной группы находок должно также быть справедливым и в отношении другой.

Повозки, которые использовались на похоронах, были сломаны и захоронены в курганах Пазырыка точно так же, как это делали в Скифии. В Пазырыке большинство таких повозок были примитивными. Повозки двигались на жестких колесах, выточенных из стволов деревьев, и подвергались такой нагрузке, что колеса были сильно стесаны. Руденко полагает, что эти повозки использовались для перевозки камней, необходимых для засыпки курганов, а не для того, чтобы отправить тело в последний путь к могиле, как в Скифии. Повозка в кургане № 5 была другого типа. Это было элегантное замысловатое средство передвижения, установленное на четырех колесах со спицами, каждое из которых имело почти шесть футов в диаметре, но на которых отсутствовал железный обод или шина, обычно имеющиеся на колесах скифского происхождения. Повозка была изготовлена из березовых стволов, причем некоторые из них были обработаны, а вся она могла быть разобрана и нагружена на вьючных животных, чтобы переправить ее через труднодоступную местность. Для возницы имелось приподнятое, похожее на платформу

сиденье, а вся надстройка была покрыта черным войлоком, великолепно украшенным лебедями, вырезанными в китайской манере из разноцветного войлока. Формы деталей из дерева очень напоминают изогнутые ножки столов, обнаруженные в могилах Пазырыка. И то и другое несомненно было местного изготовления, и все же повозка имеет гораздо более сложную конструкцию, чем любые из тех, что были до этого найдены на просторах евразийской степи.

Рис. 30. Повозка, которую можно разобрать, из скифского кургана № 5, Пазырык. V—IV вв. до н. э. Ширина 10 футов, высота 9 футов, колеса около 6 футов 6 дюймов в диаметре

Поэтому есть искушение связать эту необычную повозку — пока что уникальный в своем роде экземпляр — со страной, которая вдохнула идею или, что более вероятно, действительно явилась тем местом, где был произведен для нее войлочный полог, то есть с Китаем. Историческое оправдание для такого предположения можно найти в китайских летописях, в которых было отмечено, что тогдашние императоры Китая пытались обеспечить мир на своих западных границах путем выдачи замуж своих нежеланных невест за наиболее воинственных вождей соседних кочевых племен. Каждой неудачливой невесте императоры дарили в качестве прощального свадебного подарка повозку, для транспортировки которой требовалось четыре лошади, и отправляли невесту в дикие края, чтобы та сделала все возможное для Китая и для своего неотесанного мужа.

Однако женщина, лежавшая рядом с вождем, имела мягкие волосы и вытянутый череп, характерный для индоевропейцев. Поэтому разумнее посчитать эту повозку подражанием и не думать о женщине как об утонченной изгнаннице из роскошного, изысканного китайского императорского двора, выжившей и, может быть, даже втайне нашедшей свои радости в суровых, необычных условиях кочевой жизни, или как еще об одной принцессе Сичунь. Приблизительно в ПО г. до н. э. это несчастное создание стало женой вождя Гун-Мо, правителя Ву-сунь в Центральной Азии. Он был старый и немощный, и они изредка встречались за кубком вина. Она оплакивала свое одиночество в строках этого маленького печального стихотворения:

Мой народ отдал меня замуж

В далекий уголок земли:
Отправил меня в чужую страну
К правителю Ву-сунь.
Шатер теперь мой дом,
Из войлока его стены;
Сырое мясо — моя пища,
Кобылье молоко — питье.
Все время с мыслями о своей стране,
Мое сердце скорбит.
Как бы я хотела стать желтым аистом
И улететь к родному дому.

Глава 4. Имущество скифов

Инструменты

Предметы, обнаруженные в скифских могилах на юге России и в Пазырыке, составляют достаточно полный список вещей, которыми пользовались в повседневной жизни кочевники Евразии в период между началом VII в. и приблизительно II в. до н. э. Что касается инструментов, то мы знаем из раскопок в Пазырыке и на юге СССР, например из раскопок в местечке Смела в районе Киева, что скифы пользовались узкими деревянными лопатами, которые редко имели ширину более четырех дюймов и были насажены на округлые рукоятки различной длины: от 46 дюймов до 4 футов. В Пазырыке также были найдены деревянные кирки, более сотни деревянных кувалд и молотков. Последние были по большей части сделаны из платана и были тяжелыми и массивными. Их длина была около 16 дюймов, а ручки имели длину 10 дюймов. В обиходе были костяные мотыги, сделанные из рога или бивня; их насаживали на деревянные рукоятки. Лестницы представляли собой жерди с вырезанными в них выемками глубиной около 2 дюймов. Гвозди делались как из дерева, так и из литой меди, и широко использовались деревянные колышки. Кузнечные инструменты включали в себя широкое разнообразие форм для литья всего, чего угодно: от наконечников для стрел, частей конской сбруи и серпов до личных украшений, амулетов и домашней утвари. Были найдены огромные котлы размером до 3 футов в высоту и весом до 75 фунтов, не имевшие ни единого изъяна в литье. Плуги, вероятно, повторяли очертания китайских образцов, раскопанных далеко на западе Сибири, в Минусинске, которые датируются V в. до н. э. На них встречаются метки в виде рыбы или креста. На берегах Енисея также были найдены ножи для обработки меха и кожи. Похожие орудия были, вероятно, в ходу приблизительно в это же самое время в Пазырыке.

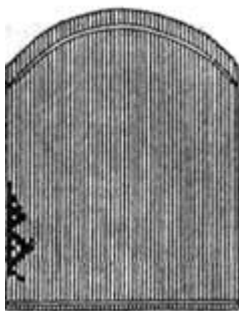
Топоры

Хотя Геродот и подчеркивал важную роль топоров в экипировке скифов и хотя изящно сделанные из драгоценных материалов топоры служили вождям символами их власти, их количество, реально обнаруженное в захоронениях, значительно меньше, чем можно было бы ожидать. Простейшие рабочие топоры имели только одну проушину, но экземпляры с двумя проушинами, похоже, в равной степени были распространены в Евразии. Возможно, наиболее типичными были топоры с бронзовой режущей головкой, противоположный конец которой заканчивался головой животного. Но у других были железные режущие головки, имеющие три выступа в виде зубцов значительных размеров на противоположной стороне. Один из самых лучших символических топоров дошел до нас из Келермеса. Обычно кочевники носили точильные камни подвешенными на поясе. Многие из них вставлены в золотую оправу, украшенную цветочными или геометрическими орнаментами.

Ножи, которыми они пользовались, имели различную длину и форму и были сделаны из разных материалов. Металлические ножи с прямыми рукоятками в деревянных ножнах не менее типичны и не менее многочисленны, чем лезвия в форме полумесяца, сделанные либо из бронзы, либо из железа на рукоятке из дерева или кости. Булавы встречаются сравнительно редко, и хотя было найдено несколько токарных приспособлений для обработки березы и платана, их число остается небольшим. С другой стороны, каменные напильники встречаются в большом количестве.-

Оружие

Когда трехгранные наконечники для стрел делали из железа, их обычно отливали в формах. На Алтае древки, на которые они крепились, украшали сильно стилизованными изображениями змеи или перьев, выполненными черной или красной краской. На луки натягивали сухожилия и носили их в колчанах (горитах) вместе со стрелами (фото 7). У колчана была обычно деревянная основа, покрытая драгоценным металлом или кожей, украшенной тисненными узорами величайшей тонкости и сложности — от зооморфических рисунков до геометрических орнаментов. Охотники использовали лассо, сделанное из сухожилий, в то время как воины обычно носили меч. Мечи часто повторяли по форме персидские клинки, а их рукоятки были украшены замысловатыми персидскими узорами, хотя иногда они заканчивались фигуркой или головой животного, выполненной в скифской манере. В зависимости от периода клинки были либо бронзовые, либо железные, но ножны были отделаны тонкими полосками золота с искусной чеканкой, зачастую инкрустированными слоновой костью, стразами или драгоценными камнями (фото 13). Ножны были снабжены крючком, для того чтобы прикреплять цепочку или ремешок, который держал их на поясе владельца. Кинжалы, или акинаки, имели эфесы в форме сердца и также несли на себе печать персидского влияния. Копьями пользовались иногда, но многие воины носили рубашки, сделанные из металлических чешуек и украшенные на груди орнаментом. На более ранних образцах чешуйки были из бронзы, позднее — из железа. В обоих случаях металлическая рубашка имела подкладку из красного войлока. Шлем делали по такому же принципу, что и рубашку, и он также имел войлочную подкладку, но по прошествии веков вожди, которые явно проявляли склонность ко всему греческому, стали отдавать предпочтение греческим шлемам и нагрудникам вместо своих чешуйчатых доспехов, а некоторые даже добавляли к своей экипировке и греческие

ножные латы.

Когда скифы ехали сражаться, они обычно носили круглые щиты. Они редко превышали 15 дюймов в диаметре и были достаточно малы, чтобы не мешать всаднику. В центре они имели украшение прекрасной работы, обычно в виде животного, которое было сделано из золота и иногда отделано инкрустацией и драгоценными камнями (фото 9, 23—25).

Найденные в Пазырыке щиты были совершенно другими, и все же они близко напоминали те, которые были в руках скифских воинов, изображенных на великолепном золотом гребне, найденном в Солохском захоронении в центре России. Так, вместо круглого диска воины в Пазырыке носили щит, сделанный из деревянной рамы, обтянутой кожей, прямоугольный в основании и закругленный сверху. Как еще одно отличие, пазырыкские щиты были абсолютно просты и, таким образом, находятся в числе тех очень немногих предметов, которые кочевники не пытались украшать. Кроме их луков асимметричной формы, стрел и кинжалов, ни какого другого оружия не было найдено в Пазырыке, так что до сих пор неизвестно, до какой степени воинское снаряжение алтайцев было похоже на экипировку скифов.

Ременная упряжь

И в Скифии, и в Пазырыке национальное искусство кочевников в самом чистом виде предстает перед нами в украшениях конской сбруи, для которой типичны поразительная гармония и притягательная живость.

Рис. 32. Уздечка из кургана № 5, Пазырык. 5—4 вв. до н. э.

Рис. 33. Уздечка из кургана № 5, Пазырык. V—IV вв. до н. э.

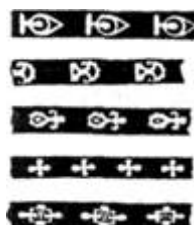

Рис. 34. Седельные ремни с ажурными узорами из кургана № 1, Пазырык. V в. до н. э.

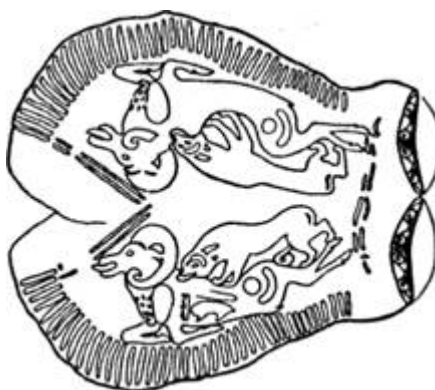

Рис. 35. Седло из кургана № 1, Пазырык. V в. до н. э.

Непревзойденное мастерство в сочетании с качеством узоров привели к появлению поистине великолепных предметов, о чем говорят находки, сделанные в Пазырыке. Каждая деталь конской упряжи выразительна и обнаруживает в полной мере всю ту степень любви к коню, которая руководила кочевниками при изготовлении конской сбруи. Хотя сцены, подобные изображенным на вазе из Чертом-лыка и на других скифских изделиях из

металла, и проливают в значительной мере свет на то, каким образом скифы запрягали и украшали своих лошадей, а археологические материалы с юга России подтвердили выводы, сделанные учеными ранее, многие технические детали оставались неясными. Только тогда, когда раскопки в Пазырыке явили на свет божий несколько полных комплектов конской сбруи, были решены мелкие вопросы и стал известен способ, каким алтайцы экипировали своих верховых лошадей. Сравнение между удилами, ремешками для носа и щек из Пазырыка и такими же предметами, найденными в европейской части степи, показывает, что они были существенно схожими на территории всего этого региона, и поэтому кажется более чем вероятным то, что недолговечные части сбруи — хотя они и не сохранились на западе — были очень похожи на те, которые сохранились в Пазырыке.

И на востоке, и на западе равнины удила состояли из двух деталей, близко напоминающих современный трензель. В Пазырыке уздечки состояли из ремешков для носа, щек, лба и ушей, и все это скреплялось пряжкой, помещавшейся с левой стороны головы животного. Такая, похожая на недоуздок, уздечка применялась в Ассирии еще в первой половине 1-го тысячелетия и была, вероятно, почти такой же, какую изобрели самые первые наездники на земле. В Пазырыке на лбу лошади помещалась металлическая пластина, которую придерживал кожаный ремешок. Эта пластина, ремешки на носу, на щеках, все места пересечения ремешков и даже сами ремешки — все они были щедро украшены геометрическими узорами и изображениями животных, которые были либо пробиты в ремешках, либо являлись аппликациями из разнообразных материалов. Все ремни были сделаны из отличной кожи, тщательно выделанной, богато украшенной зачастую золотыми пластинками или насечками, покрытыми золотой или свинцовой фольгой. Пряжки делали из кости, удила — по большей части из бронзы или меди с небольшой примесью свинца или опять-таки из кованого железа. Они также часто заканчивались изображениями животных или цветов. Металлические стремяна еще не были изобретены в это время, но кожаные петли видны на вазе из Чертомлыка.

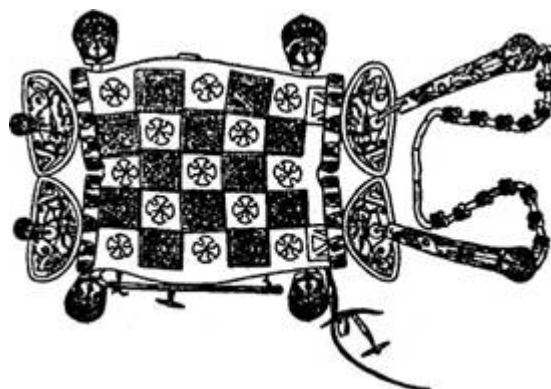

Рис. 36. Седло из кургана № 5, Пазырык. V в. до н. э. 136

Блестящий эффект, создаваемый узорчатой уздечкой, подкреплялся и усиливался благодаря красочным седлам и чепракам. Седла, которые представлены на скифских изделиях из металла, похоже, довольно близко повторяют очертания реальных седел, найденных в Пазырыке. Последние делались из двух войлочных подушек, имеющих различные размеры — от 20 до 24 дюймов в длину. Некоторые из более поздних моделей прикреплялись спереди и сзади к деревянным рамкам, и все седла имели войлочные потники. Сзади и спереди каждой подушки пришивались два ремня, и они вместе с

центральной подпругой, шлейкой и хвостовым ремешком служили для того, чтобы удерживать седло на месте. Подушки были набиты оленьей шерстью, и зачастую их покрывала кожа, украшенная шовными узорами, а деревянные рамки обертывались красной или желтой шерстяной тканью. Подушки покрывались настоящим лабиринтом из узоров, выполненных либо из войлока, либо из кожи, которые представляли собой или аппликацию, или инкрустацию в виде мозаики, или тиснение. На самом деле временами работа по коже сильно приближалась к скульптуре — так глубоко было рельефное изображение, которое становилось еще более выпуклым благодаря добавочным аппликациям из кожи.

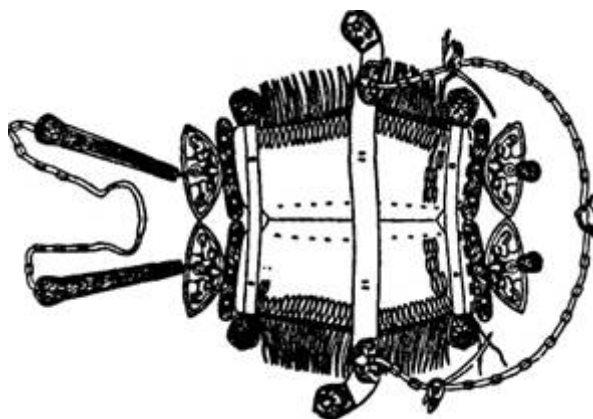

Рис. 37. Седло из кургана № 5, Пазырык. V в. до н. э.

Хотя седла из Пазырыка являются самыми древними из всех существующих, в них нет ничего грубого или незаконченного. И замысловатые украшения, многие из которых выполнены из золота, не делают их негодными для повседневного использования. Руденко решительно не согласен с гипотезой, что они, возможно, были задуманы как выставочные образцы исключительно для похорон, подобно тому как существовали ненастоящие шлемы в средневековой Англии на похоронах рыцарей.

Все седла из Пазырыка были предназначены для того, чтобы выдерживать напряженное и регулярное использование. И в самом деле, на некоторых из них явственно видны прорехи и следы значительного износа. Может быть, сейчас немного трудно представить, что кочевники никогда не считали золото непрочным металлом и украшали им большое количество предметов, которыми постоянно пользовались. Они часто выбирали золото для покрытия таких прочных материалов, как медь, бронза, железо и дерево, и им никогда не приходило в голову, что наличие золота может сделать седло непригодным для интенсивного использования.

Поразительно изобретательные рисунки, которые появляются на седлах, редко имеют какое-либо отношение к изысканным узорам, украшающим уздечки, и все же они связаны друг с другом одинаковым изобилием украшений. Шлейки, которые, казалось бы, могут иметь чисто декоративную цель, являются, возможно, самыми эффектными частями конской сбруи. Мотивы, которые появляются на них, развиваются из центрального изображения, которое часто состоит из какой-либо птицы и грифона, сцепившихся в схватке. Птица изображается с распростертыми крыльями, а ее перья вполне достоверно передает толстая тисненная кожа. Так же часто на изображениях появляется грифон с

клювом орла, а еще олени, козлы, пантеры и львы, которые либо отдыхают, либо сплелись в схватке; встречаются также и другие искаженные, изгибающиеся, трепещущие формы животных. Седельные ремни и ремешки уздечки часто украшались либо ажурными узорами, принимающими геометрические формы, либо силуэтами горных козлов, кошек, пантер, лебедей и в одном случае даже человеческих лиц с бородами, которые по виду напоминали накладную бороду, положенную в могилу монголоидного вождя, похороненного в Пазырыке. Олени были, наверное, самым излюбленным мотивом, но спирали, пальметты, кружки и другие цветочные формы были самыми популярными среди других узоров, не имеющих предметно-изобразительного характера. Седла часто заканчивались декоративным соединением с лукой седла, которую делали из металла, кости, дерева или кожи. Вдобавок они имели окантовку из войлочной аппликации, впечатление от которой усиливала узорчатая строчка, но иногда вместо этого использовалась полоска из шерстяных кисточек, вставленных в деревянные зажимы, а изредка их заменяли кусочки позолоченного дерева или кости, вырезанные так, чтобы они были похожи на кисточки. Ремешки для хвоста имели удивительно сильно выраженные рельефные узоры, которые по большей части состояли из изображений волков и зайцев. Седельные подушки, будучи достаточно украшенными сами по себе, часто покрывались чехлами, сделанными либо из черного, белого, синего, либо красного войлока, окантованного кожей, и держались на месте при помощи узких кожаных ремешков.

Рис. 38. Текстильная ткань персидской работы V в. до н. э., найденная в кургане № 5, Пазырык. Каждая фигурка льва имеет длину 1,5 дюйма

Наконец, жители Пазырыка добавляли к конскому убранству чепрак (фото 14). Чепраки были довольно большими, имевшими длину от 24 дюймов до 6 футов. Их обычно делали из войлока и окантовывали шерстяными кисточками, вставленными в деревянные зажимы. Та часть чепрака, которая была скрыта под седлом, оставалась неукрашенной, но остальная часть была густо заполнена аппликациями. Чепрак держался на месте при помощи седельной подпруги, которая проходила через специально сделанные для нее прорезы. Один чепрак представляет собой особый интерес. Он был сделан из высококачественного темно-вишневого войлока с полосками из тканого материала, прикрепленного к нему. Руденко полагает, что этот войлок был сюда привезен, и приписывает тканые полоски работе персидских мастеров. На одной полоске изображен геометрический узор, образованный крошечными столбиками, помещенными в клеточки; на другой — две пары женщин, стоящих по обе стороны от алтаря, а вся эта сцена окружена зубчатым бордюром; на третьей мы видим череду оскалившихся львов (рис. 38). Другой чепрак был сделан из изысканного китайского шелка типа шаньтунь с разноцветной вышивкой в виде цветов и птичьих фигурок. Он был окантован голубым войлоком, который, в свою очередь, был окаймлен полоской красного войлока, украшенного треугольниками кожаной аппликации, а они были покрыты поочередно свинцовой и золотой фольгой. Остальные чепраки были изготовлены из местных

материалов и украшены яркими и убедительными рисунками всецело в скифском стиле.

Рис. 39. Кнутовище из кургана № 4, Пазырык. V—IV в. до н. э. Длина около 9 футов

Складывается впечатление, что кнуты использовались повсеместно. В Пазырыке многие из них были сделаны из кожи с резными ручками в форме либо лошадиной головы, либо тела животного. В Скифии кнуты обычно были лишены резных украшений, но вместо этого они имели золотые спирали или инкрустации из драгоценных материалов или золота.

И в Скифии, и в Пазырыке повозки были снабжены центральной осью длиной около 10 футов со специальными приспособлениями в форме лука или крестовинами размером около 6 футов, прикрепленными к ней под прямым углом. Лошадей впрягали к этим крестовинам попарно при помощи ремней. Четыре — таково обычно было количество коней, используемых для транспортировки повозок, но на юге России на похоронах важных персон часто фигурировали шесть коней, а временами это число возрастало до восьми. Возница управлял ими с деревянного возвышения, имеющегося впереди повозки.

В Скифии — но не в Пазырыке — штандарты из металла составляли часть принадлежностей кочевников (фото 5, 6). Все из тех, что были обнаружены, имеют у основания деревянные гнезда для того, чтобы их можно было вставлять в деревянные шесты. Обычно их находили сразу группами по четыре штуки, и Минне предположил, что их прикрепляли к повозке владельца, но Смирнов решил, что они крепились к крытым кибиткам, в которых ехали женщины и дети. На большинстве из них изображены реальные или фантастические животные геральдического вида, но иногда вместо них появляются птицы, держащие в клювах колокольчики.

Домашняя утварь

Бронзовые котлы, в которых варили мясо, так же типичны для скифов, как и их особая конская упряжь. Их находят в каждом скифском захоронении любых размеров, и они сохранили свою оригинальную форму на всех просторах степи в течение всей эпохи скифов. Большинство котлов — но не скифские — обычно имеют треножник, который служит для поддержания котла над огнем. У них также имеется посередине ручка в виде обода, за которую котел можно переносить и подвешивать над огнем. А скифские котлы покоятся на прочном основании, по виду напоминающем усеченный конус, и сами имеют полукруглую форму. Вместо ручки-обода, болтающегося с одной стороны на другую, их края снабжены двумя выступающими ручками, которые часто принимают форму животных. Чертомлыкский котел необычен тем, что имеет целых шесть таких ручек. Котлы по большей части отливались из бронзы, и их размеры варьируют от совсем маленьких экземпляров до таких, которые имеют более 3 футов в высоту и вес 75 фунтов. В отличие от почти любого другого предмета из скифского обихода эти котлы редко имеют украшения, но если уж их очаровательные контуры нарушает какой-либо узор, то

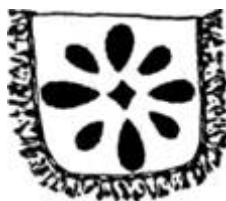
это обычно полоска стилизованных древков для стрел или какая-либо другая в равной степени сдержанная геометрическая композиция. Наиболее сблизившиеся с греческой культурой скифы благосклонно относились к украшениям, но даже тогда их количество оставалось умеренным и не носило предметно-изобразительного характера. Простота внешнего вида котлов почти наверняка была продиктована практическими соображениями, так как дым от костров, разложенных вокруг основания ксилд, затмил бы его декор и затруднил бы его чистку.

Рис. 41. Столик из кургана № 3, Пазырык. IV—III вв. до н. э. Высота около 1 фута 4 дюймов

Ростовцев отождествляет ряд ваз с изображениями сцен, связанных с Великой Богиней, со священными сосудами. Такие вазы находят почти во всех скифских захоронениях независимо от их местонахождения.

Эти сцены чаще всего появляются на ритонах и маленьких круглых сосудах, которые, как полагает Ростовцев, были предназначены исключительно для использования в религиозных церемониях.

Рис. 42. Накидка на подушку с аппликацией из кожи из кургана № 2, Пазырык.

Многие из наиболее ценных сосудов для питья, которые были найдены в скифских могилах, сделаны руками греческих мастеров, но также существуют кубки исключительно скифской работы. Для них характерно уплощенное основание и высокие петлеобразные ручки, которые, вероятно, навеяли форму русских бокалов для дегустации вин позднего средневекового периода. Большинство семей кочевников имели в своей собственности рог для питья. Необходимым предметом домашнего обихода был также и кувшин для кумыса, еще один предмет чисто скифской формы. Самым прекрасным из них является ваза из Чертомлыка, у которой имеются четыре носика, заканчивающиеся головой животных. В трех из них встроено ситечко, а четвертое ситечко установлено в горлышке сосуда. В Пазырыке для хранения кумыса использовались высокие керамические кувшины, а не металлические. Они были местного производства и делались точно тем же способом, которым скифы изготавливали керамику, необходимую им в повседневной жизни, хотя они и обращались к грекам за краснофигурной посудой, которую использовали по особым праздникам. Из раскопок в Пазырыке мы узнаем, что многие из самодельных горшков были закругленными у основания и для того, чтобы поддерживать их в вертикальном положении, использовались деревянные обручи. Миски и бутылки, будь они керамические или кожаные, со схожими закругленными основаниями также поддерживались такими обручами, а иногда и сосуды из камня такой же формы снабжались подобными стойками.

Скифы пользовались костяными воронками, ковшами, дуршлагами, ситами и ложками разнообразных размеров. Они делали светильники из камня, вклинивая их между маленькими, похожими на лоханки прямоугольниками с крошечными ножками по углам для устойчивости.

Мебель

Среди мебели, обнаруженной в Пазырыке, были квадратные деревянные колоды, которые могли служить либо в качестве табуреток, либо подголовников. В отличие от них столы представляли собой нечто замысловатое и удивительно оригинальное. Они были низкими, круглыми или овальными по форме и устанавливались или на изогнутых ножках, поразительно напоминающих викторианскую эпоху, или на резных ножках, похожих на лапы животных. Верхняя их часть — столешница — была слегка вогнута и имела скошенные края. Она была съемная и могла иногда использоваться как поднос.

Тюфяки и подушки разнообразных форм и размеров набивали оленьей шерстью и украшали характерными аппликациями. Приспособление для курения конопли было неотъемлемой принадлежностью каждого кочевника, и у пазырыкских женщин так же, как и у мужчин, были свои собственные наборы для этого. Некоторые из пазырыкских котлов, используемых курильщиками, повторяли обычную скифскую форму, но иногда вместо них приспособляли маленькие квадратные масляные светильники. Очень редко вместо традиционной модели предпочтение отдавалось круглым котелкам на треножнике и с обручеобразной ручкой, так как их можно было подвешивать над огнем в центре жилища курильщика. Эти жилища часто покрывались кожаными полотнищами, но иногда они заменялись на войлочные. В обоих случаях полотнища оставляли без украшений, хотя один из курильщиков использовал полотнище, украшенное вереницей пантер, нападающих

на оленей.

Рис. 44. Узор в форме звезды на шерстяном ковре из кургана № 5, Пазырык. V в. до н. э.

Рис. 46. Лось с шерстяного ковра, обнаруженного в кургане № 5, Пазырык. V в. до н. э. Около 6 на 4 дюйма

Грифон на шерстяном ковре

Само по себе неудивительно, что в Пазырыке были найдены многочисленные изделия из меха, поразительно то, насколько искусны были кочевники даже на таком раннем этапе своего развития в окрашивании мехов и в умении делать из шкур замысловатые рисунки,

достойные высокой оценки.

Широко использовались овечьи, козьи и лошадиные шкуры, а из меха леопарда, скунса, дикой кошки, белки, соболя и горностая делали обычно более нарядную одежду; также из этих мехов часто делали сумки, мешки и небольшие мешочки, во многих из которых имелись кармашки, и у всех были грамотно сделанные застежки. Их использовали для хранения косметики и зеркал.

Простыни и одеяла обычно делали из войлока, но часто использовали и мех с кожей. Действительно, жители Пазырыка умели делать отличный войлок разных сортов и качества. Они умели также превращать овечью шерсть в веревки и нитки, знали ткачество, хотя, похоже, они не умели производить узорчатые ткани. Они неизменно красили нити в красный цвет, а для того, чтобы их ткани не выглядели одинаково, они меняли настройку своих ткацких станков. Они ценили тонкие ткани, и те, которые они приобретали у своих соседей, были отличного качества. Самыми интересными из импортных тканей были очень изысканные китайские шелка и полосы персидской ткани на чепраке из красного фетра. Эти полосы датируются V в. до н. э. Однако самой замечательной находкой был обнаруженный в кургане № 5 персидский шерстяной ковер того же периода.

Ковры

Древние греки больше всего восхищались коврами вавилонской и ахеменидской работы. Уже в те времена такие ковры чрезвычайно ценились, и их было трудно достать. Их часто называли шерстяными коврами из Сард, и, возможно, ковры именно этого типа изображены на скульптурных барельефах из Ниневии. Эти высеченные рисунки являются самыми ранними изображениями ковров, которые дошли до наших дней, но в мире не было известно ни одного ковра приблизительно такого же возраста, как шерстяной ковер V в. до н. э., обнаруженный в Пазырыке, когда замерзшие могилы Алтая явили его нашим изумленным взорам.

Пазырыкский ковер едва ли отличается от ранних персидских ковров, которые существуют до сих пор, так как, хотя рисунок на нем и более архаичен, а его узор менее стилизован, способ его изготовления почти идентичен тому, который использовался на Ближнем Востоке до совсем недавнего времени. Ковер имеет размеры 6 футов 3 дюйма на 6 футов 6 дюймов. Центральная его часть заполнена звездами замысловатой формы, расположенными рядами. Эту часть окаймляют пять полос не совсем одинаковой ширины. В первой из них содержится мотив грифона, в следующей — вереница лосей, идущих гуськом справа налево. Но самый большой интерес представляет третья полоса, на которой изображена шеренга всадников на скакунах, запряженных таким же самым манером, как это видно на ассирийских скульптурах. Они величаво выступают по одному, образуя процессию, движущуюся со стороны, противоположной быстрому движению лосей. Ковер выполнен в мягких, спокойных тонах; фон темно-красный, а из остальных цветов преобладают оттенки красного, голубого, зеленого и желтого. Количество переплетений достигает 270 на квадратный дюйм. Руденко установил, что искусный мастер по коврам может делать 2000 переплетений в день. Так как пазырыкский ковер насчитывает по меньшей мере 1 250 000 переплетений, он делает вывод, что на его изготовление, вероятно, ушло самое маленькое полтора года. Он относит его к V в. до н. э. отчасти на основании археологических данных и отчасти исходя из стиля его исполнения, так как он считает, что завязывание конских хвостов, приподнятая челка, подстриженные гривы, изогнутые шеи, ворсистые чепраки и широкие нагрудные ремни упряжи — это ассирийские черты,

которые имеют близкие соответствия в ювелирных украшениях Ахеменидов V—IV вв. до н. э.

Зеркала

Зеркала из металла были совершенно необходимой вещью в каждом скифском хозяйстве, и кажется вполне вероятным, что члены семьи, игравшие в жизни значительную роль, имели каждый свое собственное зеркало. На юге России наряду с довольно небольшими скифскими зеркалами с петлеобразной или шарообразной ручкой в центре обратной стороны (эта ручка быстро трансформировалась в фигурки животных) часто находят зеркала древних времен. Некоторые из них были греческой работы, другие были копиями греческих зеркал, которые с неизменной страстью к украшательству, и особенно к анималистским мотивам, были декорированы скифскими мастерами. В 1948 г. остатки нескольких металлообрабатывающих мастерских были найдены на месте Ольвии с доказательствами того, что в течение VI и V вв. до н. э. там были произведены различные предметы, в частности зеркала и керамика, для продажи в Скифию. Зеркала более раннего периода имели простые ручки, заканчивавшиеся излюбленными «звериными» мотивами: головой пантеры, оленя, козла или стилизованных птиц. У скифских зеркал этого периода не было ручек, а зеркала из Ольвии шли на экспорт вместе с крестообразными металлическими пластинками во все уголки Скифии до самого Киева, Венгрии и Урала. Можно предположить, что на Алтай импортные зеркала завозились из Китая. Самые древние зеркала, найденные в Пазырыке, датируются V—IV вв. до н. э.

Рис. 49. Золотая одежная пластинка из Куль-Оба. IV в. до н. э. Возможно, на ней изображена Великая Богиня

Зеркала, по-видимому, служили двойной цели, так как хотя очевидно, что кочевники достаточно гордились своей внешностью, чтобы оправдать включение таких предметов в число положенных к ним в могилу, очень вероятно, что в соответствии с их примитивными верованиями зеркала также считались аксессуаром, помогающим отгонять злых духов, которые, как они верили, всегда были наготове, чтобы взять верх над человечеством. Зеркало, возможно, рассматривалось как принадлежность Великой Богини, так как на маленькой золотой пластинке из кургана Куль-Оба изображена сидящая женская фигура, имеющая большое сходство с пазырыкскими изображениями этого божества. На пластинке из Куль-Оба она держит в левой руке зеркало, а человек, стоящий перед ней, пьет из сосуда, который вполне может быть священным ритонном. Пазырыкские

зеркала имели очень изящные рукоятки. У одного из самых красивых зеркал была кожаная ручка, а хранилось оно в очень привлекательной сумочке из леопардовой шкуры, украшенной круглой золотой бляшкой. Это зеркало, вероятно, принадлежало человеку, захороненному в этой могиле, так как у его жены было изысканное серебряное зеркало с ручкой из бычьего рога. Рядом с ней был также единственный струнный инструмент, найденный в Пазырыке. В других могилах были обнаружены только барабаны; они служили двойной цели: являлись источником музыки и отпугивали злых духов. Но этот музыкальный инструмент напоминал лютню.

Костяные гребни находили в Пазырыке, Неаполе Скифском и в ряде других мест. Они были украшены простыми геометрическими узорами, а в некоторых были сверху просверлены дырочки, чтобы их можно было привязывать к поясу владельца. Там же были найдены и металлические булавки и иголки, которые регулярно появляются в больших количествах и собственно в Скифии.

Ювелирные украшения

У скифов была настоящая страсть к красивым вещам. Они получали удовольствие, украшая себя, своих коней и предметы быта. Их любовь к ювелирным изделиям проявилась во всем. Самые великолепные из них были, естественно, найдены в царских могилах, в которых покойники неизменно украшались золотыми диадемами, головными уборами, поясами, серьгами, кольцами, кручеными ожерельями и браслетами, подвесками, амулетами, бусинами, пуговицами, пряжками и медальонами.

Рис. 50. Карта экспорта металлических изделий из Ольвии

Но даже менее значительные захоронения открывают изобилие ювелирных предметов и драгоценных материалов. Так, голова человека, захороненного в кургане Синявка, была покрыта золотыми пластинками с изображениями лежащих оленей. В Келермесском кургане либо первобытная любовь к ювелирным украшениям, либо примитивный страх, что душа усопшего может покинуть тело через отверстия ноздрей, ушей и глазницы,

побудила присутствовавших на похоронах людей заполнить его нос и глазные впадины мастикой с драгоценными камнями, а уши — эмалью клуазоне раннеперсидского происхождения. Золотые безделушки часто покрывают кости покойников (фото 16). В большинстве своем это маленькие чеканные пластинки, которые использовались для отделки одежды. Из многих из них изображены геометрические или неточные мотивы, а стилизованные розетки и пальметты являются самыми популярными из абстрактных форм. Изображения животных еще более многочисленны, и время от времени появляются жанровые сцены. Они представляют особый интерес, так как помогают пролить свет на образ жизни скифов — ведь единственные графические упоминания о музыкантах или о борцах, сцепившихся в схватке, происходят именно из таких источников. Пластинки различны по форме и размерам; широко распространены кружочки, полоски и пуговицы. Длинные узкие ленты встречаются несколько реже; их использовали только как головные украшения. В свою очередь, головные уборы очень разнообразны, начиная от золотых, украшенных драгоценными камнями диадем, ажурных ободков высотой до 4 дюймов или золотых шапок на подкладке из кожи или красного войлока и кончая резными деревянными коронами или рельефными кожаными башнями, приделанными, как в Пазырыке, к верхушкам войлочных колпаков. В более бедных могилах похожие предметы сделаны большей частью скорее из бронзы и железа, нежели из золота, и все же даже в этих случаях та же любовь к пышному убранству выражена с не меньшим искусством и тонкостью, чем в изделиях из более дорогих материалов.

**Рис. 51. Золотая серьга греко-скифской работы из Рязановки, Киевская область. Ранее 3 в. до н. э.
Длина 2 дюйма**

Золотые лобные украшения обычно греческой работы часто находят на юге России, где браслеты и крученые металлические ожерелья носили как женщины, так и мужчины (фото 20). И в самом деле, целый ряд этих браслетов заслуживают того, чтобы их включили в список прекраснейших ювелирных изделий Древнего мира. На Кавказе в некоторых изделиях заметно ахеменидское влияние, но все они ясно отражают личные вкусы и интересы скифов. Золотые плетеные цепочки и ожерелья не менее прекрасны, чем самые массивные ювелирные изделия (фото 17— 18). Найденные в Пазырыке примитивные

шейные украшения, кырезанные из дерева, с изображениями свободно стоящих оленей и грифонов, покрытые золотой фольгой и надетые на бронзовый обруч (фото 21), напоминают по стилю не менее примитивный и значительно более поздний по времени изготовления ободок из Новочеркасска, определенные детали которого, в свою очередь, вызывают в памяти ранние изображения грифонов из сокровищ, найденных на реке Оке. Серьги находят на большинстве тел; мужчины носили одну серьгу, а женщины — две. Кольца на пальцах носили и те и другие; часто на каждом

пальце обеих рук обнаруживают по несколько колец. Очень популярны были разнообразные амулеты: клыки животных, обладающих магической силой, камни необычного цвета, ассирийские цилиндрические печати. В Пазырыке серебряные фигурки коней носили привязанными к поясу. Ракушки и бусины на Алтае встречались реже, чем среди более бедных кочевников южных регионов России. Обычно их находят в совсем маленьких могилах вместе с бронзовыми браслетами, раковинами каури или амулетами из горного хрусталя, сердолика, янтаря, кости или глины, каждый из которых иногда бывает в золотой или серебряной оправе.

Глава 5. Искусство скифов

За исключением пазырыкских войлочных полотнищ, имеющих иногда весьма внушительные размеры, искусство кочевников, работавших в скифском стиле, было невелико по объему. И все же практически каждый предмет, который можно как-то связать с этой группой людей, обладает многими неотъемлемыми чертами настоящего произведения искусства. Ясность замысла, чистота форм, сбалансированность и ритмичность рисунка и — что немаловажно — понимание материала, из которого сделана вещь, — все это было характерными особенностями стиля евразийских кочевников. Возможно, масштаб их деятельности был ограничен. Щелка, через которую они смотрели на мир, возможно, не давала полного обзора, и все же внутри этих возложенных на них судьбой ограничений открывались широкие перспективы; их глаз видел с необыкновенной ясностью и проницательностью, острый ум работал четко, а рука создавала форму с безошибочным и непринужденным мастерством.

Экономика этих общин в силу необходимости базировалась на скотоводстве, поэтому в членах племени развился проницательный взгляд на мир животных и значительно более глубокое его понимание, чем многие из нас могут сейчас осознать. Этот интерес сформировал их художественный взгляд на вещи, приведший к развитию искусства, связанного в основном с анималистическими формами. Общий уровень развития, которого они сами достигли, не позволял производить предметы, чьим единственным назначением было доставлять удовольствие. Такой подход не мог быть стимулом для первобытных народов, и в действительности большинство великих цивилизаций прошлого создавало свои самые великолепные вещи не только из чисто эстетических побуждений. У кочевников было мало причин для создания каких-либо предметов в честь богов или людей, но они инстинктивно чувствовали красоту и хотели окружить себя «звериными» формами, которые доставляли им радость. Этим формам нужно было придать декор, так как кочевник не любит искусство, которое обязано стимулировать его воображение. И без этого слишком много ужасных звуков нарушают тишину ночей, проводимых на степных просторах, слишком много странных видений появляются для того, чтобы ввести в заблуждение соплеменников, ищущих ускользающий след, слишком много неясных

фантазий овладевают кочевником в часы одиночества. В кочевом сообществе воображение склонно идти по мрачному пути, в то время как память часто выбирает себе в попутчики самообман и может приукрашивать все страшное и неприятное, чтобы вместо этого останавливаться на радостных и ободряющих мыслях.

В пастушеской общине самые приятные воспоминания обычно связаны с охотой. Возбуждение от выслеживания добычи, нервная дрожь при виде ее, трепет, который часто сопровождается болезненным восхищением жертвой, успешный исход охоты — все это дает материал для замечательного рассказа, повествуемого восхищенным слушателям на закате дня. Наиболее волнующие подробности продолжают оставаться свежими в памяти еще долго после того, как рассказ уже подрастерял свою соль. Наиболее стойко выдерживают испытание временем драматические случаи, воображаемая картина того момента, когда выслеженная дичь, впервые почуявшая приближающуюся опасность, останавливается понюхать воздух расширенными ноздрями, а затем диким галопом скачет в поисках спасения, пока, наконец, пронзенная смертоносной стрелой, она не падает на землю, но не так, как умирающий человек, а с изяществом и покорностью.

Так же как и доисторические рисунки на севере Испании и на юго-востоке Франции, рисунки, обнаруженные Ламаевым в 1940 г. в почти недоступном Зараутсайском ущелье в Узбекистане, изображают сцены охоты. Они были обязательно магическими по своей цели, и, таким образом, их художественное своеобразие в значительной степени обусловлено этим. Но в Сибири в период неолита, то есть в течение 3-го тысячелетия до н. э., фигуры животных в полный рост, вырезанные из дерева или кости, часто использовались в качестве приманки. Эдинг обнаружил несколько фигурок уток при раскопках в местечке Горбуновский Бог в Нижнетагильском районе Свердловской области. Такие фигурки-приманки были сначала совершенно натуралистичны по исполнению, но по прошествии веков натурализм таких изделий стал уступать место определенной стилизации. Стиль становился более утонченным, и ассоциация определенных животных с конкретными символами стала забываться. Тем не менее рисунки, потерявшие отчасти свой религиозный смысл, продолжали оставаться декоративными элементами и сохранились частично в силу привычки, а частично потому, что они продолжали доставлять радость. Таким образом, в область графических изображений был привнесен эстетический элемент, что привело к развитию более сложного стиля. У скифов стало обязательным, чтобы рисунки животных, независимо от их религиозного значения, радовали глаз тщательно и убедительно переданным изображением объекта, а память — синтезом основных характерных особенностей животного, увиденных в различные моменты его жизни. Поэтому кочевники старались совместить в одном изображении все бросающиеся в глаза черты животного, показывая его одновременно и в движении, когда его передние ноги еще бьют воздух, и на отдыхе с подогнутыми задними ногами. Кинофильм удовлетворил бы требованиям скифов; даже мультфильм обрадовал бы их. На самом деле они подошли ближе к изобретению последнего, чем шумеры с их цилиндрическими печатями, хотя вполне возможно, что они служили скифам источником вдохновения.

Кочевники достигли значительных успехов в трудной задаче — показать в одном образе различные и зачастую несовместимые позы, которые принимает животное в течение своей жизни. Растянутые очертания быстро движущегося животного — летящий галоп, как его называли, — высшее достижение их искусства, даже притом что голова и передние ноги животного могут быть изображены спереди, в то время как его задние ноги могут быть повернуты в противоположном направлении так, чтобы это выглядело как падение подстреленного зверя. Трудно представить, чтобы фигуры такого рода, возможно наиболее приблизившиеся к чистой абстракции, которая когда-либо достигалась изобразительным

искусством, имели какое-то глубокое религиозное содержание, вложенное в них. Эти образы слишком жизненны, слишком аналитичны и бесстрастны, объединение животных в группы слишком произвольно, набор их слишком широк, а их позы слишком разнообразны, чтобы это было вероятным. Вполне возможно, что характерные черты этого искусства с его определенными формами и условностями диктовались традицией, а религия не оказывала здесь какого-либо влияния.

Кочевники реагировали на окружающий их мир с необычайно острой чуткостью, а поскольку евразийская равнина была полна жизни, то импрессионистским и символическим языком своего искусства они попытались выразить эту всеобъемлющую жизнестойкость посредством оригинально задуманных зооморфических изображений. Так, конечность одного животного становилась частью другого. Франкфорт предположил, что скифы, возможно, переняли эту идею у луров, но если это так, то сами луры, должно быть, научились этому у хеттов, которые, изображая зверей, превращали непрерывной линией хвост одного животного в голову другого. Привычки заполнять пустое пространство, позволяя части одного животного становиться отличительной чертой другого, Минне приписывал страху или неприятию пустых мест, но думается, скорее это следует интерпретировать как интуитивный ответ на разнообразие и изменчивость природы. Мысль поэкспериментировать в этом направлении, возможно, пришла к скифам прямо от хеттов, так как царские захоронения, которые Куфтин раскопал в Триалети, в сотне миль от Тифлиса, обнаружили в себе большое количество золотых и серебряных предметов, многие из которых несут на себе явные признаки хеттского происхождения. Другие находки такого же типа и почти такие же богатые были найдены Петровским в Кировакане в Армении. Вероятно, они, в свою очередь, были завезены прямо из Малой Азии.

Большинство животных, которые появляются в искусстве скифов, играли важную роль в искусстве цивилизаций, процветавших в Египте и на Древнем Востоке начиная с 4-го тысячелетия до н. э. Хотя некоторые художественные формы возникли в одном месте, а некоторые в другом, они распространились по всему цивилизованному миру того времени и стали узнаваемыми. Разные животные, реально существующие или придуманные, таким образом, изображались художниками всех рас, но в стиле, характерном для каждого региона. На Ближнем Востоке изображения оставались сильно натуралистичными вплоть до шумерской эпохи, когда начали появляться геральдические композиции. Самой популярной из новых мотивов была группа из трех фигур, в которую входили либо человеческая фигура, либо дерево, либо животное, по обе стороны которого располагались изображения геральдических зверей. Первоначально центральная фигура представляла бога Гильгамеша, а звери олицетворяли власть Тьмы, с которой он был в непрекращающейся вражде, но скифы преобразили его в Великую Богиню, а животных — в ее слуг. Сцены охоты стали выступать на первый план в Центральной Азии почти в это же самое время. Сказочные звери появились постепенно, но приблизительно с 3-го тысячелетия до н. э. их необычные формы бросаются в глаза в искусстве Месопотамии. Во 2-м тысячелетии агрессивные львы со свирепыми мордами стали охранять входы в крепости, дворцы и храмы Хеттской империи. Разнообразные существа неустанно наблюдали за памятниками, воздвигнутыми ассирийцами, а в великолепном дворце Персеполя¹ крылатые львы, нападающие на быков, провозглашали важную роль силы как с политической, так и с религиозной точки зрения. На юго-восточных окраинах Евразии грифоны с головами львов и орлов продолжали, пусть и не так театрально, стоять на страже драгоценных золотых кладов Сибири и Тибета.

К этому времени северная Сирия, Верхняя Месопотамия, большая часть Анатолии, весь район Армении и Кавказа и большая часть Персии образовали единый культурный союз. Попытки проследить источник анималистического стиля в искусстве скифов оказались

бесплодными, так как следы многочисленны и ведут во многих направлениях. Так, Ростовцев искал истоки этого стиля в Центральной Азии, Тальгрэн — в российском Туркестане, Боровка — в Северной Сибири, Шмидт — на Древнем Востоке, а Эберт — в Ионии и на побережье Черного моря. В действительности искусство скифов — это система элементов, принадлежащих ко всем этим регионам, построенная вокруг своего особого центра.

На Кавказе свой собственный «звериный» стиль в искусстве развился задолго до появления в этом регионе скифов. Царские могилы в Майкопе датируются 3-м тысячелетием до н. э., но именно там в качестве отделки одежды появляются золотые пластинки. Их культовые статуэтки быков и оленей выполнены в стиле, который в какой-то степени координируется с самыми ранними образцами анималистического искусства, до сего времени обнаруженными в работах дохеттского периода из могильника Аладжа-Хююк в Анатолии. Франкфорт обратил внимание на стиль найденных там медных статуэток быков, а Вьейра предполагает, что черты, присущие майкопским находкам, возможно, были привнесены сюда народом, переселившимся в Анатолию с Кавказа. Пигготт в неменьшей степени оспаривает эту связь. Но находки в Майкопе были не единственным достижением. Последующие раскопки предоставили большое количество доказательств того, что мастера по металлу находились в разных местах на Кавказе начиная с бронзового века. Куф-тин нашел четкое доказательство этому и в Триалети, и в Кировакани, а Гобеджишвили обнаружил останки интересных работ по металлу, а также мастерские с литейными формами и отливками, датируемыми 2-м тысячелетием до н. э., вблизи деревни Геби в верховьях реки Риони на Кавказе. Предметы, найденные в майкопских захоронениях, вероятно, были произведены работающей в схожей манере группой мастеров по металлу. В каждом случае мастерство настолько совершенно, а стиль так развит, что, очевидно, у этих изделий наверняка был длинный ряд предшественников, которые хотя и не поддаются идентификации, однако внесли свой вклад в формирование искусства евразийских кочевников. В скифских изделиях из металла также просматриваются определенные черты того, что они эволюционировали от изделий, вырезанных из дерева или кости, и поэтому некоторые ученые стали искать их истоки в северных регионах евразийской равнины, среди эскимосских резчиков с берегов Белого и Берингова морей. В этом случае первые пробные резные работы жителей севера, должно быть, подверглись длительному процессу эволюции и в Сибири и на Кавказе, прежде чем они развились в стилизованные и изысканные формы, уцелевшие на удилах и нащечных деталях сбруи скифских коней, где этот национальный стиль сохранен в наиболее чистом виде.

Влияние искусства Ближнего Востока имело своим результатом включение ряда новых сцен с участием животных в искусство Кавказа. После VIII в. до н. э. — а к этому времени ассирийцы уже подчинили себе сирийцев и финикийцев — влияние Востока стало более заметно. Затем продвижение скифов через Азию привело Кавказский регион в соприкосновение с культурой Египта, и статуэтки богини Бэс проникли в Западную Сибирь, Киев и соседние с ним земли, в то время как в Пазырыке появился лотос.

Из всего многообразия элементов, проявившихся в искусстве скифов, самым заметным был, возможно, ионийский элемент. Он проник в Евразию с нескольких сторон. Сначала он пришел к кочевникам из Персии, где ионийские мастера работали на постройке огромного дворца Дария в Сузах. Но также он был напрямую завезен из Ионии купцами, торгующими с городами на восточном побережье Черного моря, и вдобавок к этому его распространили по всей территории юга России греческие художники, работавшие в Пантикапее и других местах на севере Понтийского царства. Скифам нравилось изящество ионийского искусства, но они живо воспринимали и красоту и пышность персидского

искусства, наслаждаясь его великолепием и достоинствами.

Самые ранние из известных скифских захоронений совпадают по времени со скифскими военными успехами на Ближнем Востоке, и, как следствие этого, большинство из них находится на восточной границе европейской части равнины. По времени к ним близки некоторые из курганов в южной части России. Три из самых ранних захоронений — курганы в станице Костромской, в станице Келермесской на Кубани и Мельгуновский курган на юге России, а также клад, открытый сравнительно недавно в Сакизе в Урарту, на месте вероятного расположения первой столицы скифов, имеют особое значение. Основываясь на деталях одежды, Гирш-ман сумел установить, что находки в Сакизе относятся к 681—668 гг. до н. э., но возраст захоронений определить труднее. Принято считать, что Мельгуновский курган относится ко второй половине VI в. до н. э., но единого мнения по поводу возраста захоронений в станицах Келермесской и Костромской нет. Так, Ростовцев относит их к VI в., в то время как Боровка и другие авторитетные советские ученые датируют их VII в. Но к какому бы веку они ни относились, важно то, что скифский стиль уже предстает в полном расцвете во всех четырех местах раскопок, а открытия более ранних захоронений, относящихся к периоду, когда скифы еще не были неизвестны, следует ожидать, пока во всех подробностях не будет прослежена эволюция их искусства.

Предметы, найденные в этих четырех местах, отражают персидское влияние. Ножны для меча из Мельгуновского кургана демонстрируют успешное объединение национальных и ассирийских элементов, так как сам меч по форме — персидский, и украшения на ножнах также обнаруживают сильные ассирийско-персидские тенденции. Так, основной рисунок состоит из ряда крылатых четвероногих животных, напоминающих по виду персидские моги вы; животные через одного имеют человеческие и львиные головы и движутся вперед с луками с натянутой тетивой. Однако их крылья присущи скифским изображениям, так как вместо того, чтобы быть составленными из перьев, они имеют вид рыб, которые своими зубами держатся за плечи лучника. Он же, похоже, не страдает от этого древнего и необычно кровожадного образчика зооморфического сращивания. Другой ближневосточный элемент состоит в подчеркивании мускулов на ногах этого существа посредством отметок в виде точек и запятых. Эта деталь постоянно появляется в анималистическом искусстве Древнего мира. Ее можно увидеть на многих персидских скульптурах раннего периода, а также на тканой полоске персидского происхождения с изображениями львов, которая была найдена в Пазырыке. Эта деталь появляется и в Аладжа-Хююк, и невозможно определить, переняли ли скифы эти отметки у поздних хеттов или персов, либо обнаружить, откуда еще могли произойти эти отметки. Еще один персидский мотив украшает эти же самые ножны. На этот раз это изображение ассирийского алтаря, установленного между двумя деревьями. Он также имеет некоторое сходство с алтарем, изображенным на втором фрагменте тканой персидской материи из Пазырыка. Но для контраста боковой выступ ножен украшен прекрасной рельефной фигуркой лежащего оленя, что часто служит признаком скифских изделий.

Рис. 52. Деталь золотых ножен для меча из Мельгуновского кургана. Размеры 1,75 на 1 дюйм

Персидское влияние также отражено в изделиях из золота, найденных в станице Келермесской. Ножны от меча из этого захоронения почти идентичны находке из Мельгуновского кургана. Совершенно потрясающе выглядит фигурка леопарда в центре круглого щита, имеющего эмалевую инкрустацию персидского типа. Схожим образом были украшены и золотая диадема, и другие найденные ювелирные изделия. Символический топор был покрыт золотыми украшениями преимущественно скифского характера. На его рукоятке изображены фигурки различных лежащих зверей, расположенных рядами, хотя выступающий конец топора более персидский по стилю. Рядом с топором лежало серебряное зеркало прекрасной ионийской работы, украшенное различными животными, кентаврами и чудовищами. Другой замечательной находкой было блюдо с изображением Великой Богини.

Курган в станице Костромской отличается некоторыми необычными деталями конструкции, но он известен главным образом значимостью своего содержимого. Среди других великолепных предметов в нем были найдены железная чешуйчатая кольчуга с плечевыми чешуйками из меди и — это самая очаровательная находка — золотая фигурка лежащего оленя, являющаяся одним из великолепнейших достижений скифского искусства.

В Сакизе рядом с выдающимися образцами раннего скифского искусства было найдено несколько чисто ассирийских ювелирных изделий. Среди них были золотые ножны для меча, украшенные изображениями козлиных голов и грубыми очертаниями, по-видимому, человеческих голов, золотая пластина с изображением рысжих голов, перемежающихся с фигурками лежащих горных козлов и оленей, скифских по виду, и, что самое захватывающее, большое серебряное блюдо диаметром около 14 дюймов. Узоры покрывали его целиком: основные узоры располагались рядами или образовывали concentricкие полосы. На одной полосе был изображен ряд припавших к земле существ, смотрящих налево, в то время как на другой был ряд зайцев, смотрящих в противоположном направлении, а еще одна полоса включала в себя звериные головы, точно так же повернутые направо. Расположение существ или людей,двигающихся в противоположных направлениях, напоминает рисунок на шерстяном ковре из Пазырыка, на котором конные люди и олени изображеныдвигающимися таким же образом. На месопотамских печатях, датированных 3500—3000 гг. до н. э., животные, изображенные на полосах, иногда тоже двигаются в противоположных направлениях.

Там эта идея не получила развития; не появляется она и в персидской скульптуре. Но зачатки ее можно увидеть на знаменитой серебряной вазе из Майкопа, на которой один

бык изображен стоящим спиной к остальным, а также на серебряном кувшине приблизительно этого же периода из Триалети, на котором весь декор разделен на две горизонтальных полосы. На нижней части видны олени, идущие гуськом справа налево, в то время как на верхней полосе изображен вождь, сидящий на троне рядом со священным деревом, по бокам которого стоят жертвенные животные. Вождь наблюдает за процессией из двадцати трех полуживотных-полулюдей, похожих на хеттов, которая приближается слева. Эта идея достигает полного развития как декоративное средство только в скифских изделиях из металла. Ранним образцом служит блюдо из Сакиза, более поздней иллюстрацией — чертомлыкский котел, где козлы на двух центральных ручках «смотрят» в разные стороны. Руденко приписывает пазырыкский ковер персидским умельцам, но так как расположение узоров на нем кажется более характерным для Скифии, его, вполне возможно, изготовили по приказу пазырыкского вождя. Появление двумя веками раньше в Сакизе схожего расположения орнамента, видимо, предполагает, что узоры, состоящие из движущихся в противоположных направлениях существ в пределах ограниченных полос, говорят о скифском происхождении.

Рис. 53. Рисунок с одной из майкопских ваз. 3-е тысячелетие до н. э.

Среди узоров на блюде из Сакиза есть некоторые, напоминающие существ, встреченных на изделиях из станицы Келермесской и Мельгуновского кургана. Так, все самые характерные для скифского искусства мотивы, за одним заметным исключением, уже найдены в полностью развитой форме в четырех самых древних местах, которые можно связать со скифами. Исключение составляют сцены, изображающие одного или более животных, нападающих на другое животное, так, например, рыба-крыло с ножен из Мельгуновского кургана.

Самый характерный одиночный мотив в искусстве скифов — это олень. Будучи изначально объектом поклонения среди сибирских аборигенов, он, видимо, утратил большую часть своего давнего религиозного значения ко временам скифов, но более чем вероятно, что вера в то, что олени переносят души мертвых в потусторонний мир, была все еще широко распространена в Евразии в течение 1-го тысячелетия до н. э. Она продолжала существовать еще до недавнего времени у бурят. Возможно, это объясняет присутствие изображений оленя на погребальных предметах и может помочь объяснить наличие

оленьих рогов на лошадиных масках (фото 11, 12), обнаруженных в Пазырыке, где скорбящие соплеменники вполне могли надеяться ускорить путешествие покойников в загробный мир, надевая своих коней посредством этих масок дополнительной быстротой оленя или птицы. Олени, украшающие гроб в Пазырыкском кургане № 2, изображены с большой реалистичностью. И наверное, имеет значение то, что они показаны бегущими, тогда как олени, появляющиеся на предметах, никак не связанных с похоронами, часто находятся в позе отдыха и настолько сильно стилизованы, что трудно представить себе, что они были предназначены здесь для какой-то другой цели, недекоративной. Самые лучшие золотые фигурки оленей относятся к сравнительно недавнему времени. Более крупные из них часто являлись центральными украшениями на щитах и обычно представляли собой золотые рельефные изображения.

Великолепный олень из станицы Костромской относится к VII—VI вв. до н. э. (фото 23). Он находится в лежачем положении с подогнутыми под себя ногами, так что видны подошвы его копыт. Треугольные по форме, они не чрезмерно преувеличены, и, хотя олень лежит или скорее пригнулся к земле, его голова поднята, так что рога лежат у него на спине. Его шея вытянута, как будто он стремительно движется, как большой планер навстречу ветру; кажется, что чуткие вздрагивающие ноздри дают ему энергию. Его круглый глаз выражает опаску, мускулы шеи и тела так напряжены, что, хотя животное изображено на отдыхе, от него остается впечатление быстрого, легкого движения. Этот олень является превосходным образцом, подобия которого с небольшими отклонениями вновь возникают на различных предметах всевозможных размеров и возраста.

Другая важная, пусть даже и не такая интересная, находка была сделана в Куль-Оба в Крыму (фото 24). Ее следует отнести к середине IV в. до н. э., то есть к более позднему сроку, что подтверждается стилистическими особенностями, так как, хотя сам олень имеет прекрасные формы, при сравнении с оленем из станицы Костромской выявляется нечто слегка механическое в обработке рогов. В этом случае стилизация недостаточно художественна, ухо почти неузнаваемо, глаз выполнен не очень аккуратно, а подвернутые под себя копыта преувеличенно заострены. Эти особенности дают основания предположить здесь руку скорее городского мастера, нежели кочевника. Заполнение пустого пространства на теле оленя изображениями более мелких животных также сделано скорее в псевдокочевом стиле, нежели в чисто скифском. Рыба из Феттерсфельда, которая почти совпадает с ним по возрасту, относясь не ранее чем к первым десятилетиям V в. до н. э., имеет не менее великолепные формы, чем олень из Куль-Оба, и точно так же ее поверхность покрыта неуместными вставками, представляющими собой различные сцены из жизни животных, которые, хоть и искусно выполненные, чужды ей.

Оба этих изделия, должно быть, вышли из одной мастерской, и берет соблазн приписать их работе греков из Ольвии, которые не сумели провести различие между зооморфическим сращением, служащим для завершения дизайна, и таким типом заполнения пустого пространства, которое нарушает его целостность.

Подобная критика неприменима к роскошному бронзовому штандарту VI в. до н. э. из кургана № 2 в местечке Ульском (фото 5). Здесь изображение так сильно стилизовано, что звериные формы, которые легли в его основу, потеряли свой облик в геометрическом узоре, который служит обрамлением для маленького геральдического оленя, помещенного в специально оставленном для него пустом месте.

Великолепный золотой олень из Тапиошентмар-тона в Венгрии (фото 25) демонстрирует большую чистоту замысла, чем в образчике из Куль-Оба. Он более близок оленю из Костромской, чьим потомком явно является. Его конечности очерчены изящными

насечками, ноги имеют четкие контуры, копыта аккуратной формы повернуты вверх. Первоначально его глазные и ушные отверстия были заполнены эмалью, наводя на мысль о персидском влиянии. И все же это, вероятно, опять греческая работа, так как насечка такого типа нехарактерна для скифского искусства. Олень относится к сравнительно раннему периоду — уж конечно, не позже V в. до н. э.

Фигурки рыб встречаются довольно часто, хотя в Сибири чаще, чем в Скифии. На Ближнем Востоке рыбы несли в себе религиозный смысл, и на Кавказе они жили в легендах и сохранили определенное символическое значение и во времена христианства. Большие изображения рыб, вырубленные из камня, до сих пор можно найти на высоких, открытых обзору местах в Армении, где они были, вероятно, установлены с ритуальными целями в те времена, когда олицетворяли собой бога погоды. В скифском искусстве они характерны для древнего периода. В Пазырыке они появляются довольно часто, а одна рыба была включена в рисунок, вытатуированный на ноге монголоидного вождя.

Использование разноцветной эмали было тем средством, к которому прибегали еще в далекие времена расцвета Урал, но нигде в античном мире ее не применяли более щедро и с большим великолепием, чем в Персии времен династии Ахеменидов. Должно быть, скифы научились этой тонкой технике у персов, так как предметы несколько более раннего периода из Сибири обычно еще украшены вставленными камнями, а не эмалью. Увлечение скифов эмалью было особенно выражено в течение первых лет их доминирующего влияния, и нет указаний на то, что родственные им племена когда-либо использовали этот непростой и дорогостоящий способ украшения. Прекрасный ранний образец эмали представлен золотым леопардом, найденным в станице Келермесской (фото 9), чьи формы полны той же самой изящной силы, что и практически современный ему олень из станицы Костромской. Пристрастие к эмали не ограничивалось только Кубанью. Из Алтын-Оба в Крыму до нас дошла фигурка львицы из литой бронзы, датируемая приблизительно VI—V вв. до н. э. (фото 26).

Она покрыта позолотой, а центральная часть ее тела сделана из крохотных вертикальных золотых секций, заполненных эмалью. Здесь тоже, как и у келермесского леопарда, пальцы на лапах и щеки животного обозначены резьбой.

Одиночные фигурки животных, такие, как эти, — это шедевры скифского искусства, но композиции, в которых животные изображены в схватке, едва ли менее характерны для него или менее прекрасны. Сюжет, сам по себе очень древний, стал весьма популярен в Скифии, но нигде он не был выражен с такой страстью, как на Алтае. Более ранняя, сугубо скифская версия этого сюжета, в противовес алтайскому, представлена находкой из кургана Семи Братьев на Кубани. Здесь был обнаружен деревянный ритон начала V в. до н. э., украшенный четырьмя золотыми пластинками. На каждой из них изображена хищная птица или животное, нападающие на травоядное животное. На пластинке, приведенной здесь в качестве иллюстрации (фото 27), виден крылатый лев, напавший на горного козла; его когти уже оставили отметины на боку жертвы, когда он вцепился зубами ей в спину, однако козел сидит прямо и спокойно. Лишь выражение муки в его глазах как-то указывает на боль, которую он терпит.

Рис. 54. Рисунок с чепрака из кургана № 1, Пазырык. V в. до н. э. Размер около 12 на 7,5 дюйма

Великолепный золотой олень из захоронения в Золдаломпуште (фото 28) в Венгрии, вероятно, принадлежит к той же группе изображений, что и пластинка из кургана Семи Братьев. Испуганный вид животного и впечатление, что оно вот-вот сорвется на бег — так тонко передана его поза с поднятой передней ногой, — несомненно, указывают на то, что в своем первоначальном состоянии олень был изображен преследуемым каким-то хищным зверем. И снова мы видим мощные рельефы конечностей и мускулов, и, несмотря на намек на движение, животное изображено в статичном положении. Такая почти пассивная поза связывает его с жертвами, виденными нами на ритоне из кургана Семи Братьев. И тем не менее, насечка на ногах оленя и его хвосте, любопытный узор, похожий на гребешок, очерчивающий его шею, и вставка в виде птичьей головы у основания его рогов указывают на греческое влияние. Эти детали объединяют его воедино с оленем из Куль-Оба и позволяют датировать эту находку не более ранним периодом, чем V в. до н. э. (фото 24).

На изделиях из Пазырыка этот же самый сюжет звучит иначе, чем у скифов. Он постоянно возникает на их предметах, являясь их главным украшением, и все же никогда не наскучивает от повторений. Одна его версия — но только одна — статична по своему характеру; на ней изображены два животных тех же видов: одно — грифон с львиной головой, а другое — грифон с орлиной головой. Они оба, таким образом, равны по своему положению и противостоят друг другу. Это не есть, собственно говоря, батальная сцена; это либо символическая композиция, чье значение потеряно для нас, либо чисто декоративное изображение. Полустатический вариант этой темы можно увидеть на седле из Пазырыкского кургана № 2; он также не является полностью сценой схватки. Изображая орла или украшенного гребнем грифона в победоносной позе, вонзающего когти в трепещущее тело побежденного оленя, этот сюжет отмечает скорее момент победы, нежели фазу схватки.

На другом чепраке из того же самого кургана запечатлен момент скорее столкновения, нежели его результат. Мы видим тигра, приземляющегося всеми четырьмя лапами на спину горного козла. В то время как животное падает под натиском зверя с подогнутыми под себя передними ногами, зад его оказывается перевернутым, а задние ноги бесполезно вытянутыми, и тигр впивается клыками в трепещущую плоть. Хотя этот рисунок выполнен из войлока, кожи и золотой фольги в технике аппликации и все материалы, кроме последнего, лишены привлекательности, он достигает удивительного эмоционального ритмического эффекта. Стилизованные тела животных тем не менее сохраняют присущие им анатомические черты в целости, в то время как закругленные линии их силуэтов

оправдывают веру Хогарта в красоту изогнутой линии.

Не менее пронизана ритмом сцена на чепраке, найденном в Пазырыкском кургане № 1, изображающая тигра, преследующего оленя. Здесь тигр прыгнул нападая, но еще не ранил свою жертву. Оба животных сцепились в поединке, столкнувшись в воздухе; их тела переплелись совершенно невозможным образом, отражая какие-то фазы борьбы. У каждого из них зад вывернут так, что это совершенно противоречит природе, но все равно это выглядит убедительно. Батальные сцены, вытатуированные на теле монголоидного вождя из Пазырыкского кургана № 2, будучи фантастическими, изображающими нереальных животных совершенно недостоверного облика, кажутся, однако, не менее подлинными, чем сцены с реально существующими животными. Чрезвычайно мощное впечатление быстрого, чуть ли не бешеного движения и силы, создаваемое этими пазырыкскими изображениями, редко когда было превзойдено в скифском искусстве. Эти рисунки продолжали оставаться популярными в Азии и в нашу эру.

Рис. 55. Рисунок с седла из Пазырыкского кургана № 1. V в. до н. э. Размер 15 на 6 дюймов

Великолепный шерстяной ковер I в. н. э. (фото 29), простеганный и украшенный аппликацией, найденный под гробом вождя гуннов, похороненного в Нойн-Ула в северной Монголии, имеет в своей кайме сцену нападения грифона на оленя и демонстрирует, что это мастерство продолжало существовать в течение многих веков.

Самая необычная батальная сцена, представляющая исключительный интерес, украшала настенное полотнище, найденное в Пазырыкском кургане № 5. Изначально полотнище имело чуть больше ярда в длину. И сама сцена, и кайма вокруг нее были выполнены в виде аппликации из разноцветного войлока на белом фоне. Фигура справа сохранилась почти целиком. Получеловек-полулев, возможно, явился сюда из мифов хеттов, но Руденко связывает его со сфинксом, хотя его лицо с черными усами указывает скорее на Ассирию, чем на Египет или Евразию. По его бледно-голубому телу, похожему на тело льва, рассыпаны коричневые розетки. Он стоит вертикально на львиных лапах с большими когтями, аналогичными тем, которые были у одного из существ, вытатуированных на спине мертвого вождя. Его длинный хвост изящно просунут между его ног и поднимается до уровня его груди, заканчиваясь гроздью похожих на листья отростков. От центра его спины поднимается крыло, его боковые перья образуют S-образные окончания, чем-то напоминающие завитки рогов у оленя, найденного в станице Костромской. Его руки вытянуты вперед, и заново восстановленные фрагменты показывают, что они направлены к нападающей на него фигуре, похожей на птицу с лицом, чем-то напоминающим

человеческое. Голову нападающей фигуры увенчивают то ли рога, то ли большой гребень. Но самое интересное в этой композиции — это, наверное, рога, которые возвышаются над головой первого участника поединка. Эта сцена, несомненно, проникнута глубоким мистическим смыслом.

Фантастические существа, вытатуированные на левой и правой руке вождя

Рис. 57. Фрагмент рисунков, вытатуированных на левой руке вождя

Рис. 58. Фрагмент рисунков, вытатуированных на правой руке вождя

Если рога этой фигуры рассматривать вкпе с бесчисленными изображениями рогов различной формы, которые появляются в искусстве евразийских кочевников, становится очевидным, что рога играли одну из самых важных ролей в религиозных ритуалах совершенно различных народов в течение многих тысячелетий в доисторическую эпоху. На самом деле Салмоний проследил их периодическое появление в качестве религиозного символа на западе вплоть до находок в пещере Трех Братьев в Монтестье-Аванте во Франции, где они были обнаружены на вырезанной и раскрашенной фигуре получеловека-полузверя. В Хантерс-Кэмп в Стар-Кэпп (Йоркшир) было найдено несколько комплектов рогов, которые, несомненно, участвовали в ритуальных обрядах. С этой же целью олени рога к этому времени уже появились в раннем хеттском искусстве. Однако нигде их символическое применение не было так широко распространено, как в восточной части евразийской равнины. Эта эмблема особенно характерна для искусства скифов. В нем олени рога часто сохраняли большую часть своего символического значения, но в то же самое время беспечные кочевники независимо от того, принадлежали ли они к скифам или к родственному племени, без колебаний подвергали когда-то священный узор с изображением оленьих рогов своей художественной обработке. Их страсть к украшательству, таким образом, в ответе за прекрасный и необычайно гармоничный рисунок, сохранившийся на лбу бронзового коня с Кубани, датированного IV в. до н. э. В этой хорошо продуманной композиции центральный мотив представляет собой профиль головы оленя в обрамлении симметрично расположенных рогов. С одной стороны этого основного узора расположены зооморфически соединенные головы трех птиц, а с другой — голова оленя, находящаяся в таком положении по отношению к центральному мотиву,

что его рога уравнивают птичьи головы. Получившийся в результате этого узор поразительно красив (фото 32).

Рис. 61. Полотнище с изображением битвы получеловека-полульва с мифической птицей. Курган № 5, Пазырык. V в. до н. э.

Если мы хотим продвинуться в понимании взглядов и верований азиатских народов в 1-м тысячелетии до н. э., то необходимо решить вопрос о роли оленьих рогов. Он уносит искателей прямо в Китай, в провинцию Хунань, где в местечке Чанг-ша в могилах, вскрытых во время проведения строительных работ, была обнаружена небольшая группа человеческих и звериных фигурок, вырезанных из дерева, причем все они были украшены оленьими рогами. Одна из этих фигурок, человеческая голова с высунутым языком, в настоящее время хранится в Британском музее (фото 31). Все они стали достоянием гласности благодаря Салмоню. Пытаясь установить символическое значение оленьих рогов, Салмоний наткнулся на упоминание в одном из шанхайчингских текстов, часть которых относится к временам династии Хань, о существах со звериными телами и человеческими лицами, чьи головы увенчивали олени и иные рога. Они, возможно, были вариантами мифического существа с рогами, по виду напоминающего оленя, который был способен отвращать дурной глаз. Упоминание о нем содержалось в легенде из северных районов Китая. В связи с этим Салмоний напоминает своим читателям, что буддисты включали одиннадцать символических оленей в свои самые ранние легенды, что жители Тибета и сибирские шаманы до самого недавнего времени сохраняли у себя оленьи рога для церемониальных облачений, а также что оленьи рога играли некоторую роль в жизни кельтов в Ирландии, в средневековой Англии и Скандинавии.

Использование оленьих рогов в Чанг-ша, без сомнения, должно быть отнесено к влиянию кочевников. Салмоний признает, что в Евразии культ оленя носил местный характер и своими корнями уходит в доисторические времена. Так что не лишено смысла то, что китайские историки, о которых упоминал Салмоний, во второй половине 1-го тысячелетия до н. э., отзывались о жителях края Хунань как о «по-луварварах» и утверждали, что они радикально отличаются от народов остальной территории Китая. Больше нигде в Китае, кроме Хунаня, не находили до сих пор фигур, увенчанных оленьими рогами. А все те, которые пока были обнаружены, относятся к IV— III вв. до н. э., к тому самому периоду, когда азиатские или, во всяком случае, алтайские кочевники находились в пике своего расцвета. Рога на одной из фигурок из Чанг-ша, на двухголовом животном, находящемся сейчас в коллекции Кокса в Вашингтоне, как и многие предметы, найденные в Пазырыке и

Катанде, были сделаны из древесной коры, и это подтверждает тот факт, что предметы были изготовлены под влиянием кочевников и что ключ к решению вопроса об оленьих рогах следует искать в Сибири.

Кочевники украшали конскую сбрую как «звериными», так и геометрическими узорами. В них воссоздается весь разнообразный животный мир, хотя олени и орлы, наверное, все же более многочисленны. Оленьи рога, геометрические и цветочные мотивы, птичьи головы с петушиными гребнями, грифоны с чертами сусликов появляются в рельефных изображениях в виде вырезанных силуэтов временами круглой формы. Среди самых прекрасных работ числятся рисунки животных кошачьей породы (фото 39), многие из которых вызывают в памяти начальные строчки поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»:

У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том; И днем, и ночью кот ученый Все ходит по цепи кругом; Идет направо — песнь заводит, Налево — сказку говорит...

Рис. 62. Голова барана из войлока с чепрака из кургана № 1, Пазырык. V в. до н. э. Приблизительно 5 на 4 дюйма

Рис. 63. Узор на чехле для конского хвоста из кургана № 1, Пазырык. V в. до н. э.

Резьба по кости, наверное, отражает национальный стиль более ясно, чем изделия из металла. Голова барана из станицы Келермесской и голова хищного зверя, вероятно волка (фото 34, 36), из Черных Гор Оренбургской области показывают, как мало нужно было внести изменений, чтобы адаптировать технику резьбы по кости или дереву к такому материалу, как металл. Жители Пазырыка любили покрывать свои резные изделия из дерева чеканным золотом или свинцовой фольгой, но даже при работе с простым деревом они делали вещи, которые являются настоящими шедеврами в своем роде, такие,

например, как голова горного козла или голова каменного козла (фото 38, 40). Какова бы ни была их величина, фигурки остаются великолепно соразмерными, а менее дорогой материал обработан искусно и продуманно, словно самый драгоценный, так что изделия из бронзы с художественной точки зрения ничуть не хуже сделанных из золота, да и узоры из войлока не менее хороши, чем вырезанные из дерева. В Персии это искусство Дожило до наших дней, и фигурка каменного козла, сделанная турком-кочевником из сушеного инжира, которую я двадцать лет назад увидела под Шапуром, несомненно достойна стоять в длинном ряду изображений животных, изготовленных азиатскими кочевниками. Во времена скифов фигурки оленей, каменных козлов, быков или какого-либо другого животного с ногами, стоящими в одной точке на каком-нибудь бугре, служили навершиями шестов или украшали края мебели (фото 57—59). Эта форма часто ассоциируется со скифами, но она значительно более древняя, и появилась она уже на гребнях из слоновой кости времен амратской культуры в Египте в 4-м тысячелетии до н. э. Любопытно, что, хотя конь играл важную роль в повседневной жизни кочевников, он редко фигурирует в их искусстве. Ранним примером такого изображения может служить серебряный сосуд из Майкопа. Изображения коней продолжали периодически появляться то тут, то там на протяжении многих веков. Они очень популярны в станице Келермесской и украшают сосуды, которые для скифов делали греки, и их время от времени находят в Пазырыке, где они появляются в виде амулетов.

Кочевники во всем видели узор; превратить очертания животного в геометрическую форму им было не более трудно, чем разглядеть в геометрическом узоре очертания животного. Так, например, колоритное изображение барана с чепрака из Пазырыкского кургана № 1 имеет ореол из завитков вокруг головы, которые представляют собой узор, напоминающий форму головки топора. Тот же самый мотив появляется на чехле для конского хвоста из того же кургана.

Эффект, который производят эти звериные изображения, чрезвычайно силен. Большое разнообразие самих существ не менее впечатляюще, чем всевозможные виды, в которых они появляются. Реальные и придуманные, возможно, существовавшие и в то же время невероятные звери соперничают и противостоят друг другу, переплетаются и смешиваются друг с другом с такой неистовой непринужденностью и яростью, что перед нами раскрывается новый, неожиданный и неизведанный мир. Когда мы осмеливаемся проникнуть в эту незнакомую страну — напряженные мускулы здесь, испуганный взгляд там, великолепные олени рога впереди, — все детали вступают в тайный сговор, чтобы передать знакомую сцену из жизни, вызывая воспоминания, небрежно отмеченные памятью во время преследования дичи и быстро забытые от волнения. А на заднем плане рассыпаны изображения солнца и геометрические узоры, расположенные с совершенным мастерством.

В Пазырыке любовь к украшениям выражалась во всем. Стрела, чей жребий был всего однажды просвистеть в воздухе, раскрашивалась такими же изящными волнистыми линиями и спиралями, какие появляются на предметах, предназначенных для более частого использования. Всевозможные ремни и полосы материи украшались ажурными узорами из ромбов, звезд, сердец, крестов, розеток, пальметт, цветков лотоса и цветочных лепестков. Изображения на чепраках были достойны узоров великолепных ковров. Одна только фигура человека играет незначительную роль в этом искусстве. В Скифии большинство человеческих фигур были сделаны руками греческих мастеров, живущих поблизости, и, по-видимому, они так и не вдохновили скифов на подражание. Иногда, скорее как шутка в манере романского гротеска, как в Скифии, так и в Пазырыке, в каком-нибудь орнаменте вдруг появится человеческое лицо, но намерения мастера редко были предсказуемы, и в Пазырыке человек, вырезавший лицо на деревянном витом орнаменте,

не мог устоять перед искушением превратить верхнюю часть его головы в пальметту. И все же обитатели Евразии могли бы изображать и человека, если бы только захотели. Это явствует из изображения существа с одного из пазырыкских настенных полотнищ, о котором здесь уже говорилось, так как хотя с анатомической точки зрения оно полуживотное, с духовной — оно все же человек. В нем нет ничего зверского или примитивного, и оно производит впечатление утонченности и изящества.

Полотнище религиозного характера, тоже из Па-зырыка, является еще одним примером мастерства, с которым кочевники создавали человеческие образы. Ткань имеет размеры приблизительно 4 на 6 ярдов, узор повторяется на ней дважды; он выполнен из разноцветного войлока на беловатом войлочном же фоне. Сцена изображает Великую Богиню, сидящую на троне явно местного производства, так как его изогнутые точеные ножки напоминают те, что имелись у некоторых предметов мебели, найденных в реальных захоронениях. Однако божество одето в платье, более похожее на китайский наряд, чем алтайский, да и одежда всадника и черты его лица не соответствуют тому, что было присуще кочевникам. Занятный, похожий на канделябр жезл, принадлежащий богине, тем не менее напоминает узор оленьих рогов, и само полотнище, без сомнения, местное по замыслу и производству (фото 30).

Изобилие украшенных предметов, будь то скифского или алтайского происхождения, значительно превосходит, во всяком случае по количеству, многое из того, что было сделано руками любой группы других людей древности. Очевидно, что работа была выполнена самими кочевниками в течение их повседневной жизни, а не профессиональными ремесленниками, работавшими по их заказу в городских центрах, как предполагают некоторые исследователи.

Рис. 64. Львиная голова с войлочного настенного полотнища из Пазырыкского кургана № 1. V в. до н. э. Размер около 5 на 5 дюймов

Рис. 65. Лев с чепрака из Пазырыкского кургана № 1. V в. до н. э. Сделан из войлока, размеры около 9 на 6 дюймов

Китайские авторы отмечали, что у гуннов «женщины вышивают шелком по коже и ткнут шерстяные материи; мужчины делают луки и стрелы, седла и уздечки, делают оружие из золота и железа». Во многом такое же разделение труда, вероятно, существовало и в Евразии, и пазырыкские находки показывают, что почти каждый член племени, вероятно, был искусен в каком-либо виде ручного труда. Глядя на их творения по прошествии свыше двух тысяч лет, трудно отказать им в звании художников. И все же такие критики, как Дэвид Сайнор, считают их вклад в искусство «очень скромным» по сравнению с «достижениями европейского, китайского и индийского искусства». Такая точка зрения, несомненно, основывается на ложной исходной предпосылке, так как скифские и родственные им племена создавали не культуру, а просто стиль в искусстве. Было бы более справедливым противопоставить их достижения достижениям финикийцев, этрусков или какого-либо другого, схожего с ними временного объединения людей одной расы, чем сравнивать их с великими цивилизациями, которые строились в течение веков огромным количеством людей, связанных между собой национальными и религиозными узами.

Вклад скифов в мировую сокровищницу искусства далеко не незначительный. Некоторые их изделия из металла имеют непреходящую ценность, а отдельные изображения животных, такие, как леопард из станицы Келермесской, лев с настенного полотнища или лев с чепрака из Пазырыка, могут выдержать сравнение с иллюстрациями Пикассо, Бюффона или с рисунками зверей поздних художественных школ. И хотя они не обогатили мир какими-то монументальными творениями, скифы перекинули мост между Древним миром и славянской Россией и оставили после себя стиль, который оказал влияние на развитие некоторых видов европейского искусства. Помимо прочего, им удалось создать достоверное народное искусство. Это редкое достижение. В отличие от изделий, которые в основном являются результатом труда умелых ремесленников, и в отличие от фольклорного искусства, которому служат способные, но лишенные воображения традиционалисты, народному искусству дает начало и занимается им вся община. Лишь небольшому количеству человеческих общин было дано развить искусство такого типа. То, что скифам и родственным племенам удалось достичь этого, показывают предметы, которые они забирали с собой в могилы.

Глава 6. Наследие скифов

Скифы исчезли со страниц истории так же неожиданно, как и появились, как будто они упали в глубокий колодезь. И хотя сами они исчезли, они всколыхнули воды истории. Волны разошлись почти по всей Европе, и едва ли удивительно то, что наибольшее влияние они оказали на Россию, где их плавные и подвижные линии заметны даже в наше время. Они дошли до наших дней в наиболее ясном виде в крестьянском искусстве, особенно в вышивках, резьбе по дереву, керамике и игрушках, которые крестьяне делали для себя и которые своими очертаниями зачастую мало отличались от изделий языческих

времен.

Слишком мало внимания до сих пор уделялось истории язычников-славян, пришедших на смену скифам и сарматам на территории европейской части евразийской равнины и заложивших основы Российского государства. Века, в течение которых страна постепенно объединялась, а ее культура медленно развивалась, были полны опасностей и бурных событий, так как жители южной России находились под постоянной угрозой нападения со стороны кочевых племен, живущих к востоку от них, которых постепенно вытесняли на запад из центральных или даже еще более отдаленных частей Азии.

После падения власти скифов и возвышения сарматов начался новый заметный период: тогда, приблизительно ко II в. н. э., в пределах страны возродилась торговля. Импульс шел от сарматов, которые, наверное, из-за своего восточного происхождения разделяли любовь сибирских народов к ярким, сверкающим краскам и скифскую страсть к «звериным» формам и драгоценным материалам, но которые в то же самое время были лишены умения удовлетворять своим вкусам. Волей-неволей они были вынуждены обращаться к греческим ремесленникам с северного Понта за всем тем, в чем они нуждались. Однако в большинстве случаев они воспринимали греческую культуру, придавая ей скифское обличье, то есть для них она существовала в виде богатых на вид орнаментов и роскошных ювелирных украшений.

Отличаясь от скифов темпераментом, не обладая таким, как у них, чувством формы и не имея сформировавшегося под влиянием Древнего Востока художественного вкуса, сарматы предпочитали блестящую, переливчатую поверхность извилистым линиям и сложные многоцветные эффекты — свету и игре драгоценного металла и гармоничному рисунку. Их вкус можно определить по находкам, сделанным в Минусинске, на Алтае и в бассейне реки Дон. Они требовали от греческих мастеров по металлу золотых или бронзовых изделий с яркими, сверкающими поверхностями и богатыми украшениями.

Полихромный стиль возродился, чтобы удовлетворить эти пожелания. Греческие ремесленники принялись добиваться требуемого эффекта тем, что обрабатывали металлическую основу орнамента либо в технике выемчатой эмали, в соответствии с которой камни и эмаль помещались в специально приготовленные углубления, либо в технике перегородчатой эмали, когда тончайшие металлические перегородки отделяют разноцветную мастику или стеклянную мозаику; либо снова полудрагоценные и драгоценные камни помещались в оправу из металлической проволоки. Многие предметы, украшенные таким способом, сохранили «звериные» очертания, столь любимые скифами, но, когда с запада в эти земли вторглись готы, они принесли с собой новые формы, которые вскоре добавились к уже имевшимся. Таким образом, в этих краях появились новые виды оружия и ювелирных изделий. И старые, и новые изделия получали разноцветный декор независимо от того, предназначались они для сарматов или для готов. Последние уже полюбили «звериные» формы в искусстве, и поэтому их привлекали скифские узоры, но особенно им пришлись по вкусу изображения хищных птиц. Под их влиянием олень начал терять свое главенствующее значение в искусстве этого региона, а его место заняли «птичьи» формы искусства готов. Но к этому времени понтийские греки сами уже поддались очарованию многоцветных украшений, в результате чего этот стиль вошел у них в такую же моду, как и у сарматов и готов. Однако в каждом случае он продолжал оставаться в основном скифским, но приобретая яркий внешний лоск.

В течение этого периода политическая ситуация на юге России оставалась беспокойной и опасной, и славяне-земледельцы этого региона продолжали жить под гнетом, в бедности и страхе. Эти люди находились на низкой ступени развития и постоянно испытывали нужду.

Всевозможные предрассудки господствовали над их жизнью. Чтобы уберечься от постоянно угрожающего зла, они придумали разнообразных богов и воздвигли в их честь деревянных идолов и тотемные столбы на площадях и рынках, стараясь умиловить богов жертвоприношениями. Они вырезали магические фигуры на поверхности камней и коре деревьев. Чтобы охранить себя от дурного глаза, они вешали себе на грудь крохотные амулеты с изображениями лошадей, птиц и кувшинчиков. На поясе они носили гребешок, как это делали до них скифы, а также все они носили амулеты с изображением медведя, так как это животное приобрело у них большое религиозное значение. Наконец, где-то между I и V столетиями н. э., к амулетам с изображением животных добавились такие амулеты, как крестики, треугольники, ромбы, круги и т. д., так или иначе связанные с культом солнца, который приобрел чрезвычайно широкое распространение после V в. Эти символы помещались на сосудах и утвари, чтобы в равной степени служить защитой и выражать почитание божества.

В 988 г. с присущей русским безжалостностью по приказу Владимира, великого князя Киевского, языческие идолы, тотемные столбы и другие предметы языческого поклонения были уничтожены во время обращения страны в христианство. И все же крестьянское население продолжало придерживаться своих первоначальных традиций и верований с не менее характерным для них упрямством, и хотя все материальные языческие памятники исчезли, сохранилась гораздо большая часть отвергнутого культа, чем принято считать. Само язычество продолжало процветать с неослабевающей силой на большей части территории страны еще и в XII в.; оно даже сохранялось местами и в XIX в. в ее наиболее отдаленных уголках, и помимо него множество дохристианских символов почиталось до революции в форме игрушек, которые крестьяне делали для своих детей. Наиболее популярными среди них были деревянные коляски и лошадки, которые вместе с солнечными символами были, по существу, копиями тех, что в языческие времена, как полагали, каждый день провозили солнце по небесному своду.

Среди разнообразных обычаев, унаследованных славянами от скифов, самым главным было почитание предков. В соответствии со скифскими традициями они так же хоронили своих вождей в могилах, снабженных всем жизненно необходимым, и так же в погребальную камеру усопшего помещали его жену, облаченную в свадебное платье, но приводили они ее туда живую, чтобы там она встретила свою смерть. Над этими захоронениями они насыпали холмы, делали жертвоприношения на их вершине, устраивали поминальные тризны и турниры. Каждый год они вновь собирались на этом месте, чтобы сделать новые жертвоприношения в память об умершем. Славянин, чей конь был убит в сражении, воздавал такие почести своему погибшему скакуну, которые намного превосходили скифские. Тело коня помещали на высокий помост, над которым затем насыпали холм такой же высоты, как и над могилой погибшего воина. Вероятно, что обычай славян класть меч рядом с новорожденным мальчиком и сажать ребенка на коня в день исполнения ему трех лет также шел от скифских традиций.

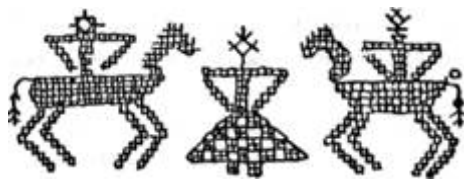
В V в. н. э. люди, жившие на юге России, начали поклоняться солнцу, в результате чего в их искусстве наиболее заметное место стали занимать изображения коня и петуха, которые были символами солнца. Символическая значимость коня еще более возросла в следующем веке, когда конюшни стали строить вблизи храмов солнца. В них помещались животные, которых считали священными. Лошадь наделяли магической силой, как это сейчас явствует из народных сказаний. Вскоре к ним присоединились жар-птица и петух. Последние прочно завладели воображением людей и удержались в искусстве славян дольше, чем какой-либо другой древний мотив, сохраняя свое выдающееся положение во всем славянском мире вплоть до нашего времени, хотя его значение было уже позабыто. Изображения петуха, которые появляются на русских и балканских кружевах и вышивках,

восходят к тем, что существовали у скифов Алтая. Действительно, прототипы всех более поздних интерпретаций этого мотива имеются среди содержимого Пазырыкских курганов № 1 и 2. Самыми интересными из пазырыкских вариантов этого мотива являются два великолепных схематичных силуэта, вырезанные из кожи, а затем позолоченные, найденные в кургане № 1 (рис. 25). В них необыкновенно живая и в высшей степени замысловатая стилизация комбинируется с неожиданным, но, тем не менее, гармоничным натурализмом. Этот эффект достигается благодаря небольшим топорщащимся перышкам петушиных лапок. Смесь абстракции и достоверности также характерна для русского декоративного искусства, и изображения, близко напоминающие алтайские образчики, но которые были выполнены выдающейся художницей Гончаровой, работавшей в традиционном «русском» стиле, появились еще в начале XX в., задолго до открытия Пазырыка. Гребни пазырыкских петушков, отчасти напоминающие олени рога, также сохраняются в искусстве славян, и явно выраженное родство остается и в других отношениях.

Славяне на территории России постепенно комбинировали культ солнца с культом Великой Богини, добавляя к ее символике солнечные знаки. Они почитали ее с не меньшим пылом, чем скифы. Эта пера пустила особенно глубокие корни в лесистых регионах России, где крестьяне поклонялись Великой Богине в священных рощах и у истоков ручьев. Этот обычай продолжал существовать в некоторых глухих уголках страны вплоть до начала последней войны. Участники ритуала любили найти одиноко стоящую на открытом месте березу; они выбирали ее как олицетворение богини, облачая ее в женское платье и вешая на одну из ее ветвей священное полотнище с вышитым красным цветом изображением богини, ее служителей и атрибутов. Если такого дерева не находилось, то на открытое место ставили юную девушку, в волосы которой вплетали ветки березы, а священное полотнище вешали на любой удобный сук. Затем люди вставляли кольцом вокруг девушки, изображающей богиню, и начинали танцевать в хороводе, притопывая ногами, как бы изображая звук копыт бегущих лошадей.

Церемониальное полотнище считалось семейной реликвией. Оно было сделано руками какой-нибудь прародительницы и вместе с семейными иконами входило в состав наиболее оберегаемой и ценной части имущества. Рисунки на полотнище напоминали ранние прототипы. Его главным мотивом неизменно была богиня. Она часто появляется в одной и той же позе, в которой показана на скифских изделиях из металла, со стоящими обычно по бокам двумя величавыми всадниками, держащими подношения, в волосы которых иногда вплетены ветки березы. Или это конные жрецы, а поводья их лошадей крепко держит в руках всемогущее божество. Фон заполнен разнообразными солнечными знаками и символами, такими, как петухи, лошади, утки, зайцы и жар-птицы.

Обручившись, славянская девушка должна была изготовить такое церемониальное полотнище в подарок своему жениху. Она также должна была сшить себе свадебное платье, вышив на нем узоры согласно традиции. В Югославии, в частности, многие предметы одежды, которые носят и в наши дни, сохраняют детали, которые происходят от одеяний скифов, хотя большинство из них уже утратило свою первоначальную форму. В некоторых случаях узоры исказились просто по прошествии времени, предметно-изобразительные формы превратились в геометрические. В других случаях изменения, видимо, были внесены специально: идеограммы были замещены языческой символикой в те времена, когда язычество яростно искоренялось христианским духовенством. Однако в России некоторые узоры сохранили свои первоначальные названия, которые дают ключ к разгадке их значения. Определенные узоры, абстрактные сейчас, известны как «козлик», «петушок», «телячий глаз» и, что все еще немаловажно, узор оленьих рогов.

Рис. 66. Полотенце литовского крестьянина с вышитой фигуркой Великой Богини, по бокам которой находятся вожди верхом на лошадях. XIX в. Музей человека, Париж

Скифское влияние также может быть замечено в скульптурных украшениях, которые появляются на русских церквях в конце средневекового периода. Наиболее четко они прослеживаются в украшениях фасадов церквей XII и XIII вв. во Владимиро-Суздальском районе, особенно в церкви Святой Богородицы-Заступницы на Нерли и соборе Святого Георгия в Юрьеве-Польском. На обеих постройках среди изобилия христианской и другой символики можно увидеть забавных и очаровательных зверей скорее геральдического вида. Эти восхитительные создания давно уже озадачивают историков-искусствоведов. Некоторые из них приписывают эти изображения влиянию христианской Грузии и Армении, в то время как другие относят их к романскому стилю в искусстве Западной Европы. Манера их расположения на стенах скорее западная, чем восточная по замыслу, но христианские мотивы и стиль вообще произошли либо прямо из Византии, либо из Армении и Грузии. Сами животные, однако, очень тесно связаны с множеством существ, возникших в фантазиях скифских мастеров. Они действительно представляют возрождение местных форм, которые были реанимированы и превращены художниками-христианами этого региона в нечто совершенно новое по характеру.

Пока прогрессивные реформы Петра Великого не изменили ход развития страны, русское декоративное искусство сохраняло многие черты скифского стиля. Хотя зооморфические сращения и оленьи мотивы были забыты, сохранились многие узоры из птиц. Они появлялись в качестве украшений на различных изделиях из металла и керамики, вышивках и огнестрельном оружии. Некоторые предметы домашней утвари, чаще всего ложки и бокалы для вина, сохранили скифские формы. На них по-прежнему изображались олени и узоры в виде наконечников стрел, столь характерные для скифской орнаментации.

Во время сарматского и славяно-языческого периода в истории России были установлены торговые связи между людьми, жившими на побережье Черного моря, и жителями Прибалтики. Товары перевозились из одного региона в другой по большим рекам, которые пересекают Россию. Эта торговля постепенно стала контролироваться германскими народами, которые последовали за готами, когда те вторглись в Боспорское царство. Многие из них поселились по берегам Днестра и в северном Понте, но продолжали поддерживать постоянную связь со своей родиной. Теперь общие направления развития искусства, художественные изделия, монеты путешествовали вверх по течению великих рек вместе с тюками и мешками товаров. И именно таким путем рисунки и узоры, которые продолжали пока еще оставаться в основе своей скифскими, хоть и измененными понтийскими мастерами в угоду сармато-готским вкусам, просочились в Скандинавию и северную Германию.

Это влияние отражается в скандинавском искусстве с давних времен. Его можно

распознать в предметах позднекельтского периода его истории, относящихся к I—II вв. н. э. Оно просматривается, например, в привозном сосуде — великолепно украшенном огромном серебряном котле из Гундеструпа в Ютландии, имевшем двадцать восемь дюймов в поперечнике. Некоторые «звериные» мотивы, которые его украшают, очень близко напоминают скифскую работу, а включение в них придуманных зверей и слонов неоспоримо указывает на определенные восточные связи. Расположение сцен также соответствует скифским образцам. На одном рельефе ряд конных воинов изображен движущимся вправо, а в нижнем ряду они маршируют влево. Как уже было отмечено, это был излюбленный скифами способ расположения фигур, и он наверняка достиг Скандинавии с юга России. Правда, Шетелиг высказывается в пользу другой гипотезы: возможно, этот котел был завезен на север кельтами, жившими на Дунае.

Торговые отношения между Скандинавией и югом России были прерваны в IV в., когда с востока к Черному морю пришли гунны, вытеснив готов и изолировав этот регион. Тем не менее скифо-сарматский стиль, вероятно, продолжал оказывать влияние на украшения, сделанные в Скандинавии между 450-м и 600 гг. н. э., хотя Шетелиг оспаривает эту точку зрения, во-первых, из-за значительного разрыва во времени между периодом расцвета скифского искусства и зарождением «миграционного» стиля в Скандинавии и, во-вторых, из-за отсутствия изображений оленей в германском «зверином» искусстве, которое было главным источником скандинавского стиля. Однако он не принимает в расчет искусство сарматов и сохранение множества скифо-сарматских элементов в искусстве древних славян России. Невозможно игнорировать то влияние, которое оно, вероятно, оказало на мастеров с севера. Многие в скандинавском искусстве Шетелиг приписывает влиянию римского индустриального искусства и — в меньшей степени — германского «звериного» искусства. Последнее и само получило ценный вклад от скифо-сарматской школы, посредниками в чем были гальштатские и латенские кельты. Этот факт, вероятно, настроил жителей Скандинавии на благосклонный прием схожих художественных направлений, идущих к ним прямо с юга России. В результате из смеси этих разнообразных элементов в Скандинавии развился очень оригинальный стиль. Позднее он послужил фундаментом для искусства викингов, а оно, в свою очередь, было в конечном счете завезено в Британию, где нашло свое чрезвычайно успешное выражение в кельтской и саксонской резьбе и ювелирных изделиях.

Скифо-сарматские элементы, которые сохранились в искусстве славян, снова стали преобладать в искусстве Скандинавии, когда связи с югом России укрепились благодаря викингам, которые обосновались там в XIX в. Они даже поселились в Поволжье и Прикаспийском районе, где скифские художественные формы продолжали процветать даже в еще более чистом виде. Мелкие предметы, такие, как бронзовые пластинки из Борре (Норвегия), демонстрируют это очень ясно как в отношении набора животных, появляющихся на них — оленей, грифонов и придуманных существ, — так и в стиле изображения. Даже линии, очерчивающие мускулы, явно произошли от скифских. Это же влияние очевидно и в крупных изделиях, особенно это относится к звериным головам на кораблях викингов из Осеберга и Гёкштадта. Они служили для защиты от дурного глаза. Особенно хорошо в скифские рамки вписывается конь из Гёкштадта. Он выполнен в том же самом стиле, что и пластинки из Борре, слегка отличаясь от более пышной и цветистой Осеберг-ской манеры. Его происхождение можно проследить до бронзового коня из Керчи среднескифского периода. Возможно, это влияние пришло напрямую с юга России, смешавшись по дороге с искусством славян, которые создавали творения, похожие на те, что были найдены в тайнике VI в. в Мартыновке под Киевом. Или, возможно, оно двигалось более извилистым путем через Гальштат. Там его следы можно увидеть на графине IV—III в. до н. э., найденном в Бассе-Ютце в Лоррейне. Хотя и персидская по форме, бронзовая ручка в виде волка безусловно скифская по почерку. Ко времени

переселения народов этот стиль, в свою очередь, изменился в сторону более тяжелых и орнаментированных форм, что великолепно выражено в бронзовом орнаменте VI в. н. э. из Венгрии.

Рис. 67. Серебряная пластинка славянской работы из Мартыновки, Киевская область. VI в. н. э.

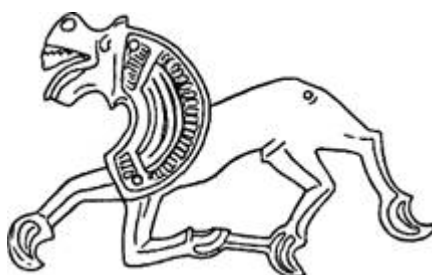

Рис. 68. Бронзовый конь VI в. н. э. из Венгрии. Национальный музей в Будапеште

Несколько схожие скифо-сарматские тенденции дошли даже до самой Британии. С одной стороны, этот стиль был завезен на ее берега викингами, а с другой — прибыл более кружным путем через Германию. И снова юг России послужил отправной точкой, так как, когда готы ушли с Понта, чтобы захватить и опустошить большую часть Юго-Западной Европы, они принесли с собой свои многоцветные ювелирные украшения и изделия из металла, и вместе со скифо-сарматскими элементами, лежавшими в их основе, этот стиль распространился по многим регионам. Так «звериный» стиль возродился сначала в Румынии, затем в Австрии, затем в Рейнской области, откуда он попал вместе с другими элементами в Англию.

Скифо-сарматское влияние было особенно заметно в Центральной Европе. Может быть, это произошло благодаря просачиванию в этот регион евразийских элементов во время позднего гальштатского и раннего латенского периодов, то есть начиная приблизительно с 500 г. до н. э. гальштатские кельты вели такой же образ жизни, как и кочевники Евразии. И гальштатский меч из Музея естественной истории в Вене демонстрирует, что их богато украшенные штаны были весьма похожи на те, что были надеты на скифах с чертомлыкской вазы, в то время как их куртки с раздвоенной задней частью напоминают

те, что Радлов нашел в Катанде. Якоб-шталь рассматривает этот регион и его жителей в качестве «самого западного аванпоста обширного евразийского пояса». И действительно, евразийские элементы постоянно обнаруживаются в их изделиях. Ряды зверей шествуют гуськом, правда, в одном направлении, по краям бронзовых сосудов, которым нет числа. Чеканка и штриховка — распространенные декоративные мотивы; пирамиды и окружности напоминают скифские узоры; знакома и фигура Великой Богини с двумя зверями по бокам. Даже такой вариант ее изображения, который относится к периоду переселения народов, найденный на западе в Амьене, где она изображена в характерной позе, уверенно держащей лошадей под уздцы, очень близко подходит к евразийским версиям.

Первые следы скифского влияния в Венгрии датируются приблизительно 500-м г. до н. э., когда в этот регион проникла первая волна скифов. Это выразилось в появлении ряда поздних гальштатских работ. Однако эту связь можно заметить не только в стилистическом сходстве; она подтверждается археологическими доказательствами, собранными за последние сорок лет. Они показывают, что западные скифы и восточные кельты находились друг с другом в некоторых сношениях. Так, в 1910 г. Спицын обнаружил в Немирове в Подолии на западе России скифские предметы, лежавшие вместе с осколками типично гальштатской керамики. То же самое нашел и Данилевский при раскопках в различных районах Киевской области и на побережье Днепра. А Бобринский раскопал как латенские, так и гальштатские изделия в ходе работ в Приднепровье. И наоборот, Пардуш, проводя в 1952 г. раскопки в местечке Шентес-Фекерцуг в Венгрии, наткнулся на странное явление. Захоронения в Фекерцуге занимают большую площадь и носят смешанный характер. Многие из них содержали в себе погребенных лошадей вместе со сбруей. В некоторых также лежали зеркала, трехгранные наконечники для стрел и другие скифские предметы, в то время как в других не было найдено ничего скифского, а только кельтские предметы. Та же самая ситуация была характерна и для других мест раскопок, таких, как Эгреската, Матрашеле и Чотин, а также некоторых районов Трансильвании. Все еще невозможно провести четкое разграничение между могилами каждой группы на этих смешанных кладбищах. Но Пардуш убежден, что захоронения демонстрируют «совершенно определенные признаки скифских традиций». Мацулевич также, описывая найденную в Восточной Европе могилу «короля варваров», привлекает внимание к некоторым узорам на конской упряжи из этой могилы. Самые интересные были в форме змей с головами рыбо-птиц. С одной стороны, они напоминали скифские экземпляры из Керчи, а с другой — некоторые фибулы V в. н. э., найденные во Франции. Таким образом, балканские захоронения являются звеном в цепи между скифской Керчью и Францией династии Меровингов (ок. 476—750 гг.).

Искусство миграционного периода различных районов в пределах распространения гальштатской и латенской культур тесно связано между собой. И хотя оно развивалось в каждом районе по независимым направлениям, они временами сходились в одной точке, чтобы позаимствовать какой-нибудь мотив или деталь у главного русла. Такие черты оставались практически неизменными в течение веков и временами переходили к какому-нибудь соседу, в чьих руках узоры часто сохраняли первозданный вид. Правда, иногда они превращались в независимые, совершенно другие варианты. Нигде их взаимосвязь не видна так ясно, как в постоянно появляющемся во всем этом регионе мотиве птицы с большим клювом. Даже поверхностный взгляд на карту его обнаружения показывает поразительное постоянство и глубокое проникновение. Таким образом, существует удивительная связь, к которой привлек внимание Ростовцев, между великолепной золотой и многоцветной птицей сибирского происхождения и находкой из Петроасы. Первая имеет вид орла или какой-либо другой птицы с большим клювом, пожирающей оленя (фото 46). Вторая же, также представляющая собой полихромное изделие из золота, очень на нее

похожа (фото 47). Увлечение готов хищными птицами сыграло свою роль в сохранении этого скифского мотива, изображающего птицу с большим клювом и круглыми глазами, которая остается популярной на большей части территории Западной Европы в течение многих веков. Так, очень ранняя скифская версия из станицы Ке-лермесской, выполненная из кости (фото 48—50), вновь возникает во франкском мире много лет спустя почти без изменений, независимо от того, сделана ли она из тяжелой бронзы или из изящной эмали. Одна из самых поздних и, возможно, самая изысканная из всех птиц с большим клювом дошла до нас из далекой Англии. Она была изображена на крышке ларца для денег из сокровищ Саттон-Ху в Суффолке. Эти сокровища датируются 655—656 гг. н. э. (фото 52). И в силуэте птицы, собирающейся напасть на утку, уже видны легкие признаки вытянутое, которая позднее станет характерной чертой английской живописи и скульптуры. И все же она остается близкой франкским версиям, а через них — и скифским оригиналам. Скандинавский характер, может быть, более заметен в некоторых других эмалевых орнаментах этого ларца, но кельто-скифский элемент, бесспорно, сильнее всего выражен в птице. На диске, прикрепленном к выступу в центре щита из сокровищ Саттон-Ху, изображено двуглавое существо, имеющее много общего с работами среднескифского периода и с ручкой от кувшина из Бассе-Ютца (фото 45, 51). Одна из его деталей представляет собой сильно стилизованную версию птицы с большим клювом, но посредством несколько неуклюжего и упрощенного зооморфического сращения ее спина превращается в голову дракона, которую в некоторой степени можно сравнить с фигуркой из Пазырыкского кургана № 2. В целом украшение определенно напоминает венгерского коня периода переселения народов (рис. 68).

Сходство со скифским искусством часто можно найти в скульптурах и украшениях кельтской школы в Британии. На папильском кресте, датируемом VIII в. или даже ранее, что находится на острове Бурра, одном из Шетландских островов, изображен лев в характерной для скифского зверя настороженной позе, с круглыми глазами и мускульными линиями. Изображение тельца из Дарроу-Госпелз имеет точно такие же отметины; и хотя они являются декоративными элементами, первоначальный вид этих линий в виде точек и запятых все еще узнаваем. Возможно, они попали в Англию из гальштат-ской культуры, так как они часто возникают на керамике ее более позднего периода, например при изображении животных в скифской манере — на глиняной фляге, найденной в Матцхаузене и сейчас находящейся в Берлине. На абботсфордском кресте, что находится в Музее Древнего мира в Эдинбурге, изображено животное, также отличающееся рядом скифских черт.

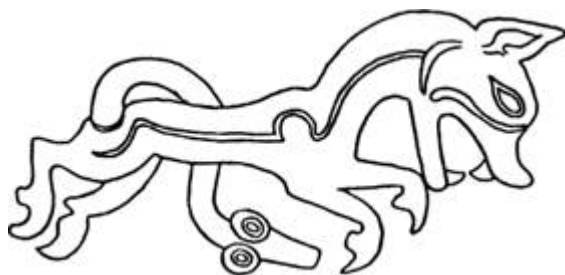

Рис. 69. Животное с абботсфордского креста. Вудрей, Форфаршир

Так, хвост этого существа заканчивается посредством зооморфического сращения змеиной головой; в заостренных концах ног просматривается сходство с оленями из Куль-Оба и Золдаломпушты (фото 24, 28) и славянскими пластинками из Мар-тыновки (рис. 67). Более того, гребень, проходящий вдоль его спины и указывающий на трехмерность изображения, линии в виде запятых, очерчивающие его морду, удлинённый глаз и заостренное ухо, — всему этому можно найти параллели в Евразии.

Эти черты сходства можно было бы находить снова и снова, но наиболее четко они проявляются в нескольких саксонских плитах XI в. Одна из них, первоначально находившаяся во дворе церкви Св. Павла, а в настоящее время — в Музее Гилдхолл в Лондоне, имеет изображение оленя с совершенно скифскими чертами. Его поза не сильно изменилась за пятнадцать столетий, которые прошли с того времени, когда скифы впервые создали свой собственный изобразительный мотив. Его мускульные линии, которые ведут свое начало от Аладжа-Хююк, возраст которого две с половиной тысячи лет, по-прежнему находятся на своих местах, правда, в несколько измененной форме. Но что более важно — осталось сходство ощущений. Человек, который вырезал это изображение на камне, должно быть, чувствовал ветер, дующий с юга России на запад через Скандинавию и доносящий последнюю вспышку вдохновения из давно уже мертвого скифского источника.

Западный «звериный» стиль, формированию которого способствовали скифы, послужил, в свою очередь, трамплином для скульпторов романского стиля и первых средневековых художников-иллюстраторов, но их искусство, хоть оно и уходило своими корнями глубоко в древние времена, выражало старые доктрины совершенно по-новому. Новый стиль избавился от всего скифского. И все же есть высокая степень вероятности того, что изображение животных не сыграло бы такой большой роли в искусстве древней Европы, если бы не было скифов, которые развили «звериный» стиль в искусстве, зародили интерес к животным формам и понимание их во многих регионах западного мира.

В V и IV вв. до н. э. запад и восток объединились в Пазырыке, по крайней мере в том, что касалось импорта товаров, так как именно из этого региона в Китай проникли как западные, так и скифские направления в искусстве. Контакты между Китаем и восточными кочевниками действительно были установлены в давние времена и поддерживались посредством торговли и обменов подарками: китайцы дарили прекрасные лаковые изделия и изысканные шелка вождям кочевников, которых они хотели умиловить. Скифские предметы, которые были найдены в Ордосе и далеко в глубине территории Китая в местечке Уля-фу в провинции Чен-су, возможно, были подарками, полученными в ответ от скифов. Хотя возможно также, что наиболее вероятно, они были приобретены отдельными китайцами. Тем не менее оба этих народа, похоже, не имели много общих интересов или вкусов, так как хотя они время от времени и заимствовали друг у друга какой-либо узор или деталь, влияние, которое они оказывали друг на друга, было в значительной мере поверхностным. Так, вычеканенные мордами друг к другу животные с медной пластинки из Па-зырыкского кургана № 2 представляют собой редкий образец китайского элемента в алтайском искусстве, а в Скифии он едва ли встречается. Такие предметы, как зеркало доханьской эпохи, обнаруженное в Пазырыкском кургане № 6, следует четко определить как завезенные.

Если кочевники и нечасто видели искусство глазами китайцев, им тем не менее удалось оставить свой след в искусстве народа Ордоса и Хунаня. Там в IV—I вв. до н. э. появляются бронзовые и серебряные пластинки с изображениями либо бегущих оленей, мулов, лошадей, леопардов или тигров, либо лежащих без движения (фото 61—62). В них часто просматривается близкое сходство с более ранними скифскими работами, и есть

основания считать, что их следует рассматривать как прототипы. Другие изделия отражают стиль Пазырыка и Сибири, в то время как на бронзовой пластинке, находящейся в Британском музее, изображен тигр, который явно имеет отношение к тем изображениям, которые украшают поверхность гроба Басада (фото 56). Этот хищник из Китая несет барана, который, в свою очередь, очень похож на вырезанные из кости и дерева рельефы, найденные в станице Келермесской и в Пазырыке (фото 36—37). Многие пластинки были украшены звериными формами, которые принимают знакомые очертания буквы «В», лежащей в горизонтальном положении (фото 53, 56). Они тоже показывают, что в течение всей последней половины 1-го тысячелетия до н. э. кочевники Сибири, вероятно, имели регулярные контакты с людьми, живущими на окраинах Китая.

Рис. 70. Медная пластинка, демонстрирующая китайское влияние на искусство кочевников. Курган № 2, Пазырык. IV в. до н. э. Размер около 4,5 на 3,5 дюйма

И все же влияние Евразии не было ограничено исключительно отдаленными районами этой великой империи. Оно чувствовалось и в самом Китае, пусть даже его роль сначала была главным образом побочной и состояла в том, чтобы передавать на восток определенные животные формы, которые развились на западе. Этот эффект особенно выражен в районе Хунань, где искусство эпохи Чу I, в котором в изобилии присутствовали «звериные» мотивы, стало включать в них изображения зверей, пришедшие с запада. Среди них стилизованные фигуры тигров, рогатых львов и грифонов с головой орлов, которые могли прибыть в Китай только из Среднего Востока, где их регулярно находят в ассирийском и шумерском искусстве более раннего периода. Даже дракон времен династии Хань, хоть его и рассматривают сейчас как исключительно китайское творение, вероятно, возник как гибрид тигра и птицы-феникс, за что, возможно, в ответе персидский Симург. Квадратные или круглые узоры, которыми китайцы покрывали тела своих бронзовых животных, почти наверняка произошли из меток в виде точек, запятых и полумесяцев, которые использовались евразийскими кочевниками с такой удивительной частотой и которые гораздо позднее вновь появились как излюбленный мотив на турецких тканях.

Во времена династии Хань влияние искусства Сибири скифского типа стало на какое-то время таким сильным, что некоторые восточные бронзовые пластинки едва ли отличались по структуре и форме от работ кочевников. В то же время китайский дракон стал

изгибаться в привычной для скифов позе: голова повернута в одном направлении, а тело — в другом. Приблизительно в это же самое время восточные мастера по металлу начали стилизовать хвосты и конечности многих животных в соответствии с традицией, характерной для алтайского и скифского искусства. А в Китае появились такие навершия для шестов и мебели, какие процветали в Египте, на Древнем Востоке, в Сибири и Скифии с далеких доисторических времен. И таким образом, стиль, выкристаллизовавшийся в Евразии, проник в то или иное время и на восток, и на запад, где он стал отправной точкой для многих новых течений в декоративно-прикладном искусстве различных и далеких друг от друга земель.

Чу — древнее государство в Китае VIII—III вв. до н. э.

Приложения

Главные захоронения скифов и родственных им племён

Кубанская группа

Станица Елизаветинская (V—IV вв. до н. э.)

Карагоденашх (первая половина III в. до н. э.)

Станица Келермесская (VII—VI вв. до н. э.)

Станица Костромская (VII—VI вв. до н. э.)

Курджипские курганы (IV—III вв. до н. э.)

Станица Марьевская (IV в. до н. э.)

Курганы Семи Братьев (начало V в. до н. э.)

Ульские курганы (VI в. до н. э.)

Станица Урупская (IV в. до н. э.)

Таманская группа

Курганы Большие Близнецы (IV в. до н. э.)

Курганы у озера Зукур (V в. до н. э.)

Фанагорские курганы (конец IV в. до н. э.)

Таманские курганы (последняя четверть IV в. до н. э.)

Васюринские курганы (начало III в. до н. э.)

Крымская группа

Ак-Метчет (VI—V вв. до н. э.)

Алтын-Оба (начало V — конец IV в. до н. э.)

Дёрт-Оба (III в. до н. э.)

Эль-Теген (Нимфей) (вторая половина IV в. до н. э.)

Кара-Кият (Симферополь) (III в. до н. э.)

Крымское поместье (V—IV вв. до н. э.)

Куль-Оба (начало V — конец IV в. до н. э.)

Патиниотти (конец IV в. до н. э.)

Гора Темир под Керчью (VII в. до н. э.)

Царский курган (начало V — конец IV в. до н. э.)

Сальгир (III в. до н. э.)

Приднепровская группа (в основном к северу от Перекопа и вдоль левого берега реки)

Алановские Близнецы (середина IV в. до н. э.)

Александрополь (середина IV в. до н. э.)

Бабий курган (IV—III вв. до н. э.)

Башмацкий курган (III в. до н. э.)

Чертомлык (IV в. до н. э.)

Чмырев курган (V—IV вв. до н. э.)

Деев курган (IV в. до н. э.)

Дергос (середина IV в. до н. э.)

Каменная Могила (III в. до н. э.)

Лемешовский курган (середина IV в. до н. э.)

Малая Лепатича (середина IV в. до н. э.)

Мельгуновский курган (VII—VI вв. до н. э.)

Мордвиновские курганы (середина IV в. до н. э.)

Никопольские курганы (середина IV в. до н. э.)

Огюзские курганы (последняя половина II в. до н. э.)

Острая Могила (VI—V вв. до н. э.)

Раскопанские курганы (IV—III вв. до н. э.)

Рыжановка (IV в. до н. э.)

Серегозские курганы (V—IV вв. до н. э.)

Шульговка под Мелитополем (середина IV в. до н. э.)

Солоха (не ранее середины IV в. до н. э.)

Толстые Могилы (середина IV в. до н. э.)

Цимбалка (IV в. до н. э.)

Верхний Рогачик (середина IV в. до н. э.)

Знаменка (IV в. до н. э.)

Донская группа

Станица Елизаветинская (V—III вв. до н. э.)

Курганы Пяти Братьев

Новочеркасское сокровище (I в. до н. э. — I в. н. э.)

Воронежские курганы (конец IV в. — III в. до н. э.)

Киевская группа

Берестняга (конец IV в. до н. э.)

Бобрица (конец IV в. до н. э.)

Черкасская группа курганов (VI—V вв. до н. э.)

Холодный Яр (VI в. до н. э.)

Галущино (V в. до н. э.)

Ильинец (IV в. до н. э.)

Литой курган (VI в. до н. э.)

Мартоноша (первая половина VI в. до н. э.)

Новоссель (IV в. до н. э.)

Острая Могила и Каневичская группа (VI—V вв. до н. э.)

Перепятчина (V в. до н. э.)

Райгород (III—II вв. до н. э.)

Сахновка (IV в. до н. э.)

Шкловская группа в Звенигородском районе (VI в. до н. э.)

Район Смела (VI—III вв. до н. э.)

Снос-Боровский (конец IV в. до н. э.)

Турьи (V в. до н. э.)

Заботинская группа (VI в. до н. э.)

Зуровка и Капитоновка (VI в. до н. э.)

Полтавская группа (близкородственная Киевской группе)

Акбютинские захоронения (IV в. до н. э. — I в. н. э.)

Волковская группа (III—I вв. до н. э.)

Волжская группа

Астраханская группа (V—II вв. до н. э.)

Самарская группа (V—II вв. до н. э.)

Уральская группа

Биш-Оба

Оренбург

Алтайская группа

Басадар (замерзшие захоронения) (V—IV вв. до н. э.)

Катанда (замерзшие захоронения)

Курай

Пазырык (замерзшие захоронения) (V—III вв. до н. э.)

Шибе (IV—III вв. до н. э.)

Туэкт

Северная Монголия

Нойн-Ула (I в. н. э.)

Германия

Пломюлен (V—IV вв. до н. э.)

Феттерсфельд (начало V в. до н. э.)

Венгрия

Тапиошентмартон (V в. до н. э.)

Золдаломпушта (V в. до н. э.)

Румыния

Бурени (конец IV—III вв. до н. э.)

Кусьюрул-Маре (конец IV—III в. до н. э.)

Сату-Маре (конец IV—III в. до н. э.)

Приложения

Скифские цари

Таргитай — известен как лидер Фалатской династии, но, вероятно, всецело легендарный персонаж.

Колакс — вероятно, основал династию царских скифов.

Спаргапейт Люк — сын Спаргапейта.

Гнур — сын Люка.

Партатуа и его сын Мадий, который, возможно, был его соправителем или заместителем. Они правили в Урарту в 630 г. до н. э.

Савлий — брат Анахарсиса, правил в 589 г. до н. э.

Идантирс вместе с **Таксакисом** и **Скопасисом** (которые, возможно, были его заместителями или соправителями) противостоял Дарию в 516 г. до н. э.

Ариапейтс — сын Иданфирса, имел в женах гречанку из Истра, скифскую женщину, а также дочь фракийского вождя Тереса.

Скил — сын Ариапейтса, после смерти которого женился на своей мачехе-гречанке; был убит своим братом Октамасадом за свои прогреческие настроения.

Октамасад стал преемником Скила. До Геродота.

Арианф — провел перепись населения среди своих подданных.

Аристагор — правил в 495 г. до н. э.

Аэрт убит в сражении Филиппом Македонским в 339 г. до н. э. в возрасте девяноста лет.

Агар — дал убежище младшему сыну боспорского правителя Спартока. Преемником последнего стал его соправитель Пайрисад I, который отказался платить дань скифам и впоследствии был убит в бою Агаром в 310 г. до н. э.

Скилур — чеканил монету в Ольвии в 110 г. до н. э. и держал свой капитал в Неаполе Скифском.

Палакк — сын Скилура.